

МАКАРЕНКОВ

ВРЕМЯ

ВЕДЬМЫ

Максим Макаренков

Время ведьмы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68676050
Время ведьмы / Максим Макаренков: Пятый Рим; 2022*

Аннотация

Татьяна Береснева и Ян Вяземский искренне надеялись хотя бы на передышку. Но и тех, кому веками противостоит Орден Стражей, свои планы. Им нужна не просто власть. Им нужна вся Вселенная...

Сможет ли горстка людей спасти мир? И – какой будет цена спасения?

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Интересная работа	9
Как честный человек...	24
Давайте, поговорим	38
Визиты	50
Странное знакомство	75
Ожидания	92
Опасные вопросы	123
Изменения	147
Сплетения	183
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Максим Макаренков

Время ведьмы

«Мир обновляется чистым огнём

Мы – саламандры, живущие в нём»

Оргия Праведников

© Оформление. ООО «Пятый Рим», 2022

© Максим Макаренков, 2022

Часть первая

Пробуждение

Пролог

Москва. Ночь.

Коренастый широколицый человек в темном мятом костюме бежал по прозрачной трубе Ростовского пешеходного моста, протянувшегося над рекой Москвой.

Взбегая по лестнице к мосту, он поскользнулся и приложился коленом к острой кромке ступеньки. Послышался противный хруст, после чего человек бежал, хромя все сильнее с каждым шагом.

Снаружи смотрела на него миллионами равнодушных глаз апрельская ночь.

Человек оглянулся на бегу – лампы за его спиной гасли, словно некая, невидимая глазу, субстанция вытягивала свет из окружающего мира.

Повернулся и, скрестив перед собой руки со сжатыми кулаками, выкрикнул в сгущающуюся, несущуюся ему навстречу, тьму, короткое слово, разнесшееся громовыми раскатами. Обвивающий левое запястье человека браслет налился серебристым сиянием, и с него сорвалась молния, изо-

гнутым клинком распоровшая наползающую темноту.

Непроглядно-черные кольца сжались, отпрянули, и человек побежал снова, стараясь воспользоваться каждым мгновением передышки.

Короткая схватка измотала его, дыхание со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы, по лицу текли крупные капли холодного пота. Он чувствовал, что и по ноге текут струйки – кровоточило рассаженное колено.

– Хорошо, хоть, не сломал, – подумал он мимолетно, и услышал позади тихий треск. Не было времени оглядываться, но предчувствие новой беды сжало сердце.

Уже маячил впереди выход с моста. Сбежать по ступеням, а там – пересечь узкую дорожку спуска к набережной, и затеряться в узких переулках и старых дворах.

Даже тем, кто его преследует, будет непросто найти свою добычу.

Он все же глянул через плечо, глаза расширились от ужаса.

С тихим льдистым потрескиванием прозрачную крышу моста затягивал морозный узор, какой появляется на окнах посреди зимы. Тьма одним прыжком вернула себе с таким трудом отвоеванное человеком пространство и из непроглядно-черного зева с воем вырвался ледяной, несущий запах холодной крови и разлагающегося мяса, ветер.

Первый порыв заставил беглеца замахать руками, он отчаянно пытался сохранить равновесие, выиграть еще несколь-

ко секунд.

Усталое, но хорошо тренированное тело само нашло наилучшее решение. Когда в спину ударил следующий порыв, человек отчаянно прыгнул вперед, вцепился в перила лестницы и заскользил по ним вниз.

Над мостом стремительно вырос столб черного дыма. Словно живое существо, он устремился вперед, сопровождаемый завыванием ледяного ветра.

Возможно, коренастому удалось бы уйти, но подвела разбитая нога. На кромке тротуара он споткнулся, кубарем вылетел на мостовую, перекувырнулся через плечо, и со стоном встал.

Порыв ветра поднял в воздух осколок разбитой пивной бутылки и метнул его вперед, туда, где поднималась темная фигура.

Человек почувствовал, как что-то больно чиркнуло по горлу, и в воздух ударил фонтанчик крови из рассеченной артерии. Зажимая рану, раненый сделал шаг. Другой.

Дворы уже совсем рядом.

Дойти.

Хотя бы на несколько минут оказаться в одиночестве, и написать кровью где-нибудь рядом с собой имя, которое все объяснит.

Если это имя увидит Кёлер – поймет.

В спину ударил упругий кулак ветра, человек упал на колени.

Сильно кружилась голова.

Он приляжет всего на минутку. А потом встанет, и пойдет дальше. И обязательно доберется до...

Руки задрожали, подогнулись, не в силах выдерживать вес тела.

Да. Надо поспать.

Он все же дополз до тротуара. Положил голову на вытянутую руку, и затих.

Интересная работа

К концу фильма Аня постоянно вытирала слезы, хлюпала носом и деликатно сморкалась.

А когда не сморкалась, мяла в руках носовой платок.

Таня стискивала зубы, и напоминала, что Анька – ее лучшая подруга, еще со школьных времен несущая тяжкое бремя общения с ней – Татьяной Бересневой, рыжей язвой и потомственным циником.

В один из наиболее душещипательных моментов сзади заржали, хрустя попкорном. Пришлось обернуться и вперить мрачный взгляд в компанию юнцов.

Юнцы затихли.

Последние пять минут Таня вертелась в кресле, закидывала ногу на ногу, смотрела на часы...

Все! Состоялся затяжной поцелуй в диафрагму и, счастливая наплакавшаяся Аня двинулась к выходу. Татьяна плелась следом, стараясь не наступать на рассыпанный попкорн и оставленные у кресел стаканчики из-под колы.

Наконец, вырвались на улицу. Блаженно вдохнули весенний воздух. Пусть и городской – намертво пропахший пылью и бензином, но весенний – пьянящий, заставляющий замирать сердце и с затаенной тоской смотреть на луну. В этом году апрель решительно опроверг все мыслимые предсказания и вынудил Татьяну в рыться в коробках с обувью и шка-

фу, куда были упакованы летние вещи. Почти плюс двадцать на второй неделе – это, знаете ли, ни в какие ворота не лезет, – бурчала она, стараясь удержать упорно вываливающуюся с верхней полки коробку с кроссовками, но в глубине души радовалась неожиданному теплу.

Аня снова блаженно хлюпнула носом:

– Все-таки до чего трогательно. Побольше! Побольше таких фильмов надо!

Застегивая молнию короткой куртки, Таня с улыбкой смотрела на подругу. В тридцать лет Аня ухитрялась сочетать качества совершенно несочетаемые: стальную деловую хватку со слезливой сентиментальностью, убежденность в том, что «все мужики козлы» с совершенно беззаветной любовью к мужу. Татьяну она считала человеком к жизни абсолютно неприспособленным, а потому жалела и опекала.

Таня посмеивалась и охотно разрешала подруге хлопотать. Ее искренне интересовало, когда же она перестанет выдавать ее замуж. Но Аня была человеком упорным и надежды не теряла.

Сегодня, правда, Тане удалось уболтать ее сходить в кино вдвоем, без очередного молодого человека, который «такая умница, хорошо зарабатывает и обязательно тебе понравится».

Вздыхнув, Аня промокнула платком глаза и полезла в сумочку за пудреницей.

– Может, посидим еще, чайку попьем? – предложила она,

убирая черный кругляш в сумку.

Татьяна глянула на часы:

– Увы. Прости, но я побегу. Хочу еще черновик статьи просмотреть.

– У-у-у, деловая. Ладно, тогда я тоже побежала! – надула губки Аня, звонко чмокнула воздух около уха подруги, и зацокала к припаркованному неподалеку «Ниссану».

А Татьяна неторопливо направилась к метро. Езду по Москве на автомобиле она искренне считала развлечением для мазохистов, к тому же, в метро можно спокойно почитать, или понаблюдать за окружающими. Занятие не всегда приятное, но чертовски увлекательное.

И еще один плюс: от «Арбатской», где расстались подруги, до «Первомайской», где Татьяна жила, прямая ветка – можно сесть и уткнуться в книгу, не беспокоясь, что пропустишь станцию пересадки.

Смартфон разразился мелодией из «Футурамы», когда Таня налегла плечом на стеклянную дверь метро. Девушка остановилась, отошла в сторону, доставая серебристую пластину из кармана джинсов.

Глянула на экран. Ну, естественно, кто еще это может быть!

Вздохнув, сдвинула прыгающий кружок к зеленой трубке:

– Здравствуй, Олежка. Скажи, что ты позвонил просто так.

– Таня, я редактор. Я не умею звонить просто так.

– Я знаю, – мрачно ответила Татьяна. – Итак?

– Итак. В Россию вернулся внезапно образовавшийся наследник рода Вяземских. Господин весьма интересный, и я хочу интервью.

– Олежка, в твоём голосе я чувую подвох...

Послышалось шуршание, покашливание, и Татьяна добавила с угрозой:

– Олег? В чём подвох?

– Ну, понимаешь... Пока никому не удалось это самое интервью у него взять.

– А кто эти «все»?

– «Эсквайр», например...

– Олег? И ты хочешь, чтобы я за это взялась? С «Эсквайром» он разговаривать отказался, а твоему «Вестнику Урюпинска» интервью даст!

– Вот только хамить не надо! – попытался не слишком убедительно возмутиться Олег. Журнал, с которым Таня сотрудничала, действительно находился далеко не в первом эшелоне столичной прессы. Но, гонораров хватало для оплаты квартиры, перечислялись они без задержек, и положение вещей вполне её устраивало.

И все же, требовать от неё такое!

– Тань... Ну ты попробуй хоть? – заканючил Олег, и Татьяна сдалась.

– Ладно. Я попробую. Просто попробую, так что, в план не ставь. Скидывай мне все, что у тебя есть по этому наслед-

нику, приеду домой, гляну.

– Вот и славненько. Вот и чудненько, – и явно приобод-
рившийся редактор положил трубку.

Спускаясь по эскалатору, Татьяна хмыкнула:

– Ишь ты – наследник! Забавно.

Пронзительно взвизгнув, подлетел недовольный ночной поезд. В полупустом вагоне Татьяна откинулась на спинку сиденья, вставила в уши капельки наушников, и, отгородившись от окружающих музыкой, задумалась.

В последнее время встречи с подругами давались все тяжелее. Можно было сколько угодно убеждать себя, что в одиночестве есть куча преимуществ и изображать независимую даму свободных взглядов, но...

«Но, черт побери, Татьяна Владимировна, – сказала она самой себе, – хотя бы сама себе не ври, тебе дьявольски надоело возвращаться в пустую квартиру. Даже кот уже выражает тебе свое „фэ“, а мама жалостливо смотрит и молчит».

Самоедские мысли эти были привычными, уютными даже. Означали, что все нормально, первая стадия самокопания проходит успешно, и скоро можно переходить ко второй – напомнить себе о неудачном замужестве, и омерзительной процедуре развода, не выдержав которой Татьяна плюнула на все, и ушла с одной спортивной сумкой, где лежала немудреная одежда и старенький ноутбук.

Прощайте шесть лет замужества, удачи вам, дорогой Константин Борисович и всей вашей семье, надеюсь, вы больше

никогда не появитесь в моей жизни.

С тех пор миновало три года и несколько коротких бурных романов, в результате которых у Татьяны повысилась язвительность и появилось стойкая убежденность – тихую малообеспеченную старость она встретит в гордом одиночестве.

И все же, и все же...

Не страдая комплексом неполноценности, она прекрасно понимала, что привлекает мужчин. Невысокая стройная, вроде бы и не красавица – несколько неправильные, черты лица: острый нос, великоватый рот, широкие скулы, но... Мужчины с завидным постоянством оглядывались вслед подтянутой рыжеволосой девушке.

Увы, многие разочаровывались, обнаружив, что в комплекте с сексапильной внешностью идут острый ум, независимый характер и абсолютное нежелание играть по правилам «приличного общества».

Некоторые поклонники стремительно исчезали с горизонта, не понимая, что еще надо этой ненормальной: ей же предлагается хорошее содержание и даже собственный автомобиль, другие – что странная девица вовсе не собирается прыгать к ним в постель, хотя это безусловно поможет в карьере.

В конце концов, Татьяна решила, что быть белой вороной – это даже забавно.

Заработки внештатного корреспондента в одном небольшом журнале, постоянная колонка в другом, и нерегулярные, но частые заказы еще из нескольких изданий, позволя-

ли существовать не шикарно, но вполне, на ее взгляд, пристойно. К тому же, признавалась Татьяна самой себе, она просто терпеть не могла сидение в офисе с десяти до семи. При воспоминании о полугодовом опыте такой работы, до сих пор бросало в дрожь.

Однако, подруга, это не значит, что ты можешь просто так отказываться от заказов, – напомнила себе Татьяна.

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Первомайская, – сообщил невидимый голос.

Промелькнули колонны «Измайловской», поезд влетел в туннель.

Пора выходить.

Первомайская, как всегда, встретила гулом автомобилей, нервным скрипом тормозов на светофоре, и гортанными возгласами вечерних прохожих.

Перейдя на противоположную сторону, Татьяна двинулась дальше, вниз, к Нижней Первомайской. Конечно, там всегда перекопано, но куда тише и зелени побольше. Район свой Таня искренне любила – за близость Измайловского парка, обилие зелени, да много за что еще.

Неожиданно, она поймала себя на мысли, что идет и думает о неизвестном наследнике рода Вяземских.

Интересно, какой он? Откуда вернулся в Россию? Зачем?

Наверняка почтенной внешности мужчина, в возрасте хорошо за шестьдесят, обремененный внушительным состоянием. Внезапно вспылал страстью к исторической родине

и решил вложить здесь деньги в какой-нибудь бизнес. Отчего-то образ наследника вырисовывался именно таким. И не вызывал ни малейшей симпатии. Если он действительно такой, не буду братья за интервью, решила она.

Пересечь перекресток, с недавно установленным светодорожкой – наискосок, конечно же, пройти мимо уже закрытого магазина, свернуть во дворы, миновать непроглядную темень «пяточка» с гаражами-ракушками, и, вот он, дом, милый дом.

В прихожую вырулил крайне недовольный кот Мурчатель, для друзей Мурч, выразил свое отношение к хозяйке недовольным коротким мявом и, развернувшись, удалился в сторону кухни – гордо неся задранный хвост, и ступая подчеркнуто неторопливо.

– Зараза ты, Мурч, – сказала Татьяна хвосту, прыгая на одной ноге, в попытках снять кроссовку.

Демонстративно не реагируя на упреки хозяйки, нахальное животное исчезло за углом.

Впрочем, позже, когда хозяйка соорудила бутерброд с колбасой, дымчато-серое чудовище возникло в дверях и басом потребовало свою долю добычи.

– На! На, проглот! – Татьяна положила кусок колбасы рядом с кошачьей миской, и пошла в комнату, прихватив блюдо с бутербродом и кружку с крепким черным чаем.

Одним из главных достоинств ее маленькой однокомнатной квартиры, Татьяна считала обилие зелени во дворе. От-

крываешь дверь на балкон – и, пожалуйста, запах трав, шелест листвы... И вопли алкоголиков, доносящиеся с лавочки, что намертво вросла в землю между ее домом и соседним.

Впрочем, с этим Татьяна успешно боролась с помощью наушников – музыку чуть погромче, и уже ничего не отвлекает и не портит настроения.

Отодвинув в сторону стопку распечаток, девушка поставила чашку и блюдо. Отодвинула в сторону планшет. Включила ноутбук и, дождавшись обоев с видом Волги, щелкнула по иконке браузера. Работать с планшета, или телефона, как многие ее коллеги, она не любила – предпочитала большой удобный несколько старомодный ноутбук, а планшет использовала, в основном, как «читалку», на которой просматривала уже собранный материал. – Так-так, давайте посмотрим, что за наследничек к нам пожаловал.

Письмо редактора картину особо не проясняло – из него Татьяна узнала только, что зовут потомка Ян Вяземский, прибыл он в родные пенаты прямиком из Эквадора, и занимается он бизнесом.

– Ну, да, а я думала, он асфальтоукладчик.

Выудив из вазочки, стоящей возле монитора, карандаш, Татьяна открыла молескиновскую записную книжку, и полезла в поисковики, бурча под нос:

– Так-так, да мы еще и Вяземские...

Спустя несколько минут, она, недоуменно хмыкнув, отки-

нулась в кресле, сцепив руки на затылке.

Конечно, не стоит рассчитывать, что желтые сайты будут отслеживать каждый шаг гражданина Вяземского, но, черт побери, не каждый же день в Россию приезжают представители старинных княжеских родов! А тут, три крохотных заметки на заштатных бизнес-новостных сайтах. Считай, ничего. Ну ладно, ладно, что-то есть в онлайн-версии КП. И всё равно,

Кстати, а откуда такое неподходящее для княжеского рода имя – Ян? Татьяна сделала пометку в записной книжке. Вот и вопросик для интервью готов. Правда, всего один.

Ладно, лиха беда начало. Посмотрим, что пишут об этом человеке.

Тон заметок был на удивление сдержанным. Конечно, истеричный КП не мог не взвизгнуть о том что, «охотницам за наследством на заметку! Великий Князь, наследник многомиллионного состояния приезжает в Россию!», но этим и ограничился. Полезной информации – ноль. Бизнесмен, много лет жил в Эквадоре.

Кстати, а где еще? Татьяна сделала очередную пометку и открыла новую статью.

Ага, тут информации побольше. «Потомок древнего рода оказался еще и умелым бизнесменом. Без лишней шумихи он вкладывает деньги в развитие гостиничного бизнеса, также в сфере его интересов фермерские хозяйства. Кроме того, господин Вяземский известен, как меценат, а о его

коллекции древних артефактов ходят легенды. В России господин Вяземский владеет компанией „Nivva Ltd.“, головной офис которой он перенес в Москву», со сдержанным подбострастием сообщает раздел «Новости бизнеса».

Прекрасно. И чем занимается эта Нивва? Снова вопросы.

Но самой интересной оказалась третья заметка. В ней на удивление глухо рассказывалось о том, что некий Вяземский загадочным образом купил разрушенную подмосковную усадьбу и занимается ее реставрацией.

– А почему нет криков о незаконной сделке и гибели памятников старины? – спросила себя Таня. В тетради появилась очередная запись.

Сделав глоток остывшего чая, она недовольно посмотрела на тетрадь. Вбила в поисковой строке Яндекса «Nivva Ltd.». Офис в центре, в одном из тихих арбатских переулков, что живут тихой незаметной деловой жизнью. Еще один – в небольшом бизнес-центре почти на окраине города. Собственного сайта у компании нет, что заставило Татьяну недоуменно вздернуть бровь. Впрочем, телефон и адрес есть, а остальное выясняется в разговоре.

Побродив вокруг хозяйки, Мурч убедился, что та не собирается спать, и, потоптавшись, улегся на пороге у балкона.

Татьяна приоткрыла балконную дверь, впуская в комнату свежий прохладный воздух, и снова с ногами забралась в ротанговое кресло у стола. Увидев его в магазине, она бродила вокруг, облизываясь, и прикидывая, как бы его разместить и

как доставить, мучительно вспоминала, что там и как с деньгами, в конце концов плюнула на все и заказала! С доставкой и сборкой.

Зато как уютно теперь сидеть – свернувшись калачиком, чувствуя себя отделенной от всего мира изогнутой чашей кресла и кругом неяркого желтого света от маленькой настольной лампы. Единственным окошком в мир становился экран ноутбука и Таня чувствовала себя инопланетянином, наблюдающим за непонятными и страшно интересными существами.

Разве можно было променять эти ощущения на дневную работу в унылом офисе?

Она искренне считала, что, ни за что!

– Кстати, а что нам скажет окно в мир! – щелкнула пальцами Татьяна, и в Google набрала Yan Vyazemsky. Услужливая программа выдала десяток ссылок на английском и четыре на испанском. И никаких упоминаний и профилей в соцсетях. Вот это совсем интересно.

Первым делом девушка нажала мышкой на пункт «Картинки», и удивленно пробормотала:

– Да ладно!

Картинок нашлось всего три, маленькие, так, что черты лица человека рассмотреть было почти невозможно, но, судя по фигуре, господин Вяземский держал себя в хорошей форме, и на вид ему было не больше тридцати пяти-сорока лет.

– А господин то больше на спортсмена-профи похож, – прокомментировала находки Татьяна.

На всех трех снимках Вяземский выходил из потрепанного внедорожника. Одет он был не в деловой костюм, а в комбинезон горнолыжника и, хотя лицо закрывал ладонью, вид имел какой-то несчастный.

Татьяна перешла к статьям и поняла почему.

– Бе-е-едненький, – протянула она, прочитав первую заметку, и почувствовала, что и сама расстроилась.

"Таинственная трагедия на горнолыжном курорте

Сегодня на знаменитом горнолыжном курорте Вэйл (штат Колорадо) произошла трагедия.

Во время спуска погибла двадцатитрехлетняя Анна Гильерро, отдыхавшая на курорте вместе со своим женихом – бизнесменом русского происхождения господином Яном Вяземским.

По словам очевидцев, молодые люди попали в полосу аномального тумана, внезапно затянувшего часть склона. Спустя несколько минут туман рассеялся, но, минуты эти оказались роковыми для молодой женщины. Видимо, потеряв в тумане ориентацию, госпожа Гильерро буквально вылетела с трассы. Ее тело с многочисленными, не совместимыми с жизнью, травмами нашли гораздо ниже по склону.

Жених госпожи Гильерро, Ян Вяземский, несмотря на многочисленные ушибы и порезы, происхождение которых

он не смог объяснить. не ушел со склона до тех пор, пока не было найдено тело его невесты."

Больше никакой стоящей информации Татьяне найти не удалось.

Порывшись в Интернете еще несколько минут, она выключила компьютер и потерла уставшие глаза.

Глянула на страницу тетради, заполненную вопросами, и взяла красный фломастер.

Задумчиво обвела четыре пункта:

- 1. Почему Ян?*
- 2. Чем занимается фирма Нивва?*
- 3. Как удалось купить усадьбу?*
- 4. Почему нет соцсетей?*

Потом, подумав, дописала еще один вопрос и подчеркнула его двумя резкими красными линиями:

Детство и юность – где?

Закрыв тетрадь, она посидела еще несколько минут, ответила на накопившиеся сообщения мессенджеров и почту, прокрутила ленту соцсетей. В конце концов нехотя бросила взгляд в правый нижний угол монитора и ойкнула – маленькие белые цифры показывали 02–34.

– Все-все-все, – выбравшись из кресла, она сняла покрывало с кровати, откинула одеяло, и отправилась в душ.

Уже стоя под тугими горячими струями, подумала:

– А почему ни словечка о родителях?

Засыпая, Татьяна решила что, пожалуй, утро она начнет со звонка в непонятно чем занимающуюся компанию Nivva.

Как честный человек...

Утро – это кофе. Крепкий кофе с молоком и двумя кусками коричневого пальмового сахара. Пускай дорогого и совершенно непрактичного, но любимого.

Татьяна начинала мечтать о нем, чистя зубы, умываясь, застилая кровать и, к тому моменту, когда она заходила в кухню и щелкала тумблером электрического чайника, в голове билась только одна мысль:

– Кофе-кофе-кофе.

Соорудив бутерброд с мягкой брынзой, Таня снова открыла холодильник, достала пластиковую упаковку йогурта, поставила на стол. Потянулась за стеклянной банкой «Максвелл Хаус».

При всей ее любви к этому напитку, вкус у нее был, как она сама говорила, плебейским, дальше некуда. Растворимый кофе в гранулах, и все тут. Да и молоко концентрированное, из жестяных банок, в которых она пробивала старым, советских времен, ножом-открывашкой, две дырки.

Да плевать, зато пила то, что хотела.

«Евроныус» гнусавым голосом сообщил о досрочных выборах парламента в Италии, показал радостного президента России и голодный бунт в Африке.

– Что в мире? – спросила Татьяна Мурча, и, не дождавшись ответа, сама себе ответила:

– Стабильности нет.

Захватив кружку, пошла в комнату и, усевшись за стол, потянулась к телефону. Глянула на часы – 10:30, все порядочные люди давно на работе, пора звонить.

Иконки мессенджеров, как всегда, краснели цифрами непрочитанных сообщений, она их, как всегда, проигнорировала. Знала, что этой манерой выбешивает до белых глаз кучу знакомых, но не собиралась ничего менять. Нужна срочно – позвоните. Остальное терпит.

– Компания Нивва, слушаю вас, – неожиданно глубокий бархатистый мужской голос.

– Здравствуйте, вас беспокоит Татьяна Береснева, корреспондент журнала «Москва и Подмосковье». Подскажите, пожалуйста, как можно связаться с вашей пресс-службой?

– Минутку, переключая, – в динамике безликая офисная мелодия.

– Здравствуйте, Татьяна. Меня зовут Николай Мелехов. Я начальник пресс-службы компании Nivva Ltd. Чем могу помочь? – снова мужской голос. Не такой бархатистый, но все равно приятный.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, каким образом можно организовать интервью с господином Вяземским? – с места в карьер взяла Татьяна. Никаких «можно ли», «не поможете ли» – стоит начать говорить просительно, и можно ставить крест.

– Увы, господин Вяземский не дает интервью. Но, если

вас интересует деятельность компании «Нивва», я с радостью отвечу на все ваши вопросы и постараюсь организовать интервью с представителями совета директоров.

– Простите, Николай, но, неужели господин Вяземский настолько сторонится прессы?

– Увы, это так. Поверьте, уважаемая Татьяна, порой это создает определенные трудности в моей работе, – собеседник добавил в голос доверительности, и Таня оценила высокий класс собеседника, – но, это даже не обсуждается. Ян Александрович не общается с прессой. Ни при каких условиях.

– Ну, неужели, ни разу никому не дал интервью? – уже из чистого любопытства спросила Татьяна.

– За последние семь лет, никому. Ни разу – отрезал собеседник.

– Эх, без ножа зарезали, – вздохнула Таня. – Тогда, хотя бы, расскажите о бизнесе господина Вяземского в России. Почему он решил развивать его? И что это за бизнес, собственно говоря?

С явным облегчением любезный Николай разразился длинной тирадой, из которой Татьяна поняла, что «компания занимает лидирующее положение в своем сегменте, мы нацелены на удовлетворение самых различных нужд наших клиентов, российский рынок является для нас приоритетным, поскольку высокие темпы экономического роста позволяют рассчитывать...». И так далее, и так далее. Затем Ни-

колай записал координаты Татьяны и клятвенно заверил, что будет регулярно присылать ей наиболее интересую информацию и сообщать обо всех пресс-мероприятиях.

Лишь положив трубку, Таня сообразила, что любезный велеречивый Николай ухитрился ни слова не сказать о том, чем же, в конце концов, занимается «Nivva Ltd.».

– Вот ведь жук, – в сердцах высказала свое отношение к пройдошистому начальнику пресс-службы Татьяна.

Дремавший возле балкона глаз, Мурч, открыв глаз, недовольно посмотрел на хозяйку, и перевалился на другой бок. Потеряв равновесие, медленно сполз с порога на пол.

– А нефига было отъедать такую задницу! – мстительно сказала Татьяна коту. Мурч не отреагировал. Этому созданию с удивительным высокомерием удавалось не замечать неприятных для него вещей.

Замигал в углу монитора конвертик. Татьяна щелкнула мышью, открывая письмо.

Вот это оперативность!

"Здравствуйте, уважаемая Татьяна!

С удовольствием сообщая, что Ваш адрес занесен в базу для рассылки пресс-материалов компании Nivva Ltd.

Во вложенных файлах Вы найдете информацию об истории компании и ее планах.

С уважением,
начальник пресс-службы

компании Nivva Ltd.

Николай Мелехов"

Любопытно, они и здесь умудряются ничего не сказать? И она открыла первый файл. Так... компания образована... является... штаб-квартира в Нью-Йорке... Восемь лет назад куплена господином Вяземским...

А через год погибает его невеста. Никаких подробностей о самом Вяземском, конечно же, нет.

Открыв второй файл, Татьяна утонула в специфических терминах, потрясла головой, продираясь через неудобоваримые фразы, рассчитанные на специалистов, но, под конец, все же удовлетворенно протянула

– Ага-а-а!

Насколько она поняла, компания занималась разработкой и установкой эксклюзивных систем безопасности. В пресс-справке говорилось: «Много лет Nivva Ltd. является лидером на рынке эксклюзивных систем безопасности. Мы по праву гордимся тем, что находимся на переднем крае разработок, служащих повышению безопасности наших клиентов».

Фразочка, конечно, зубодробительная, но представление о том, чем будет заниматься на родине предков наследник княжеского рода, дает.

«Интересно, все же, почему никто из желтой журналистской братии не увязал это с криминалом? Ведь само просит-

ся» – подумала Татьяна, делая еще одну пометку в тетради.

И грустно вздохнула. Между ней и гонораром за интервью встала непреодолимая преграда в лице пресс-службы компании.

– Ну и тебе же хуже! Значит, сниму твою усадьбу во всех ракурсах, и забачаю материал о распродаже народного достояния! – в сердцах выпалила Таня да ещё показала монитору язык.

Полистав свою тетрадь для записей, в которую вчера занесла все, относящееся к Вяземскому, нашла название купленной им усадьбы – Алёхово-Пушино. Название казалось смутно знакомым, но когда и в связи с чем, она его слышала – вспомнить не получалось.

Решив что, если суждено, то все равно, рано или поздно, в памяти всплывет, Татьяна решила посмотреть, как лучше добраться до усадьбы.

Все тот же Google сообщил, что деревня Алёхово-Пушино находится в ста сорока пяти километрах от ее дома, и добраться туда следует по Каширскому шоссе. Затем свернуть направо и продолжать движение.

Распечатав страницу, Таня вложила ее в прозрачную папку-файл и сунула в свой рабочий рюкзак.

Туда же отправились диктофон, фотоаппарат, упаковка увлажняющих салфеток, кошелек, паспорт и объемистый бумажник, в котором она хранила права и документы на машину.

Нарубив на скорую руку несколько бутербродов, Таня завернула их в фольгу и, вместе с термосом, полным горячего сладкого кофе, тоже сунула в рюкзак.

Постояла посреди комнаты, соображая, что еще может понадобиться.

Вроде, ничего не забыла.

Значит, пора готовить к выходу себя любимую.

В отличие от той же Ани, подготовка эта занимала у Татьяны не пару часов, а неприличные тридцать минут.

Квадрат гаражей напоминал Татьяне средневековое княжество. Или пиратскую республику. В общем, что-то маленькое, но страшно независимое, изо всех сил этой независимостью гордящееся. Из последних, правда, сил, поскольку даже сами обитатели гаражей не понимали, почему их до сих пор не снесли, как по всей Москве.

Сама она стала полноправной гражданкой «гаражного государства» пару лет назад, хотя «ракушку» у местного старожилы Василия Петровича снимала уже больше четырех лет.

В тот памятный день она все никак не могла открыть навесные замки гаража – еще прошлым вечером всю сыпалась с небес непонятная мокрядь, пропитывая все вокруг, а под утро ударил морозец, и не помогли даже колпаки из обрезанных пивных бутылок-двухлитровок. В один замок ключ влезал наполовину и категорически отказывался поворачиваться, во второй – даже не входил.

Петрович с парой товарищей внимательно следил от сво-

его гаража, ожидая, когда дамочка, продемонстрировав полный арсенал бабьей глупости, обратится за помощью к настоящим мужчинам.

Татьяна перевернула в дужках замки, личинками вверх и от души приснула в каждый «незамерзайкой», баллончик которой достала из объемистой сумки.

Василий Петрович поставил отвисшую челюсть на место и признал рыжую полноправным членом гаражного клана.

Сейчас «ракушка» Петровича стояла запертой, как и остальные. Народ здесь появлялся вечером, после работы, или по выходным.

Выгонялись из гаражей авто, открывались капоты, и начинались неспешные вдумчивые беседы, под обязательный «Владимирский централ». Иногда рукастый Вадик из гаража, что стоял в противоположном конце ряда, вытаскивал из своего гаража мангал, и тогда устраивалось совместное пиршество, отчего-то напоминавшее Татьяне древние языческие обряды.

Пару раз она не успевала исчезнуть, и ее вовлекали в поедание вкуснейшего шашлыка. А также «совместное распитие крепких спиртных напитков», как торжественно объявлял непременно участник мероприятий – оперуполномоченный Алексей из третьего подъезда.

Татьяна выгнала из гаража свой старенький «Фольксваген Гольф», с усилием потянула вниз дверь гаража, навесила замки, закрыла, подергала дужки.

Задумчиво постояла у машины. Вроде бы ничего не забыла.

Выехав со двора, бросила взгляд на указатель топлива – бензина меньше полбака, надо заправиться, и, доехав до перекрестка, повернула к Первомайской улице.

Очереди на любимой заправке, спрятавшейся среди гаражей и автобаз, рядом с круговым перекрестком, не было, и уже через несколько минут приободрившийся синий «Гольф» радостно вылетел на МКАД.

Время «предрабочих пробок», к счастью миновало, поэтому на Кольцевой, в основном, резвились дальнобойщики и грузовики строительных компаний, с ревом пролетающие мимо жалких на их фоне легковушек.

Татьяна внимания на невоспитанных монстров не обращала, привычно встав во второй ряд: и сзади никто не будет нервно сигналить, как в крайнем левом, и не придется срочно перестраиваться, когда впереди появится очередной съезд с МКАДА или поворот к какому-нибудь строительному рынку.

Впереди показался щит, предупреждающий, что до Каширского шоссе осталось три километра, и Таня перестроилась в правый ряд. Повернув на Каширку, так и решила ехать в правом – дорога незнакомая, лучше не спешить, да и рассмотреть окружающие пейзажи не помешает.

Конечно, в мае, когда даже пыльная придорожная зелень играет всеми оттенками ярко-зеленого, или ранней осенью, в

пору золотого безумия, Подмоскovie смотрится просто волшебнo, и даже не верится, что где-то неподалеку – один из самых безумных городов мира. Но и сейчас, когда деревья только начинались просыпаться, и лишь присмотревшись, можно было заметить на деревьях первые почки, девушка находила в пейзаже своеобразную негромкую притягательность.

В опущенное до середины окно временами врываются запахи свежей земли, оживающих деревьев, и тот неопределенный щемящий запах, от которого сладко замирает сердце, и понимаешь – весна. Солнце. Новый мир, с новыми чудесными людьми и неожиданными встречами где-то рядом.

В проигрывателе негромко выводит что-то романтическое Кенни Джи, треплет волосы легкий ветер – жизнь прекрасна!

Таня почувствовала, как исчезает плохое настроение, вызванное разговором с Николаем из пресс-службы, и поднимается волна ничем не оправданного оптимизма.

Промелькнул указатель «Белые Столбы», «Барыбино», «Михнево», и Татьяна еще раз сверилась с картой, лежавшей на «торпеде».

Так – Ступино, налево, а там по грунтовке. Только сейчас она сообразила, что весенняя грунтовка в Московской области может означать и две глубокие колеи, заполненные кашей из грязи, воды и талого снега.

Ладно, снега по случаю аномального тепла не будет, а вот всего остального там может быть с избытком.

Но, думать надо было раньше, мысленно пожала плечами Татьяна, и продолжила путь.

Миновав небольшую деревеньку, путешественница снизила скорость. Вот она, грунтовка... Правда, на удивление приличная. «Гольф» неторопливо переваливался по местным колдобинам, а его пилот, как иногда тщеславно величала себя Татьяна, оглядывался в поисках ориентиров, о которых рассказывали те, кто уже побывал в этих местах.

На сайте любителей пеших прогулок Таня нашла упоминание о том, что дорога должна проходить по берегу озера, после чего уходить влево, на холм, на вершине которого и стоит усадьба.

Речь, правда, шла о развалинах усадьбы и Татьяна думала, что, в лучшем случае, она побродит вокруг, фотографируя живописные руины и составляя наброски язвительного сопроводительного текста.

Попетляв по полям, грунтовка, действительно, вышла на берег небольшого, похожего на след гигантской лапы, озера. Ветер гнал по серой воде легкую рябь, колыхалась прошлогодняя перемерзшая трава, и на Таню вдруг пахнуло запахом нездешней, негородской жизни – одинокой, застывшей в пространстве и времени, созерцательной, погруженной в себя и вечность.

Миновав озеро, дорога, действительно, полезла на длинный пологий склон холма, поросшего редким леском. Скорее, подумала девушка, тем, что осталось от некогда ухожен-

ного парка.

Между деревьями, на вершине холма, мелькало, среди стволов старых берез, что-то белое.

– Неужто, это так развалины выглядят, – удивилась Таня, осторожно подрабатывая рулем, чтобы машину не повело на повороте, и тут же резко ударила по тормозам, выворачивая руль до упора.

Прямо на нее мчался громадный черный «Лендровер».

Визг тормозов разорвал лесную тишину.

За рулем Лендровера сидел ас – лишь слегка увел капот вправо и мягко остановил машину. Блестящая решетка радиатора качнулась в нескольких сантиметрах от вставшего почти поперек дороги «Гольфа», и застыла.

Не дыша, на подгибающихся ногах, Таня вышла из машины, и двинулась к «Лендроверу». Ей было абсолютно все равно, кто там, внутри. Это же надо так нестись!

То, что на лесной дороге водитель просто не ожидал встретить встречный автомобиль, ее нисколько не волновало – сейчас она выскажет все!

Хлопнула дверь джипа, со стороны водителя показался невысокий белоголовый крепыш.

– Девушка, с вами все в порядке? Сильно испугались?

Неожиданно вежливый голос, мягкие успокаивающие интонации, ни малейшего намека на «наезд» в стиле «баба за рулем, страшнее обезьяны с гранатой».

Девушка длинно выдохнула, и поняла, что абсолютно не

сердится.

– Все нормально, ничего страшного. Сама виновата, замечталась, – махнула она рукой.

В это время открылась задняя дверь, и на усыпанную прошлогодней листвой тропинку, ступил человек, при виде которого сердце Татьяны ухнуло куда-то вниз.

Среднего роста, стройный, подтянутый, он выпадал из этого места и времени.

Он бы прекрасно смотрелся в мундире морского офицера. И чтобы над палубой летели ядра, а он на мостике, и рука за отворотом мундира. Или во главе атакующего гусарского эскадрона, – почему-то подумалось Татьяне.

Пассажир джипа сделал шаг, и наваждение исчезло. Перед ней стоял среднего роста мужчина, одетый с тщательно продуманной дорогой небрежностью. На вид лет тридцати пяти – тридцати восьми.

Очень короткая, на военный манер, стрижка. Правильные аристократические черты лица, могли бы показаться излишне сладкими, но криво сросшийся после перелома нос, придавал его обладателю вид взявшегося за ум хулигана.

Не раздумывая ни секунды, Татьяна выпалила:

– Господин Вяземский, теперь, как честный человек, вы просто обязаны дать мне интервью.

На нее глянули холодные, напомнившие девушке воды горного озера, серые глаза.

Неожиданно в них мелькнула, словно поднявшаяся с глу-

бины рыбка, смешинка, и Ян Вяземский, кивнув в ту сторону, откуда появился джип, сказал:

– Жду вас. Подъезжайте.

И уже водителю:

– Владимир, поехали. Предупредим охрану о госте.

Услышав голос шефа, белоголовый Владимир коротко, по-военному, кивнул Татьяне, и сел за руль.

Спустя несколько секунд мастерски развернувшийся джип уже мелькал между тонкими стволами берез.

– Проклятье, он еще и симпатичный, – бормотала Татьяна, прыгая на сиденье «Гольфа» и врубая заднюю передачу.

Давайте, поговорим

Татьяна почему-то рассчитывала увидеть глухой кирпичный забор метра в три высотой, и тяжелые стальные ворота со смотровой щелью.

Оказалось, владения наследника окружает изящная кованая ограда. Однако, на верхушках побеленных столбов девушка заметила неброские коробочки видеокамер и придумалась, а какими еще системами безопасности может оснастить свою территорию хозяин фирмы, которая занимается как раз разработкой таких систем.

Ворота тоже оказались не глухими полотнищами, а настоящим произведением искусства – литые виноградные лозы обвивались вокруг изогнутых волной верхних кромок. В центре каждой створки красовался вензель «В», окруженных теми же литыми виноградными листьями.

Возле открытых ворот гостю ждал уже знакомый молодой человек, кажется, Владимир, припомнила Татьяна. Владимир нагнулся к открытому окну «Гольфа»:

– Езжайте прямо по аллее, машину поставьте на площадке перед домом. Ян Александрович вас ждет.

Аллея, шла по заброшенному, заросшему, как и весь холм, березняком, парку. Таня медленно ехала, глядя по сторонам. С одной стороны проглядывает между деревьями выщербленная каменная чаша фонтана, с потемневшим от ста-

рости, но все же выжившим Купидоном. С другой проглядывала из-за деревьев беседка. Кажется, такие раньше называли павильонами, – подумала Татьяна. Четыре мраморные колонны поддерживали купол – тоже почерневший и потрескавшийся.

– Интересно, приходят ли в эту беседку призраки влюбленных дам прошлого? – пришла в голову шальная мысль.

Деревья расступились, «Гольф» выехал на выложенную большими каменными плитами площадку перед центральным домом усадьбы.

Таня одобрительно цокнула языком. К широкой террасе, опоясывающей белое двухэтажное здание, поднималась мраморная лестница, по бокам которой лежали каменные львы, задумчиво рассматривавшие подъехавший автомобиль.

На верхней площадке её уже ждал хозяин дома, несмотря на довольно прохладную погоду и поднявшийся резкий ветер, в пуловере цвета топленого молока и светло-голубых вытертых джинсах.

Остановившись, журналистка сделала пару снимков дома, так, чтобы в кадре оказался и его хозяин, и поспешила к лестнице.

Поднимаясь, Татьяна еще раз поразилась военной выправке и ощущению доброжелательной спокойной силы, исходившей от Вяземского.

– Здравствуйте. Насколько я понимаю, это вы звонили с утра Николаю, – сказал он, на европейский манер протяги-

вая Татьяне руку.

– Ваши сотрудники хорошо информируют руководителя, – ответила она, отвечая на рукопожатие. – Да, я Татьяна Береснева, корреспондент журнала «Москва и Подмосковье». Спасибо, что согласились на интервью.

– Вы не поверите, Татьяна, но я сам не понимаю, почему это сделал, – неожиданно рассмеялся Вяземский, и сделал приглашающий жест. – Однако, не стоит стоять на ветру. Пойдемте, я напою вас хорошим чаем, и мы побеседуем. Только давайте договоримся – внутри дома не фотографировать. В парке, пожалуйста, а вот в доме – не надо.

Девушка молча кивнула и убрала фотоаппарат в сумку.

Внутренний интерьер дома запомнился Татьяне как единое, светлое, пахнущее деревом, и чем-то еще, неуловимым, но очень уютным, пространство. Конечно, были в нем и комнаты, и коридоры, и широкая лестница, ведущая на балкон второго этажа, но все это она вспомнила уже потом, возвращаясь по ночному шоссе домой.

А тогда – ощущение удивительной цельности и доброжелательности, любезный хозяин, короткая прогулка по коридору, одна из стен которого, полностью стеклянная, выходила в запущенный и именно потому очаровательный, парк.

Вяземский открыл дверь, пропуская гостью вперед:

– Проходите, присаживайтесь. Чаю? Чай хороший, чёрный.

Татьяна кивнула в ответ.

– Тогда подождите минутку, я распоряжусь.

Войдя в кабинет, Таня, осматриваясь, остановилась на пороге.

Высокие потолки с лепниной, большое, во всю стену, окно, также выходящее в парк, стены полностью закрыты книжными шкафами.

В глубине комнаты массивный рабочий стол темного дерева. На столе, несколько неуместный, выбивающийся из общего стиля, суперсовременный ноутбук.

У окна журнальный столик и пара кресел.

Татьяна село в одно из них, достала диктофон и, проверив уровень заряда, поставила на середину стола.

Вернулся Вяземский. Быстро прошел к окну, остановился за креслом, скрестив руки, оперся ими о спинку кресла.

– Итак, вы хотите взять у меня интервью. Зачем?

Татьяна даже растерялась слегка, но виду не показала:

– Ян Александрович, вы представитель старинного русского рода, всю жизнь прожили за границей, имеете успешный бизнес. Ваше возвращение...

Вяземский досадливо поморщился:

– А если без этих дежурных фраз?

И она, не раздумывая, выпалила:

– Редактор задание дал. Решил, что я до вас доберусь потому, что другие не смогли! А когда стала собирать материал о вас – стало интересно.

– Что именно интересно? – склонив голову к плечу, ехид-

но глянул собеседник.

– Вы. Какой вы. Почему вас называли Яном. Как вы жили, – пожалала плечами журналистка, и возмущенно выпрямилась,

– Послушайте, это же вы у меня интервью уже берете!

Улыбнувшись, Ян сел в кресло:

– Прошу простить, это профессиональное.

Татьяна решила перехватить инициативу. Включив диктофон, спросила:

– В каком смысле, профессиональное?

– Я же руковожу компанией, которая занимается системами охраны. Вы представляете, сколько вопросов приходится выяснить, чтобы разработать систему, которая удовлетворит запрос клиента? А если вспомнить о том, что многие просто параноидально относятся к вопросам сохранности своих секретов... – Вяземский выразительно махнул рукой.

– И вы сами проводите такие вот встречи? Разве для этого нет специалистов компании?

– Вы должны знать, что есть клиенты разного уровня. И потом, если я не понимаю специфики работы компании, как я могу ей управлять?

– Логично, – позволила себе улыбнуться Татьяна.

В дверь негромко постучали и, дождавшись громкого «Да-да, входите», молодой человек в строгом деловом костюме вкатил сервировочный столик с чайником, двумя чашками, вазочкой с печеньем и аккуратными маленькими баночками с вареньем.

– Алексей, подкатите столик поближе, пожалуйста. Я сам поухаживаю за нашей гостьей.

И, уже обращаясь к Татьяне:

– Искренне советую, попробуйте вот это, черничное. Совершенно бесподобное лакомство.

Налив Татьяне крепкого черного чая, Вяземский наполнил свою чашку, сделал небольшой глоток, и, вороватоглянув на дверь, сцапал со столика банку малинового варенья.

Запустив в нее ложку, объяснил недоуменно смотревшей гостье:

– Алексей, кроме всех прочих его талантов, еще и замечательный тренер. И к моим маленьким слабостям относится крайне неодобрительно. А я малиновое варенье люблю – вы не представляете.

Отправив ложку варенья в рот, блаженно закатил глаза, а потом указал на диктофон:

– Прочитаете это, подам в суд и докажу, что ничего не было.

– Хорошо-хорошо, никакого варенья, – рассмеялась Татьяна. – Тогда вы мне расскажете, почему вас называли Яном.

– Здесь нет никакой тайны. Моя мама – полячка. Вообще, это длинная и грустная, в общем-то, история. Отец безумно влюбился в сотрудницу посольства Польши в США. Он к тому времени был уже немолод, вдовец, а вот моя будущая мама – молодая красавица, замужем. По каким причинам она не могла развестись официально – не знаю, но им пришлось

бежать. Отец был не слишком состоятелен, но, продал все свое имущество в Штатах, выправил маме фальшивые документы, и они сбежали сначала в Мексику, а потом в Эквадор. Там я и родился. Собственно говоря, я незаконнорожденный. Как в старину говорили – бастард.

Вяземский надолго замолчал и Татьяна, не выдержав, спросила:

– А, потом, что?

– Погибли. Оба. Мне было три года. Так что, – он грустно улыбнулся, – своих родителей я узнавал по рассказам дяди. Двоюродный брат отца, осевший в Южной Америке еще до Второй Мировой. Замечательный старик, воспитывал меня буквально как родного сына, которого у него никогда не было. Родители – поехали отдохнуть в горы, машина сорвалась с «серпантина»... Нашли их спустя два дня. Дядя говорил, что по словам полицейских оба погибли сразу, не мучились.

– Простите, – поморщился Ян, – не будем больше об этом. Не самая приятная тема. Давайте лучше о том, как я купил эту усадьбу! А потом мы вместе пообедаем и погуляем по парку. Я еще ничего в нем не менял, и даже не знаю, хочу ли. В его запущенности есть что-то притягательное.

Таня кивнула и поставила диктофон рядом с чашкой Вяземского.

Незаметно пролетело полтора часа. Вяземский увлеченно рассказывал о хождениях по инстанциям, о том, как он с пеной у рта доказывал, что восстановление историческо-

го облика усадьбы никак невозможно без изменений в одной! ровно одной разрушенной каменной стене... Как нанимал исследователей, обнаруживших в архивах саратовского энтузиаста-историка снимки усадьбы, как по крупицам выискивал он в воспоминаниях стариков-эмигрантов упоминания о внутренней отделке Алёхово-Пущино и составлял эскизы интерьеров.

Но все это оказалось цветочками по сравнению с тем, что последовало, когда началось строительство!

Вяземский говорил настолько живо, с такими красочными подробностями и точными деталями, давал настолько меткие и точные характеристики людям, что Татьяна спросила, не занимался ли он когда-нибудь журналистикой, или писательским ремеслом.

Хозяин усадьбы ужасе откинулся в кресле:

– Упаси Боже! Да я и в школе сочинения терпеть не мог. Читать – да, люблю. Но вот писать самому – увольте.

А потом они гуляли по парку, угадывали где когда-то проходили аллеи, спорили, была ли на месте вон того бугорка, рядом с беседкой, разбита клумба, стоит ли полностью менять беседку или попробовать отреставрировать то, что есть.

Поднявшись по выщербленным ступеням, Таня села на круговую скамью. Камень вытягивал тепло, но вставать не хотелось. Казалось, она полностью отгородилась от внешнего мира, оставила за порогом беседки всю суету, все мелкие заботы, казавшиеся такими важными в городе.

Обернувшись, она вздрогнула от неожиданности. Рядом с гостеприимным хозяином стоял высокий широкоплечий человек с необыкновенно белыми волосами. Заметив испуг Татьяны, он учтиво поклонился и что-то прошептал на ухо Вяземскому, после чего отступил на пару шагов и словно растворился между деревьями.

– Это начальник службы безопасности, Олаф Сигурдсон, – объяснил Ян. – Он напугал вас?

– Скорее, удивил. Появился так неожиданно.

– Да, это он умеет. Военная подготовка.

– Олаф? Это скандинавское имя, так?

– Да. Олаф родом из Норвегии. Но мы сотрудничаем уже много лет и в чем-то он стал более русским, чем многие граждане России. Кстати, прекрасно говорит по-русски. Для меня он больше, чем просто служащий компании.

– Больше? Насколько? – Татьяна подошла к порогу беседки и смотрела на Вяземского сверху вниз. Очень не хотелось уходить отсюда, несмотря на поднявшийся холодный ветер, задувавший под короткую куртку.

– Он мой друг, – очень серьезно ответил Вяземский.

– Пойдемте, – протянул он руку госте. – Олаф приходил сказать, что обед подан.

Не «обед готов», или «стол накрыт», а «обед подан», отметила про себя Татьяна.

Она ожидала, что обед подадут в каком-нибудь сногсшибательном зале, а сидеть придется на противоположных кон-

цах бесконечного стола.

Оказалось, обедает потомок древнего рода в небольшой, по меркам этого дома, комнате – чем-то средним между кухней и гостиной, сидя за деревянным, накрытым клеенчатой скатертью, столом.

Зато, как обедает!

Татьяна покраснела, когда сообразила, что с неприличной скоростью умяла здоровенную тарелку вкуснейшего борща и, с молчаливого одобрения сотрапезника, наливает вторую порцию.

– Это все воздух. После такой прогулки разыгрывается зверский аппетит. – кажется, даже уши горят.

– Да вы не оправдывайтесь, а налегайте, – добродушно улыбнулся хозяин дома. – Только место для второго блюда оставьте. Если ничего не путаю, то у нас сегодня пельмени с грибами.

И – да. Последовали пельмени с грибами.

И совершенно невероятный пирог с лимоном.

И тающее во рту ванильное мороженое.

И кофе в крохотных фарфоровых чашечках.

И разговоры.

Обо всем.

Татьяна сама не заметила, в какой момент стала рассказывать о себе. Вяземский лишь изредка вставлял реплики, задавал короткие точные вопросы.

Опомнилась она, лишь когда поняла, что за окном сгусти-

лись сумерки.

– Ох, мне же еще отсюда выбираться! – сорвалась гостья со стула. – Да и вам весь график сбила! Вы меня почему не одернули!

Хозяин дома загадочно улыбался:

– Поверьте, будь у меня неотложные дела, я бы сказал. А теперь – давайте-ка мы вас проводим до шоссе. Поедете за моей машиной.

Короткие сырые сумерки растворились в глухой темноте. Татьяна осторожно ехала вслед за джипом Вяземского, стараясь не утыкаться в стоп-сигналы огромного внедорожника.

Закусив нижнюю губу, она кралась вслед за джипом по темному лесу и с облегчением вздохнула только когда миновали холм – впереди показались редкие огни в окнах деревенских домов. Пару раз «Гольф» начинало «вести» в сторону, но, всякий раз Таня успевала подработать рулем и удержаться на дороге.

Сбавив скорость, проехали по деревенской улице, джип замигал, показывая, что останавливается. Татьяна съехала на обочину, встав перед «Лендровером». Вышла из машины. Вяземский пружинисто выскочил из автомобиля, подошел к девушке. Она заговорила первой:

– Спасибо вам большое, Ян Александрович. И за интервью, и за... да за весь этот день спасибо!

– Не за что. Я искренне рад с вами познакомиться, Татьяна.

на. Убедительно прошу, пришлите полный текст материала Николаю. Я сам вам полностью доверяю, но если не покажу ему текст, сильно обижу.

– Конечно, пришлю, – Татьяна неловко помялась, но Вяземский молчал, и пришлось говорить самой:

– До свидания. Я поеду.

– Да. До свидания. Ну, теперь я жду номер вашего журнала.

Таня кивнула, неуклюже повернулась и, почему-то чувствуя себя ужасно глупо, села в машину.

Выезжая на трассу, посмотрела в зеркало заднего вида – джип так и стоял на обочине. Темная фигура почти терялась на фоне черного автомобиля.

Ей показалось, что он помахал рукой, но, скорее всего, просто почудилось.

Вяземский опустил руку.

Хлопнула дверь, с водительского места выбрался Олаф, подошел и встал чуть позади шефа.

Сунув руки в карманы ветровки, Ян задумчиво пнул ногой камешек, и посмотрел на удаляющийся «Гольф»:

– Олаф, будьте так любезны, узнайте о нашей милой гостье все, что возможно.

Визиты

Утро Вяземский решил посвятить визитам, о чем и сообщил Олафу с Владимиром.

Персонал «Nivva Ltd.» уже привык к постоянным отлучкам своего загадочного шефа, Олафа офисные труженики побаивались, а во Владимире женская часть компании души не чаяла. А потому все, оставшиеся в конторе, готовы были грудью встать на защиту деловых интересов предприятия.

Что, разумеется, Вяземского и Олафа более чем устраивало. Правда, подбирать персонал пришлось долго и упорно, но затраты уже окупились.

Но сейчас Вяземский в последнюю очередь думал о делах фирмы.

Он смотрел на своего начальника службы безопасности.

Олаф с сомнением глядел на обшарпанный подъезд стандартной московской девятиэтажки из тех, что стремительно вырастали, образуя спальные районы, в 70-х годах двадцатого века.

– Да уж. Никак не мог предположить, что такой персонаж, как Дольего поселится в подобном, – он пошевелил в воздухе пальцами, – жилище.

– С вашим то опытом, уважаемый, могли бы уже знать, что как раз такие персонажи и выбирают самые неприметные убежища, – поддел норвежца Вяземский.

– А я понимаю, понимаю, шеф. Сам бы что-нибудь подобное организовал, правда, пути отхода здесь, пожалуй, несколько непродуманные. Но это не значит, что я утратил способность удивляться.

– Кстати, насчет путей отхода. Угол вон того дома видите? Там, рядом с голубятней, наверняка, какой-нибудь лючок и ход к Приграничью.

– Не щупал, боюсь внимание привлечь, – честно признался Олаф, и нажал кнопку переговорного устройства.

– Володя, видишь зеленую коробку, которую Ян Александрович называет голубятней? Да-да. Так ты походи там рядышком, поконтролируй территорию. Вот и чудненько.

Вяземский уже шел к подъезду, и Олаф поспешил за ним.

Лифт оказался на удивление чистеньким, а выйдя на пятом этаже, они обнаружили на площадке, пролетом ниже, старенький, но отмытый до белизны кухонный столик, на котором кто-то заботливо расставил пластиковые горшки с комнатными растениями. Зелень явно чувствовала себя весьма неплохо.

– Присмотревшись к растениям, Олаф тихонько хмыкнул:

– Ловко. Старая школа чувствуется.

Ян кивнул:

– Да, простенько и со вкусом. Никаких мандрагор и прочей экзотики. Дольшего просто легонько подтолкнул у них уровень эмпатии, и вот она, готовая система сигнализации. Так что, он о нас уже знает.

С этими словами он потянулся к кнопке звонка, Но нажать не успел, дверь уже открывали.

В дверях стоял очень высокий и очень худой человек. Больше всего он напоминал вышедшего на пенсию учителя, любимого детьми и коллегами – сутуловатый, с внимательным и доброжелательным взглядом больших карих глаз. Сейчас он с любопытством рассматривал гостей поверх очков в тяжелой пластиковой оправе. Как очки держались на кончике носа было непонятно.

Осмотрев, сделал шаг в сторону, приглашая войти:

– Заходите, не стойте же на пороге.

И исчез в коридоре.

Вяземский с Олафом последовали за ним.

Внутри квартира также напоминала жилище преподавателя или неудавшегося ученого: бедноватая но чистая обстановка, письменный стол, заваленный исписанными листами, потрепанными справочниками и тонкими брошюрками в пожелтевших мягких переплетах.

Хозяин сел на продавленный диван, кивнул гостям на кресла покрытые красными в зеленую полоску пледами, которые, судя по виду, хорошо помнили времена Советского Союза:

– Присаживайтесь. Думаю, мне не надо представляться. Да и кто вы такие, я знаю. Так что, перейдем сразу к цели вашего визита.

Опускаясь в кресло, Ян аккуратно поддернул штанины

безукоризненно выглаженных брюк, вальяжно откинулся на спинку и заговорил:

– Я все же представляюсь, поскольку лично мы незнакомы. Ян Александрович Вяземский. И начальник моей службы безопасности, Олаф.

– Просто, Олаф? – хмыкнул в ответ тот, кого норвежец называл Дольвего.

– Для вас, просто, – сухо подтвердил Вяземский. Сам начальник службы безопасности сохранял вежливо-равнодушное молчание, всем видом показывая, что здесь он исключительно в качестве сопровождающего.

– Слышал я об одном Олафе. Говорили, что этот воин мог оборачиваться медведем. И медведь этот нес только смерть и хаос. Впрочем, – оборвал он сам себя, – это только слухи, которые я слышал много-много лет назад.

– Если не столетий, – негромко сказал Вяземский.

– Если не столетий, – легко согласился собеседник. – Так, может быть, все же перейдем к делу? Я не думаю, что специальный посланник Орена Стражей посетил мое скромное жилище только для того, чтобы поговорить о старых добрых временах.

– Считайте, что это визит вежливости. Как в те самые старые добрые времена, когда было принято наносить визиты соседям, представляться, знакомиться.

– Или проверять поднадзорных – негромко бросил в пространство Олаф.

Дольвего стремительно развернулся к нему, выбросил вперед руку, и уткнул в норвежца вытянутый палец с длинным твердым ногтем.

– Ты! Знай свое место, ручной медведь – прошипел он. – Я не давал в моем доме слова выродам Севера.

Олаф благодушно ухмыльнулся в ответ, и кивнул Вяземскому:

– Хамит. Значит, не боится. Одно из двух, или чистый, или очень глупый.

Вяземский задумчиво почесал подбородок, и обратился к Олафу, так, будто они сидели в комнате вдвоем:

– Наверное, все же, чистый. Во всяком случае, я на это рассчитываю, не хотелось бы начинать пребывание на исторической родине с крови.

И уже резко, ломая рисунок разговора, развернулся к Дольвего:

– Четверо суток назад. В Приграничье волнение было? Отвечать быстро.

Слова хлестнули высокого старика словно бичом. Он резко выпрямился, глаза полыхнули черным пламенем, зрачок, прыгнув, стал вертикальной желтой щелью, окруженной кольцом непроглядной черноты.

В квартире ощутимо потемнело, и ощутимо похолодало. На Вяземского это не произвело ни малейшего впечатления. Развалившись в кресле, он скучливо процедил:

– Дернешься, убью.

И Дольвего поверил, осел на диване, жуткие нечеловеческие очи снова превратились в усталые глаза доброго учителя на пенсии.

– Чувствовал. Было такое как раз четыре ночи назад.

– Ты знаешь, что в ту ночь произошло.

– Знаю, конечно. Вашего сторожа и убили.

– Стража, Дольвего, Стража, – поправил собеседника Вяземский. – Не забывайся, пожалуйста. То, что ты подписал Протокол Нейтралитета, не дает тебе права хамить.

– Спрашивай и уходи, Страж, – с гримасой ответил Дольвего. – Протокол не дает тебе права находиться в моем жилище дольше необходимого.

– Если это не продиктовано угрозой Границе и нейтралитету, – напомнил ему Вяземский, – А вопросов у меня немного. Пока.

Дольвего кивнул, мол, слушаю.

– Первое. Кто из местных мог такое сотворить? У кого могли появиться настолько веские причины, что он решился на убийство Стража?

– Никто, – быстро ответил старик. – Из тех, кто здесь существует постоянно, никто. Никому нет выгоды нарушать Протокол, а насчет чужих ничего не скажу, просто не знаю.

– Как ни странно, я тебе верю. Вопрос второй – общая обстановка. Какие операции в городе могли потребовать привлечения чужих?

Дольвего пожал плечами:

– И снова ничего тебе не скажу. Ни о каких новых операциях по эту сторону Приграничья я нее слышал. Те, кто живет здесь, придерживаются Нейтралитета, стараются даже не выходить в Приграничье. С мелкими делами твой предшественник успешно справлялся сам, и никому на хвост, насколько я знаю, не наступил. Во всяком случае, настолько чувствительно, чтобы кто-нибудь из настоящих магов или древних хотел его убить, – пожал он плечами.

– Так «да», или «нет». Договаривай, – жестко сказал Олаф.

Дольвего бросил на него ненавидящий взгляд, но продолжил,

– Из тех, кто подписывал Протокол Нейтралитета, не появлялся никто. Но я недавно сталкивался с человеком. Зовут Мануэль Лесто. Ничего конкретного, мы просто виделись в гостях, но он него явно несло Приграничем. Он точно умеет пользоваться дорогами магов, и зачем-то ходил к Границе.

– Что еще? – спросил Ян.

– Ничего. Просто, ощущение. Он ничем не показал, что увидел меня или понял, кто я такой, но чувство было сильным.

– Хорошо. Я тебе верю, – легко согласился Вяземский, и встал.

– На этом, довольно. Спасибо за гостеприимство.

– Надеюсь, больше визитов не будет, – процедил хозяин квартиры, провожая гостей.

И добавил, убедившись, что гости ушли:

– Будь ты проклят, полукровка.

* * *

Подойдя к автомобилю, у которого уже дежурил обманчиво расслабленный Владимир, Вяземский негромко сказал, обращаясь к нему:

– Володя, большое спасибо. Мы с Олафом сядем сзади, надо обсудить кое-что. Ты, кстати, тоже слушай, это и тебя касается.

Молча кивнув, оперативник сел за руль.

Как только машина тронулась, Страж заговорил.

– Итак, господа, ваши впечатления от визита. Сначала ты, Владимир.

– Поскольку наверху не был, могу сказать только об окружающей обстановке. Ход там, действительно, есть. Но им очень давно не пользовались, он и не фонит почти. Походил вокруг – на том уровне, который я могу воспринять, все чисто. Мой вывод – субъект соблюдает Протокол, либо, если и занимается чем-то, что выходит за его рамки, то очень осторожно, и не здесь. – отрапортовал Владимир и замолчал, сосредоточившись на дороге.

– Исчерпывающе. Жаль, мало, но..., – протянул Вяземский.

– Только не забывайте, к Дольвего нельзя подходить с

человеческими мерками и надеяться на человеческие реакции, — негромко заметил Олаф.

— Безусловно. Потому я и старался спровоцировать его на проявление сущности. Нет, он действительно не знает ничего, выходящего за рамки обычной мелкой возни в Приграничье. Дольвего не того полета птица, чтобы скрыть от нас с вами, Олаф, свое участие в чем-то крупном. Слишком злобен, слишком сильно ненавидит Стражей, не очень умен, а потому опасен для любых серьезных заговорщиков. А, главное, слишком труслив.

— Кратко и точно, — хмыкнул Олаф.

— А кто он, этот Дольвего? — не отрываясь от дороги, спросил Владимир.

Ответил Вяземский:

— Мелкий колдун. По их меркам— дитя неопытное. В семнадцатом или восемнадцатом веках как-то смог достучаться до одного из Изгнанных богов и получил доступ в Приграничье. С тех пор периодически всплывал то там, то здесь. Участвовал в попытках возвращения старых, изгнанных богов, служил тем, кто обещал серьезное могущество, не гнушался крови. В конце концов, по причине редкой трусости и беспринципности, был отвергнут всеми, в отчаянье связался с откровенными идиотами, пытавшимися устроить кровавую бойню в одном из французских городков, проводя ритуал возврата Бафомета. Попытка провалилась, он был захвачен Стражами, согласился подписать Протокол нейтралите-

та. С тех пор, а это, если я все правильно помню, 1915 год, живет в России. Сначала в Самаре. Потом, вот, перебрался в Москву. Как ни удивительно, на редкость информированная сволочь, пару раз уже оказывался крайне нам полезен, хотя Стражей искренне ненавидит.

– Да, уж. Насчет трусости, это вы правы, – хмыкнул Олаф, – Лесто этого он нам сдал со свистом.

– Лесто... Где-то я уже слышал эту фамилию, – пробормотал Вяземский и надолго задумался.

В который уже раз, Ян задумался о том, не было ли подписание Договора Равновесия, который чаще называли Протоколом Нейтралитета, ошибкой.

Конечно, с одной стороны, этот договор ознаменовал прекращение многовековой, незаметной для большинства, но кровавой войны, между Орденом и всеми теми силами, что старались вернуть человечество в мир первобытной жестокости и кровавых жертв.

Но, многие считали, что именно этот договор привел мир к состоянию нестабильности, неустойчивого мнимого равновесия, и достаточно малейшего толчка, чтобы реальность разлетелась миллионом осколков.

Находились и те, кто считал Договор извращением и предательством изначальных целей Ордена Стражей. История его зарождения в буквальном смысле слова терялась во тьме веков. Всегда, в любом племени, находились люди, чувствовавшие, что привычный человеческий мир куда сложнее,

чем кажется и не ограничивается стенами уютной пещеры. В те времена, когда граница между разными реальностями, населенными существами, ныне считающимися порождениями воображения, была тонка, увидеть этот мир было несложно. Маги, чародеи, колдуны, жрецы, ведуны – все они черпали свою силу из окружающих наш мир пространств, пользовались силами иномирных существ. Многие из которых становились богами нашего мира.

Одни требовали кровавых жертв, полного подчинения и считали людей своими игрушками. Другие помогали и учили. Увы, таких было куда меньше. Вспыхивали войны между приверженцами тёмных и светлых богов, вступали в битву боги, горела земля, гибли цивилизации, содрогалась ткань Яви...

Но крепнущее человечество не желало мириться с таким порядком вещей и, один за другим, старые боги в сопровождении своих свит, покидали землю людей, уносяи свое могущество, и свою жестокость. Крепла Граница между миром людей и миром магических существ.

На охране этой незримой Границы и встал Орден Стражей – людей, принявших на себя ответственность за человечество.

Получалось это не всегда, но пока им удавалось удерживать мир от падения в пропасть Темных Веков.

Члены Ордена не были инквизиторами, они не стремились искоренить магию полностью, поскольку понимали, что

это также навсегда изменит наш мир и, скорее всего, не в лучшую сторону. Они взяли на себя тяжкую ношу – сохранить равновесие сил, и обеспечить миру плавное постепенное развитие.

Порой Вяземскому казалось, что они занимаются безнадёжным делом.

* * *

Татьяна открыла глаза, вспомнила о вчерашнем вечере и улыбнулась.

Добравшись до дома уже полночь, она, зевая так, что боялась вывихнуть челюсть, поставила машину в гараж, с трудом переставляя ноги, поднялась на второй этаж, и, открыв дверь, пробормотала:

– Мурч, завтра, все завтра.

Ужасно хотелось сразу же завалиться спать, но она заставила себя аккуратно сложить одежду и забраться под душ.

Наутро, налив традиционную чашку кофе, первым делом позвонила Олегу – редактору, отправившему ее к Вяземскому.

– А вот скажи мне, друг дорогой, сколько полос ты мне отдашь под интервью с господином Яном Александровичем Вяземским?

– Хани! Ты это сделала! Ты это правда сделала!

Улыбаясь, Таня отодвинула трубку от уха, и продолжила

слушать восторженные вопли.

Выговорившись, Олег сообщил:

– Шесть полос. Минимум. Будет больше – говори, отдам еще. Фотографии?

– Вполне достаточно, – успокоила Таня. – Но только самого Вяземского, фасада дома и окрестностей. Внутри особняка снимать не разрешил.

– Танечка, свет очей моих! Алмаз сердца моего! Когда пришлешь материал?

– А какой гонорар? – мурлыкнула Татьяна. Разговаривая с Олегом, она включила ноутбук, достала из фотоаппарата флешку, и сейчас копировала снимки на жесткий диск.

– Обижаешь. По верхней планке.

– За фото – отдельно.

– А когда было иначе? – возмутился Олег.

– Ладно-ладно, не изображай оскорбленную невинность.

Постараюсь прислать согласованный текст до конца недели.

– Танюша, жду. Жду и верю в тебя.

– Все. Отбой. Жди и верь.

Закончив разговор, Таня глянула на экран мобильного – в почте и мессенджерах ничего, и поставила его на беззвучный режим. Для верности положила экраном вниз.

Расшифровывать интервью было одно удовольствие: у Вяземского был ясный хорошо поставленный голос и прекрасная, чуть старомодная, дикция. Таня даже пожалела, что в тексте не удастся полностью передать его правильную рус-

скую речь, без ненужного мусора, характерного для жителей современных российских мегаполисов.

В какой-то момент поняла, что не записывает расшифровку, а сидит и слушает, вспоминает вчерашний день. Она даже головой потрясла – вчерашний день казался странно чужим. Не могло быть такого в ее суматошной, но, по сути размеренной замкнутой жизни.

Свежий порывистый ветер, запах мокрой березовой коры, холодный старый мрамор беседки под рукой...

И спокойный, уверенный в себе, мужчина, с легкой улыбкой смотрит на собеседницу.

Нажав на кнопку «Пауза», Татьяна встала, и потянулась. Сделала несколько наклонов в стороны, потом вперед, дотягиваясь кончиками пальцев до пола.

Вроде бы немного успокоилась, решила она, прислушавшись к внутренним ощущениям. Только романтических мечтаний сейчас не хватало, думала она, заваривая ройбуш в «френч-прессе». Прихватив чайник и чашку, вернулась к компьютеру, и продолжила работу, уже не позволяя себе расслабляться.

К вечеру интервью приобрело более или менее законченный вид, Татьяна, распечатала текст, забралась с ногами на диван, и углубилась в чтение.

На секунду оторвавшись взгляд от листа, обвела комнату взглядом.

Полумрак, оранжевый теплый свет прикроватного бра, гу-

стые тени по углам – в детстве там прятались чудовища и сказочные звери. В колонках на столе негромко наигрывает что-то медитативное Karunesh, темным холмиком лежит на пороге балкона Мурч, за окном деловито шелестит неожиданно сильный весенний дождь.

– А ведь хорошо. По-настоящему, хорошо, – подумала она, и, сделав глоток отдающего нездешним жарким солнцем, напитка, вернулась к распечатке.

Следующее утро она начала с того, что проработала вводный текст интервью, добавила описания самой усадьбы и внутренних интерьеров, набросала портреты Вяземского и колоритных обитателей усадьбы, после чего, с чувством выполненного долга отправилась соорудить себе и Мурчателю обед.

Поев, снова просмотрела текст, выловила пару опечаток, и, решив, что дальше тянуть смысла нет, отправила его, вместе с сопроводительным письмом, в пресс-службу «Нивва Лтд.».

Конечно, стоило бы теперь поработать над колонкой «Тайны города», которую она, вот уже три года вела для газеты «Жизнь мегаполиса», но, побродив вокруг стола, плюнула, и стала собирать спортивный рюкзак, с которым ездила на занятия в фитнес-клуб.

К этому занятию ее приохотила Аня. Поначалу Татьяна ныла, закатывала глаза, узнав, сколько стоит клубная карта, и всячески отбрыкивалась.

Аня была неумолима. В конце концов, она привлекла тяжелую артиллерию, и, после разговора с мамой, Таня сдалась.

Через полгода занятий она разорилась на бутылку «Асти Мандоро», выкрала Аньку к себе на дачу, и они, в компании Татьяниной мамы, благополучно изничтожили напиток.

С того времени произошло много разных событий, Аня про фитнес забыла и шутила, что хороший секс заменяет его на сто процентов, а вот Татьяна втянулась настолько, что без физических нагрузок чувствовала себя некомфортно.

Сейчас она активно занималась тайбо – странной, на первый взгляд, смесью аэробики и кикбоксинга. Имитация ударов руками и ногами, силовые упражнения, жесткая ритмичная музыка, под которую проходили занятия – все это помогало ей очистить сознание от повседневных мелочей, почувствовать уверенность в себе, а приятная усталость после тренировки давала восхитительное ощущение полноты прожитого дня.

Налив Мурчателью свежей воды, она выскочила из квартиры, напевая под нос, слетела на первый этаж, и помчалась на тренировку.

– Ногу, ногу выше! – , Татьяна постаралась сконцентрироваться, изгнать из памяти вчерашнее путешествие, забыть человека, который, стоя у черной громады джипа, помахал ей вслед.

Тайбо свою миссию выполнил – придя домой, она, бла-

женно постанывая, стянула туфли, и отправилась в душ.

Перекусила, и снова села за ноутбук.

Работалось удивительно легко, и, захлопнув крышку ноутбука, она с удивлением обнаружила, что за окном глубокая ночь.

На этот раз, никаких снов. До самого утра....

Утром подскочила, задыхаясь. На грани сна и яви, подстерег-таки, неожиданный кошмар. Вроде ничего особенного – она идет домой мимо гаражей. Ночь, накрапывает легкий дождь. И вдруг, из черноты, притаившейся между мусорным контейнером и стоящей поблизости ракушкой, ее окатывает холодная незримая волна. Словно кто-то очень страшный и невыносимо чуждый осмотрел с ног до головы, снял мерку. Она ускоряет шаг – вот, уже в нескольких шагах ограда палисадничка, разбитого возле дома, уже виден силуэт опера Лёши из угловой квартиры первого этажа – ходит по комнате, потягивается, ставит что-то на верхнюю полку шкафа. Татьяна во сне удивляется, как же она может видеть такие подробности, но в это время темнота вокруг резко сгущается, и дом начинает удаляться. Она бежит по дорожке, но дом делается все меньше и меньше, и все яснее ощущение недоброго взгляда в спину. И все холоднее вокруг.

Утро... теплое, сырое, полное влажных серых туч, плывущих над Москвой. И все равно – радостное. Весеннее.

Ойкнув, она откинула одеяло, и босиком, с удовольствием ощущая ступнями холодный паркет, побежала к столу. На-

шарила в сумке телефон – чёрт, так и не сняла вчера с беззвуча. Такое с ней случалось редко – телефон она отключала только, когда работала над материалом. Так и есть – пропущенный звонок и куча сообщений в вацапе: Одно важно, – Татьяна, пожалуйста, перезвоните мне. Николай.

Сердце замерло и ухнуло вниз. Настроение ухудшилось, пол перестал приятно холодить ноги, по телу прошла волна озноба.

Решив, не тянуть, нажала кнопку вызова:

– Да-да, Татьяна, здравствуйте!

Корпоративно позитивный голос, совершенно непонятно, что за этой вежливостью.

– Здравствуйа, Николай. Вы просили меня перезвонить.

– Именно так! Именно так, Татьяна! Я просмотрел интервью, отправил его Яну Александровичу.

– И каков вердикт? – попыталась добавить в голос иронию. Интересно, получилось?.

– Замечательно! Чудеснейшее интервью. Ян Александрович искренне тронут той деликатностью, с которой вы подали материал. Так что, мы с нетерпением ждем выхода журнала.

– Конечно. Я сразу же сообщу, – вежливо закончила разговор Таня.

Нажав кнопку отбоя, она аккуратно положила телефон на стол, после чего радостно завопила «И-и-и-и-и!», и прошлась по комнате колесом.

Увы, размеры «однушки» не давали развернуться, так что, совершив один оборот, она задела ногой кровать и шлепнулась голой попой на холодный пол.

Выдохнув, отправилась умываться и кормить недовольно орущего Мурча.

* * *

– Олечка? Ага. Все утвердили, я сейчас пришлю тебе текст и вечером заеду сама, привезу снимки. Ну, да. Вместе и отберем.

Положив трубку, Таня сунула в бумажник флешку с отобранными снимками, и решила заняться колонкой «Тайны города».

Работа над этой колонкой была для Татьяны бесконечной борьбой с редактором, постоянно требовавшим сенсаций, кровавых подробностей, расчлененных тел, известий о незаконных застройках и оргиях олигархов. Татьяна же пыталась рассказывать об исторических личностях, приложивших руку к современному облику Москвы, загадках прошлого, показать связь тех давно ушедших времен с нынешними стремительно проносящимися днями.

Поскольку писала Татьяна хорошо, и колонку ее читали с удовольствием, то редактор заламывал руки, кричал об актуальности и требованиях издателей, но материалы принимал исправно.

Уже несколько месяцев она собиралась написать о «восстановлении» Измайловского кремля после пожара. Хватало загадок и в самом пожаре, но на них Татьяна намекала довольно скупое – точных фактов не было, а копать в этом направлении не хотелось – одинокая работающая девушка могла запросто схлопотать тяжелым предметом по голове.

Но и в самом восстановлении хватало преинтереснейших фактов. Поговорив с сотрудниками магазинчиков, открытых внутри «подворья 17-го века», она узнала, как ходил по стройке архитектор-самоучка, которому доверили руководить восстановлением, и произносил исторические фразы, вроде «я произвожу тюнинг башен». Конечно, с того времени прошел не один год, но люди в магазинчиках работали подолгу, и помнили гениального тюнинговщика башен, как будто он вещал вчера.

Долгое время материал не шел, Татьяна никак не могла подобрать подходящие образы, статья расползалась, и, шипя от злости, она удаляла файл.

А сегодня, совершенно неожиданно, все получилось словно само собой – она будто со стороны следила за своими пальцами, порхавшими по клавиатуре.

Поставив последнюю точку, выдохнула, как после хорошей пробежки, и откинулась на стуле: – Й-е-е-с!!!

Сохранив файл, посмотрела на часы – времени до поездки в редакцию предостаточно, можно часок побегать.

Одним из огромных преимуществ своего жилья она счи-

тала близость Измайловского парка.

Выйти из подъезда, дойти до угла, пересечь двор и, вот он, остается только наискосок пробежать по асфальтированной площадке до входа в лесопарк.

В парке – красота. Прозрачная весенняя тишина, запах мокрой, еще холодной, лишь недавно освободившейся от снежной шубы, земли. Пронзительное весеннее солнце раздвинуло тучи. Лужи, лужицы и ручейки вспыхнули острыми алмазными лучами.

Немногочисленные мамы с колясками и фанаты-велосипедисты не нарушали безмятежности, а были ее частью, еще больше подчеркивая глубокое спокойствие весеннего леса.

Необыкновенно хорошо бежать, сосредоточившись на дыхании, движении ног, понемногу выбрасывая из головы ненужные мелкие мысли, еще недавно казавшиеся безумно важными.

Холодный прицельный взгляд кольнул бегунью в спину, пропал, ушел в сторону, вернулся.

Споткнувшись, Таня сбилась с шага.

Остановилась, согнувшись, уперлась ладонями в колени, тяжело восстанавливая ритм дыхания. Рядом никого, кто мог бы так смотреть. Возится на детской площадке, которую она только что оставила за спиной, малышня, на скамейке покуривает парочка молодых мамаш. На них неодобрительно смотрит, поджав тонкие морщинистые губы, строгая бабушка в синем берете. Эта, конечно, и словом и взглядом

полоснуть может, но чтобы так...

Да и не верила Татьяна особо во все эти сглазы и порчи.

Но Бегать уже не хотелось, и она, развернувшись, затрусила, постепенно наращивая темп, к дому.

Бодрую футурамовскую мелодию телефона, она услышала, когда поворачивала ключ в двери. Ворвалась в квартиру с криком, – Иду! Иду! Да не надрывайся ты!

Незнакомый номер...

– Алло? Слушаю!

– Татьяна Владимировна, здравствуйте. Это Вяземский.

– Слушаю вас, Ян Александрович, – настороженно ответила Таня, присаживаясь на диван. Мурч тут же запрыгнул на колени и принялся топтаться, требуя, ритуала чесания.

– Татьяна Владимировна, во-первых, хочу поблагодарить за прекрасное интервью.

– Спасибо большое, – она постаралась скрыть облегчение. Услышав голос Вяземского, сразу же подумала, что тот передумал насчет публикации.

– А во-вторых, я хотел пригласить вас на открытие выставки. Это небольшая, но очень интересная выставка искусства индейцев Южной Америки. Буду очень рад, если вы согласитесь.

Татьяна не отвечала, сидела, кусая губы. Перед глазами пронесся тот вечер, после которого она написала заявление об уходе из крупной фирмы, где проработала четыре года и дала себе зарок никогда не связываться с «корпоративной

культурой». Работала она начальником эвент-отдела. В переводе с корпоративного на русский, на ней была организация всех пресс-конференций, презентаций и прочих мероприятий.

В тот день она измоталась так, что еще до начала вечера чувствовала, как ее пошатывает. Мечтала только том, чтобы все это поскорее закончилось.

Неожиданно перед ней оказался один из гостей, перед которым директор фирмы плясал на задних лапках. Важная персона являлась совладельцем одной из крупных розничных сетей Москвы. Сейчас персона была пьяна и жаждала развлечений.

Окинув Татьяну оценивающим взглядом, персона сконцентрировалась и родила мысль:

– Деточка, ты поедешь со мной в шик-карный ресторанчик. Ти-их-хий. А потом мы от всех убежим ко мне на дачу. Гар-рантирую романтический завтрак.

Таня почувствовала, как ее накрывает волна веселого бешенства. Нежно положив ладошку на лацкан персоньего пиджака, она с томной хрипотцой спросила:

– А вы кто, уважаемый?

Вип-гость умолк, пытаясь сконструировать ответ. Пошатнулся, и во внезапно наступившей тишине, громко представился:

– Я – совладелец!

И застыл, вздернув подбородок,

Таня от души рассмеялась, дружески хлопнула его по груди, и звонким пионерским голосом ответила:

– Пошел ты на х...й, совладелец!

Развернулась, и ушла. Из ресторана, и из фирмы.

Словно со стороны она услышала свой голос:

– Ян Александрович, спасибо, но я не сплю с теми, у кого беру интервью. Вне зависимости от их положения и достатка.

В груди разлилась холодная пустота. Показалось, что, вот прямо сейчас, она вычеркнула из своей жизни что-то хорошее и важное, что могло бы случиться, но теперь никогда не произойдет.

Сейчас Вяземский положит трубку и навсегда исчезнет из ее жизни. Потому что, таким как он нет места в однокомнатных квартирах таких, как Татьяна Береснева.

– Татьяна Владимировна, скажите, разве я дал вам повод заподозрить меня в чем-то подобном? – голос все так же спокоен и вежлив. Ни малейшего следа затаенной обиды.

– Нет, не давали, но...

– Тогда, я вас очень прошу, поверьте что, приглашая вас на открытие выставки, я имел в виду именно то, о чем говорил. Теперь, когда мы поняли друг друга, я спрошу еще раз. Вы согласны?

– Да... То есть... А когда, а где... – Таня поняла, что мямлит в трубку что-то совершенно нечленораздельное, и покраснела.

– Завтра в девятнадцать часов я заеду за вами. Хорошо?

– Да-а, но... Да мне пойти не в чем на такое мероприятие! – в отчаянии выпалила Таня, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы. Она явственно представляла себе породных мужчин в смокингах, сопровождаемых сногсшибательными блондинками с пустыми глазами и сумочками от Диора или Hermes.

– Уверяю вас, Татьяна, это не светский раут и не мероприятие для миллиардеров. И потом, я уверен, вы будете выглядеть замечательно. А теперь, скажите, пожалуйста, куда за вами заехать?

С трудом соображая, что происходит, Таня продиктовала адрес. Вежливо попрощавшись, Вяземский закончил разговор.

Несколько минут, она неподвижно сидела на диване, глядя на погасший экран смартфона, ойкнула, и бросилась к платяному шкафу.

Странное знакомство

Вихрем ворвавшись в редакцию, Таня выдернула Олега из курилки, усадила за рабочий компьютер, и сунула флешку с фотографиями:

– На. Сливай снимки, и давай отбирать. У меня пятнадцать минут времени.

– Спокойно! Спокойно, мать! Выдохни. Сейчас разберемся. И, вообще, все нормальные люди давно на Яндекс. Диск все скидывают и ссылку шлют. Ты не слышала?

Татьяна только отмахнулась. Приплясывала у монитора, поглядывая на часы. Олег не выдержал:

– Слушай, не мельтеши! Ты куда-то опаздываешь?

– Ага. В парикмахерскую.

Олег глянул с интересом, буркнул «ну-ну», и вернул флешку:

– Все, вали. Сам отберу, снимки по полосам раскидаю. Если надо будет сокращать-дописывать, позвоню. Испаряйся.

Парикмахерская, салон красоты, маникюр, уже в девятом часу выловленная Аня, бракующая седьмую блузку. Дома критический осмотр брючного костюма, холодный ужас – туфли! Не подойдут!

Срочная примерка – вроде не все так страшно, теперь с блузкой, не подходит! Хотя, нет, это она уже придирается. А украшения?! А сумочка?! Не с рюкзаком же идти!

В конце концов она села посреди разгромленной в поисках сумочки комнаты, обозвала себя дурой, повесила костюм и выглаженную блузку на плечики, напомнила сама себе, что на пресс-конференции и презентации она ходит регулярно, и завалилась спать.

Утром снова начался мандраж. как ни пыталась она уговорить себя, что это всего лишь очередное скучноватое мероприятие, куда ее пригласили только из чувства благодарности – не помогало. К трем часам она уже жалела, что не курит.

В четыре – обозвала себя идиоткой и неврастеничкой, заварила очередную чашку чая – кусок в горло не лез, и за весь день она сумела затолкать в себя только бутерброд с брынзой.

К шести решила, накладывая и стирая макияж, что звонок Вяземского не более, чем глупая шутка миллионера, и никто за ней не приедет. Одеваясь, успела придумать несколько коварных планов мести бездушному мерзавцу и представить, как горько она будет плакать, когда автомобиль так и не появится.

Без трех минут семь, она увидела, как во двор осторожно протискивается неброское авто, вид которого говорил о тихом, но знающем себе цену, богатстве.

Зажужжал смартфон, и она подпрыгнула.

– Алло?

– Здравствуйте, Татьяна. Вы не назвали номер квартиры,

так что, я жду вас внизу, у машины.

– Да-да. Я видела, как вы подъехали. Сейчас спущусь.

Закончив разговор, она зашипела от досады.

Кто?! Кто просил говорить, что она видела машину?! теперь он наверняка решит, что якобы неприступная журналисточка просто набивала себе цену, а сама только и ждет, как захомутать выгодного жениха!

Все-все, думать уже некогда. В последний момент она бросила в сумку пауэрбанк – зачем!? – и выдохнула, как перед прыжком в холодную воду.

Проверив, где изволит дремать Мурч, которому смертельно надоела хозяйкина суета, зацокала вниз по ступенькам, моля бога, чтобы не подвернулся каблук.

Вяземский ждал ее возле машины.

– И снова, здравствуйте, Татьяна. Вы совершенно напрасно переживали – выглядите прекрасно.

Вяземский улыбнулся – искренне, без напряжения. Татьяна посмотрела ему в глаза, да, в глазах тоже прыгает смешинка, и он ее пытается сдержать. Правда, не слишком старательно.

И она почувствовала себя спокойно и раскрепощено.

– Здравствуйте, Ян Александрович. Хорошо, что вы одеты вот так.

– Как это, так? – удивился Вяземский.

– В обыкновенный человеческий костюм. Я уже решила – если окажется, что вы в каком-нибудь фраке-смокинге, тут

же разворачиваюсь и запираюсь в квартире.

– Скажу по секрету, – понизил голос Ян, – я даже костюмы искренне ненавижу. Но, приходится носить. Положение, знаете ли, обязывает.

– Однако, садитесь, садитесь же, – он открыл заднюю дверь автомобиля.

Внутри пахло кожей, легким мужским одеколоном и чем-то еще, неопределенным, чуть пряным, но очень приятным. Татьяна так и не смогла определить этот запах, но он ей решительно понравился.

Никакой перегородки между ними и водительским местом не было, и это Татьяне тоже понравилось.

За рулем сидел уже знакомый крепыш Владимир. Дружески ей кивнув, сосредоточился на нелегком деле – выезде из московского двора. С задачей справился блестяще, и вскоре они уже двигались к центру города.

– А где все это будет происходить? Я, к стыду своему, ничего о выставке не слышала, хотя за такими событиями слежу, – нарушила тишину Татьяна.

– То, что не слышали, неудивительно. Это выставка из разряда «для своих», проходит в особняке в центре Москвы. Кому особняк принадлежит, честно говоря, не знаю. А вот о выставке договаривалось посольство Мексики и некий частный коллекционер. Но никаких афиш не было. Да, не было.

Последние слова Вяземский произнес с какой-то непонятной задумчивостью и на некоторое время замолчал. Таня

не хотела нарушать тишину, но бизнесмен как-то внутренне встряхнулся и снова стал радушным хозяином.

Автомобиль остановился, Владимир вышел и открыл пассажирскую дверь. Вяземский ступил на тротуар, быстро осмотрелся и нагнулся к машине, протягивая Татьяне руку:

– Позвольте помочь. Мы на месте.

Таня считала, что весьма неплохо знает Москву но, выйдя, совершенно растерялась. За дорогой она не следила, и к стыду своему не смогла определить, в каком районе располагается внушительный особняк, отгороженный от улицы деревьями старого парка.

Ко входу вела широкая мраморная лестница, на которой сейчас стояли, переговариваясь, несколько человек. Оставив Владимира возле машины, Вяземский и Татьяна неторопливо поднялись к двустворчатым дверям, за которыми их ожидали люди в неброских серых костюмах, одному из которых Вяземский, не глядя, протянул пригласительные билеты.

С несколько рассеянным видом он осматривался по сторонам, словно искал кого-то знакомого. Татьяна же решила присмотреться к обстановке.

В зале в два ряда стояли длинные столы, на которых гостей выставки ожидали легкие закуски, фрукты, красное и белое вино, минеральная вода. Татьяна присмотрелась к бутылке, из которой девушка в белой униформе с вензелем известного ресторана разливала красное вино. И тихонько хмыкнула – недорогое чилийское. Для закрытого элитного

мероприятия могли бы разориться на что-нибудь более впечатляющее.

Заканчивался зал широкой мраморной лестницей, на второй этаж. Очередные высокие двери, к которым и вела лестница были открыты и с того места, где стояла Татьяна, она видела фрагмент высокого потолка с лепниной.

– Сама выставка, как я понимаю, там, наверху? – кивнула она в сторону лестницы.

– А? Да-да, там, – несколько рассеянно ответил Вяземский, и снова сделал невидимое глазу усилие, сосредотачиваясь на спутнице.

– Кстати, что же мы тут стоим, давайте поднимемся, – и он снова галантно предложил ей руку.

Татьяна вынуждена была признать, что несколько старомодная галантность Вяземского, его манеры, вызывающие в памяти образы блестящих офицеров императорской гвардии из приключенческих романов и фильмов, производили неизгладимое впечатление. В его присутствии она чувствовала себя настоящей леди, аристократкой, даже походка, с удивлением осознала она, изменилась, стала плавной и неспешной.

Она даже мимолетно пожалела, что на ней совершенно не романтичный брючный костюм. Да, он отлично сидел на ладной фигурке, но это совсем не вечернее платье.

Впрочем, успокоилась она, обведя окружающих взглядом, она не одинока. Вечерних платьев в поле зрения не наблю-

далось.

Гости постоянно входили и выходили из широких дверей, обмениваясь впечатлениями, в особняке стоял негромкий плотный гул, характерный для художественных выставок и презентаций.

Татьяна и Вяземский вошли в зал.

Неяркое освещение создавало атмосферу таинственности, почти интимности, очертания зала терялись в сумерках, заставляя посетителей сразу же всматриваться в яркие световые пятна скрытых ламп, подсвечивающих стеклянные кубы.

Татьяна подошла к ближайшей тумбе и остановилась, зачарованная.

Золотое украшение, подсвеченное холодным мертвенным светом, притягивало и отталкивало одновременно – прекрасное грубой жестокой красотой, манящее темной кровавой силой.

Вяземский подошел, остановился, глядя на украшение из-за Таниного плеча.

Она обернулась:

– Вы же жили в Эквадоре, да? Для вас, наверное, все это не так интересно.

– Зря так думаете. Да, конечно, я много общался с индейцами, но не забывайте, во-первых, я белый. Во-вторых, это выставка посвящена искусству ацтеков и тольтеков. А к ним отношение даже среди индейцев Южной Америки особое.

– Особое, это какое?

Вяземский задумался, подбирая слова.

– Понимаете, на бытовом уровне это почти не ощущается, особенно человеком европейской культуры, рационалистом. А вот шаманы, да и просто знающие люди относятся к ним со смесью страха, ненависти и уважения.

Вяземский выделил голосом слово «знающие».

– Ненависти? – удивленно вскинула бровь Таня.

– Именно. Цивилизация ацтеков показалась бы нам совершенно бесчеловечной. Судя по тому, что нам известно, другие племена, другие народы, служили им не более, чем источником рабов и ритуальных жертв.

Они медленно перешли к следующему экспонату. Татьяна почему-то мимолетно устыдилась, что там мало знает об этом удивительном народе, да и о Южной Америке вообще. Несмотря на любовь к истории, ее познания ограничивались фильмом Мела Гибсона «Апокалипсис», половину которого она просидела, прикрыв глаза от ужаса, да несколькими приключенческими книгами, прочитанными еще в юности. Это о Москве и Питере она могла говорить часами, но Америка... Тут она была полным профаном.

Словно почувствовав ее смущение, Вяземский негромко заговорил, ненавязчиво взяв на себя роль экскурсовода. Он рассказывал об истории каждого предмета, обращал внимание своей спутницы на тот или иной особенно интересный фрагмент узора или изображение божества и, постепенно,

Татьяну полностью захватил его рассказ.

Мелькнула мысль, что он знает куда больше, чем показывает, но исчезла, не оформившись.

Незаметно, она прошли вдоль всего зала и возвращались по его противоположной стороне к дверям. Судя по всему, знакомых у Вяземского здесь почти не было. Лишь пару раз он кивнул неприметным мужчинам средних лет, в одиночестве стоявшим возле стеклянных тумб. Честно говоря, Татьяна была несколько разочарована – по знакомым можно многое узнать о человеке.

Почти у самого выхода они столкнулись с невысоким смуглокожим человеком в темном деловом костюме и белоснежной сорочке с жемчужными запонками.

Роль галстука выполнял кожаный шнурок, прихваченный у горла золотым зажимом, изображавшим, как показалось Тане, ацтекского воина, держащего в руке связку изломанных копий.

При виде Вяземского острые черты смуглого лица почти неуловимо исказились в гримасе неудовольствия, но почти сразу оно засияло лучезарной улыбкой:

– Ян Александрович! Какая приятная встреча! Я искренне рад, как это правильно – свидетельствовать свое расположение?

– Скорее, «своё почтение», если вы хотите использовать этот, несколько устаревший оборот, дон Мануэль, – сдержанно улыбнулся Вяземский.

– Да-да! То так! – восхитился дон Мануэль.

– Позвольте представить, Мануэль Лесто, мой давний знакомый. – отрекомендовал смуглокожего Ян. В слове «давний» проскользнул какой-то странный оттенок.

Латиноамериканец учтиво, как показалось Тане, даже чересчур учтиво, поклонился и, взяв ее ладонь, легонько сжал сухими горячими пальцами:

– Искренне рад познакомиться со столь очаровательной дамой! Искренне! Искренне рад!

– Моя спутница – Татьяна Владимировна Береснева. – коротко сказал Вяземский и обратился уже к Лесто:

– Дон Мануэль, уверен, наши разговоры будут невыносимо скучны Татьяне Владимировне.

– О! Конечно-конечно, я как раз собирался... я не смею вам мешать, – и смуглый дон явно собрался раствориться в полумраке зала, но Вяземский неожиданно крепко ухватил его за локоток.

– Поэтому, я думаю, госпожа Береснева простит нас, если мы ее ненадолго покинем? – вопрос явно адресовался Тане. Та почувствовала неожиданную горечь, но, протестовать, не стала.

– Я покину вас, господа. Спущусь вниз, возьму что-нибудь попить, – и, мило улыбнувшись, вышла из зала. Взяв бокал красного вина, оперлась о перила балкона и стала наблюдать за входящими и выходящими из дверей людьми.

Знакомые лица не попадались, и она снова подумала о

том, сколько же в Москве вот таких, скрытых от посторонних глаз, мест, сколько странных, почти не пересекающихся пластов жизни одновременно существует в огромном сумасшедшем мегаполисе.

Неожиданно мелькнувшая внизу фигура привлекла ее внимание. Татьяна присмотрелась. Да, точно, из зала выходила знакомая журналистка, сотрудничающая с несколькими гламурными журналами. Таня уже собралась окликнуть знакомую, но вовремя спохватилась, и заспешила вниз по лестнице.

Увы, догнать Ленку не удалось. Когда Татьяна открывала дверь особняка, та уже садилась в чей-то серебристый Мерседес.

Татьяна вернулась в зал. Убивая время, пошла вдоль зала, разглядывая фотографии экспонатов, вывешенные на расставленных залу стен стендах. Особого впечатления снимки не производили, куда интереснее оказалось читать достаточно подробные пояснительные надписи, размещенные под ними.

Время от времени она посматривала вверх – не появился ли Вяземский.

В очередной раз, выглянув из-за стенда, она увидела его, беседующим с латиноамериканцем. Продолжая держать собеседника за локоть, Вяземский неторопливо шел по круговому балкону второго этажа. Наконец они остановились за колонной и теперь стояли так, что заметить их можно было

только снизу, да и то лишь с определенной точки, в которой случайно оказалась Татьяна.

В зале стоял негромкий гул и голоса со второго этажа слышно, конечно же, не было. И все же Татьяне показалось, что вокруг Вяземского и дона Мануэля тишина сгустилась, приобрела вес и форму, уплотнилась. Даже свет вокруг фигур казался приглушенным, силуэты собеседников размывались, погружались в тени.

Не раздумывая, Таня достала из сумочки фотоаппарат, отключила, чтобы не привлекать к себе внимания, вспышку, и направила объектив на стенд с фотографиями. Чуть сместила – на дисплее видоискателя показались фигуры на балконе. Максимально приблизила фигуры и сделала несколько снимков, после чего убрала фотоаппарат обратно и вернулась к чтению подписей под фотографиями. Видя этот фотоаппарат, Анька морщила носик – ну кто пользуется таким в наш век смартфонов, с суперкамерами, купи уже айфон, как все приличные люди! Таня молча улыбалась и не спешила рассказывать, сколько она в свое время выложила за эту малютку, послушав совета профессионального фотографа.

Допив бокал, поставила его на ближайший стол, и глянула на часы. Однако, уже полночь! Посмотрев наверх, она не увидела Вяземского. Можно было, конечно, поискать его, но Татьяна терпеть не могла навязываться. Не хотелось зависеть от малознакомого человека, который, теперь это стало совершенно ясно, пригласил ее только для того, чтобы отдать

долг вежливости, да еще и бросил при первой возможности.

Решив, что ждет еще десять минут, после чего уходит и добирается до дома сама, Татьяна вернулась к столам. Положив на тарелку несколько ломтиков ананаса и гроздь винограда, пристроилась около большого окна, выходявшего во внутренний двор особняка.

Бездумно глядя в окно, она отщипывала виноградины и одну за другой отправляла их в рот. Неожиданно Таня увидела, как во дворе появился латиноамериканец, с которым беседовал Вяземский. Видимо, вышел из служебной двери, невидимой из окна. Дон Мануэль казался возбужденным, даже встревоженным. Нервно закулив, он заходил по дворику, сунув левую руку в карман, а правой резко поднося сигарету ко рту. В несколько глубоких затяжек докурив сигарету, бросил окурок под ноги, растоптал его каблуком, и достал из кармана мобильник. Таню удивило, что это оказалась дешёвая «звонилка», которая никак не вязалась с образом элегантного дона.

Таня обратила внимание что Лесто, судя по движению пальцев, полностью набирал все цифры номера. Замер, дожидаясь ответа. Заговорил горячо, размахивая свободной рукой.

Так, с телефоном возле уха, он и исчез из поля зрения Татьяны.

А у нее за спиной раздался негромкий виноватый голос:
– Татьяна, я могу рассчитывать на ваше прощение?

Таня обернулась. Вяземский стоял, всем видом выражая искреннее раскаяние. Она прищурилась:

– Ян Александрович, вот, если честно, то мне кажется, вы играете. И нисколько вам не стыдно.

Вяземский посерьезнел, подобрался:

– Знаете, если уж честно, то мне действительно, очень неудобно, но не стыдно. Состоявшийся разговор был крайне важен, и я нисколько не стыжусь того, что поступился нормами этикета. Это совершенно не значит, что я не испытываю неудобства и того, что мне действительно неприятно. Поверьте, ваше общество куда приятнее, чем общество дона Мануэля.

Татьяна прыснула и чуть не подавилась виноградиной. Поставив тарелку на подоконник, она сделала глоток воды и снова рассмеялась:

– Ну, это, конечно, комплимент! Просто неотразимый! После такого заявления вы прощены. Окончательно и бесповоротно! А потому, если это вам удобно, отвезите меня домой. Завтра мне рано вставать и до упора сидеть, выискивая подробности о деятельности Якова Брюса.

– Брюса? – удивился Вяземский. – А с чем связан такой интерес к этому авантюристу?

Удивляясь собственной наглости, Таня взяла его под руку и повела к выходу:

– Пойдемте. По дороге расскажу. Так вот. Есть такая газета...

Она болтала всю дорогу. Вяземский оказался прекрасным слушателем. Он не перебивал, очень к месту вставлял точные и краткие замечания, и, как оказалось, историю родины своих предков знал отлично.

Татьяну поразило еще и то, что в беседе участвовал водитель Владимир. Сохраняя уважительное отношение к своему шефу, он задавал интересные вопросы, заставлявшие Татьяну продолжать рассказ и, похоже, искренне интересовался прошлым Москвы.

Время пролетело совершенно незаметно, и когда автомобиль остановился, Татьяна не сразу сообразила, что они стоят во дворе ее дома.

– Спасибо вам. Очень интересная выставка. И за беседу спасибо. И вам, Владимир, тоже – обернулась Таня к водителю.

– Подождите немного, Татьяна Владимировна, – Вяземский достал из кармана небольшой замшевый мешочек – Пожалуйста, не поймите меня превратно и не расценивайте этот жест приязни и уважения в неверном свете. Я хотел бы подарить вам небольшой сувенир.

Развязав тесемки, достал кулон в виде листа на серебряной цепочке, протянул его Татьяне, и очень серьезно сказал:

– Считайте, что это талисман. Или, как говорят в России, оберег. Он будет помогать вам в..., – тут Вяземский чуть помедлил, – серьезных и неприятных переговорах и поможет при неожиданных встречах.

Таня положила кулон на ладонь. От этой скромной маленькой вещицы исходили уверенность и доброжелательность, ощущение теплого металла успокаивало. Она сжала кулак:

– Знаете, а ведь я не обычно не принимаю подарков от малознакомых мужчин... Но вот эту вещь... Спасибо вам.

И она сама открыла дверь автомобиля.

Вяземский вышел следом.

– Татьяна Владимировна, я могу вам позвонить и пригласить, скажем, отобедать.

Чуть приподняв голову, Татьяна смотрела в его очень серьезные и спокойные глаза.

Ужасно хотелось ответить – да, конечно, это будет так славно. Но, прикусив губу, она помолчала, и ответила:

– Знаете, может мне лучше вернуть подарок? Поскольку я не могу вам сейчас ответить «Да».

И она протянула ему кулон.

Вяземский мягко накрыл ее ладонь своей, снова сжимая ее в кулак.

– Нет-нет. Оставьте, пожалуйста. И очень прошу, не расценивайте этот подарок как способ давления. Но я оставляю за собой право позвонить.

Таня молча кивнула.

– Да, и еще, – добавил Вяземский. – Дайте мне слово, что будете носить кулон, не снимая. Хотя бы несколько дней.

– Почему именно несколько дней? – удивилась Таня.

– Считайте, что я немножко провидец. В ближайшие дни он вам понадобится! – Вяземский уже садился в машину.

Почти беззвучно заработал двигатель, и мощное авто, плавно развернувшись, покинуло двор.

Ожидания

– Это, значит, площадь Европы? – скептически огляделся вокруг Олаф.

Вяземский стоял чуть позади, задумчиво глядя на мост, по которому несколько дней назад бежал его предшественник.

За спиной гудел суматошный Киевский вокзал, вокруг которого мельтешили людские толпы, груженные пластиковыми сумками «мечта мародера», потрепанными рюкзаками, деловито прогладывали путь бизнесмены, приехавшие Аэроэкспрессом, торопились попасть в аэропорт туристы.

Олаф покосился на шефа и, видя, что тот не отвечает, продолжил:

– Назвать именем Европы одно из самых азиатских мест Москвы, в этом есть какой-то исконно русский черный юмор. Я вот, давно уже общаюсь с вами, Ян Александрович, но не устаю поражаться вашим соплеменникам.

– Я и сам не устаю им поражаться, Олаф, поверьте, – рассеянно ответил Вяземский и, оглянувшись через плечо, посмотрел в сторону гостиницы «Киевская».

– Олаф, что вы видите? – спросил он норвежца, поворачиваясь в сторону вокзала.

– Толпу. – кратко ответил тот и продолжил, не дожидаясь следующих вопросов, – Толпу, Ян Александрович. А это

значит, что шел Мартынюк, скорее всего, не со стороны вокзала. А, скорее всего, вдоль набережной. Вот оттуда, – махнул он рукой направо.

– Олаф, а если людям отвели глаза? – Вяземский пребывал в той же меланхолической задумчивости.

Он медленно пошел через площадь к мосту. У самых ступеней остановился, задрал голову, глядя на вход в стеклянную трубу. По мосту спешили люди, процокала мимо стайка офисных девиц в туфлях на шпильке, сердито сопя, толкнул Яна толстяк с расплзающимся коричневым портфелем в руках. Вяземский, кажется, и не заметил.

Его глаза пытались рассмотреть ту ночь, когда по мосту бежал человек, наверняка узнавший что-то важное. Настолько важное, что кто-то решил убрать резидента Ордена, нарушить Протокол Нейтралитета. Это, знаете ли, едва ли не объявление войны.

Олаф встал рядом, негромко спросил:

– А может, случайная жертва? Классическое «не в то время, не в том месте»?

– Сами-то верите, а? – с укоризной спросил Вяземский.

– Не-а. Ни на секунду, – характерное русское «не-а» норвежец выговаривал с наслаждением, словно ребенок, недавно выучивший новое слово.

– Вот и я – не-а. Давайте поднимемся, – не дожидаясь ответа норвежца, Вяземский энергично зашагал вверх по ступеням. На той ступени, где Мартынюк оступился и разбил

колени, он задержался, не обращая внимания на спешащих людей, закрыл глаза и коснулся кончиками пальцев края ступени.

Выпрямившись, заспешил дальше.

С любопытством поглядывая по сторонам, он шел вдоль моста, надолго замирал, у прозрачной стены, глядя на открывающуюся с высоты панораму Москвы.

В очередной раз застыв, Вяземский закрыл глаза и поморщился. Заметив это, Олаф с озабоченностью спросил:

– Что-то почувствовали, Ян Александрович?

– Нет, друг мой, ничего конкретного. Просто здесь очень хорошо ощущается, насколько безумен город.

Олаф пожал плечами:

– Мегаполис.

– Дело не только в этом. Посмотрите по сторонам – город кто-то прищипоривает. Его суета уже перешла в истерические судороги. Если так пойдет дальше, он не выдержит. Город похоронит сам себя. Взорвется, или застынет в коллапсе.

– Будем надеяться, что этого все же не произойдет, – пробормотал норвежец, глядя на медленно ползущие в зарождающейся пробке автомобили на набережной. – Вы что-то почувствовали там, на ступенях?

– Да. Нашел место, где он разбил ногу.

– А сейчас что-нибудь ощущаете?

Вяземский недолго помолчал:

– Да. Мартынюка гнал кто-то очень сильный. И этот кто-

то использовал холод и ветер. Вспомните, как его убили – перерезав осколком стекла артерию. Вы сами показывали мне снимки. Такой осколок никто не стал бы держать в руке – крайне неудобно. Нет – его подняли в воздух и швырнули в горло жертве вместе с порывом ветра.

– Я запрашивал наши посты контроля – никто не зарегистрировал серьезных возмущений в Приграничье.

– Факт этот сам по себе ничего не значит, сами знаете. Есть немало существ, которые могут использовать ветер и не прибегая к силам Той Стороны.

– Меня больше беспокоит другое, – сказал Олаф, – с кем встречался Мартынюк и почему после встречи был вынужден уходить настолько отчаянным способом?

– Вот это нам и предстоит выяснить. А теперь, давайте найдем какой-нибудь ресторанчик потише и еще раз все обсудим, – предложил Вяземский.

Ресторанчик они решили поискать подальше от набережной, здраво рассудив, что соседство с автомобильной пробкой – не лучший вариант для спокойной беседы.

В одном из переулков обнаружилось то, что надо – неприметная харчевня из разряда «для своих», практически пустая, с уютным маленьким залом и не удивление расторопной официанткой, моментально объяснившей что братъ стоит, а что – не очень, принявшей заказ, и умчавшейся на кухню.

– Мило. Простенько и мило, – высказался Олаф, и про-

бурчал что-то благодарственное, принимая из рук официантки высокий бокал яблочного сока.

Вяземский откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди:

– Возвращаемся к самому началу.

– Логично, – норвежец смаковал холодный сок и казался воплощением спокойствия. – Лично я узнал обо всем одновременно с вами. Кёлер вызвал нас буквально в один и тот же момент. Так что, вы излагайте, а я послушаю.

– Единственное, что смог сказать Кёлер, так это то, что Мартынюк не передавал ему никакой экстраординарной информации, и не вел никаких расследований, которые могли бы вызвать подобную реакцию. Обычная рутинная работа, контроль Приграничья, редкие визиты к подписавшим Протокол, вот и все. Обстановка по обе стороны Границы в этом районе, по словам Кёлера тоже была чуть ли не сонная.

– Что возвращает нас к гипотезе – «не то время, не то место», – отсалютовал бокалом Олаф.

Их разговор ненадолго прервала официантка, сноровисто расставившая тарелки с наваристыми щами и корзиночку со свежим хлебом.

Не прерывая негромкой беседы, Олаф и Вяземский принялись за еду.

– Насколько я знаю, после подписания Протокола Нейтралитета, резидентов ордена убивали нечасто и, как правило, это было связано с попытками пробоя Границы. Но, в дан-

ном случае, нет никаких видимых следов подготовки, – сказал Вяземский.

– Именно. Но, все же, убили его с применением Сил, следовательно, кто-то из наших клиентов имеет к его гибели непосредственное отношение. Но не обязательно, что дело в подготовке пробоя.

– Да уж. В последние лет двадцать здесь творится такое, что никакого пробоя не нужно, – в сердцах бросил Ян. – Потеряли едва ли не всю структуру, которую налаживали десятилетиями, почти все, кого можно было считать союзниками, либо переселились, либо отправились на тот свет.

– Либо усиленно делают вид, что не имеют к нам никакого отношения, – закончил Олаф мысль Вяземского и, отправив в рот очередную ложку супа, продолжил, – но, при этом, обстановка в Приграничье остается достаточно спокойной. Складывается впечатление, что все настолько капитально уткнулись носами в землю и гребут деньги, что по сторонам, я уж не говорю, вверх, никто и не смотрит. Даже всплеск интереса к мистике, характерный для кризисных периодов и тот был достаточно слабым.

Вяземский аккуратно отодвинул тарелку, снова откинулся на спинку стула:

– Насколько я понимаю, «Спецотдел» также не сообщил ничего особо интересного.

– Нет, абсолютно ничего, – пожал плечами Олаф, – но не стоит забывать, что это, прежде всего, госструктура Рос-

сии, причем непосредственный наследник отдела КГБ, занимавшегося всяческой чертовщиной, а потому возможности у них сейчас достаточно ограниченные.

– И все же подобные отделы в разведках всех стран всегда предпочитали сотрудничать с Орденом. Если местные молчат, значит, Мартынюк и их ни во что не посвящал и, скорее всего, занимался рутинной.

– Мой контакт уверяет, что Мартынюк с ними давно уже не встречался, ограничиваясь стандартным оповещением «жив-здоров».

– М-да... не очень веселая картина получается, вам не кажется, Олаф? На фоне абсолютного спокойствия, погибает резидент Ордена. В европейской штаб-квартире мне сообщают, что никаких тревожных сигналов от него, никаких необычных запросов, они не получали. Обстановка на границе Миров по сообщениям постов слежения, в ночь убийства также совершенно спокойна.

Местная служба, контактирующая с нами, также не может сообщить ничего полезного, они считают, что обстановка вокруг стабильна. Подписавшие Протокол Нейтралитета, живущие в этом районе, делают честные глаза и клянутся, что ничего не происходит. Вам это ничего не напоминает, а, друг мой?

– Напоминает. Тихий омут, – очень серьезно сказал Олаф, и добавил, подумав, – И я очень хочу верить, что дело в банальной уголовщине.

Всю следующую неделю после посещения выставки Таня ждала звонка. Пыталась себе не признаваться, списывала все на усталость, перегрузки и весенний авитаминоз, но к среде притворяться надоело, и она честно сказала зеркалу:

– А ведь мог бы и позвонить, черт побери!

Высунувшийся в коридор на голос Мурч согласился коротким басовитым мявом.

– Итого, нас уже двое, – подытожила хозяйка. Легче не стало.

Между тем, рабочие дела шли на редкость хорошо, хотя и суматошно. Таня была даже рада – не оставалось времени на ненужные мысли, удавалось загонять их на задворки сознания.

Только поздно ночью, без сил падая в кровать, она снова вспоминала тот вечер в особняке, и стискивала в кулаке серебряный листок.

Наутро все вставало на свои места.

В пятницу вышел номер журнала с интервью Вяземского, и Татьяна ждала хотя бы звонка начальника его пресс-службы, но телефон молчал. Она пожала плечами и уехала за город.

Выходные, проведенные у мамы, уже три года переселившейся на дачу, окончательно привели ее в обычное собра-

но-спокойное расположение духа, и ранним утром в понедельник ей удалось выбросить Вяземского, с его таинственными разговорами и подарками из головы.

Кулон, однако, не снимала – уж больно уютной оказалась вещица. Таня не выставляла ее напоказ – просто не снимала даже в душе, и за неделю серебряная цепочка и листок на ней стали частью ее тела.

* * *

Медленно плывя в утреннем сыром тумане, Татьяна вела свой Фольксваген к Москве. Ярославское шоссе, по которому она возвращалась в город, еще не встало, как обычно по понедельникам, и ей удалось довольно быстро доехать до Кольцевой. По дороге она прокручивала дела, которые необходимо сделать, и не сразу обратила внимание на коммуникатор, задушено надрывавшийся в сумочке. Одной рукой она зашарила в сумке, проклиная собственную рассеянность – сколько раз давала зарок, садясь за руль доставать мобильник и класть на «торпеду»!

Номер незнакомый. Интересно, кто это в такую рань.

– Алло?

– Татьяна Владимировна? – деловитый, вежливо-корпоративный голос.

– Да, это я. Слушаю.

– Меня зовут Игорь Соловьев. Я директор по развитию из-

дательского дома «Гейм-сайд». Татьяна Владимировна, мы можем с вами встретиться?

– А по какому поводу, если не секрет?

– Никаких секретов, конечно же, – с отрепетированной задушевностью заверил неведомый Соловьев, – наш издательский дом является одним из наиболее динамично развивающихся на отечественном рынке, мы постоянно расширяемся и заинтересованы с сотрудничеством с настоящими профессионалами. Я хотел бы обсудить с вами возможные условия сотрудничества.

Татьяна задумалась. У «Гейм-сайна» была не самая хорошая репутация в журналистской среде – поговаривали о том, что там диктует свою волю рекламный отдел, буквально заставляя писать о клиентах хвалебные статьи, поговаривали о хамском отношении к сотрудникам и поощрении стукачей. Авторам, однако, они платили хорошо и выплаты не задерживали.

Решила, что хуже не будет:

– Давайте поговорим. Когда и где?

– Татьяна Владимировна, если вам удобно, то мы могли бы встретиться сегодня в десять. Скажем, в кафе «Эстерхази» на Китай-городе. Вы знаете, где это?

Татьяна знала. Безумно дорогое для нее кафе. Однако это деловая встреча и совершенно не обязательно там что-то заказывать, кроме минеральной воды или чашки кофе. А такие расходы ее бюджет выдержит.

Она посмотрела на часы. Доехать, поставить машину, сбегать в душ...

– Если сегодня, то могу около десяти тридцати? Я сейчас на Кольцевой, не хотелось бы вас подводить, сами знаете, что такое московский утренний трафик.

– Да, конечно. В десять тридцать, – неожиданно легко согласился собеседник и закончил разговор.

Татьяна задумалась. Непонятно было, чем вызван такой интерес к ее скромной персоне. Бездарем она себя не считала, но и журналистом первого эшелона не была, зачастую сознательно избегая тем, касаться которых ей не хотелось. Благодаря излишней, как многие считали, брезгливости, знали ее лишь немногие постоянные читатели колонки.

А тут целый директор по развитию сам звонит скромному журналисту-фрилансеру. Да еще с легкостью соглашается на встречу в тот же день и в назначенное журналистом время. Как говорила незабвенная Алиса – все страньше и страньше.

Впрочем, скоро она встретиться с этим директором и все станет ясно.

Размышляя таким образом, Татьяна свернула на шоссе Энтузиастов.

* * *

Московское непредсказуемое движение еще раз оправдало свою репутацию – она поставила машину в гараж куда

раньше, чем рассчитывала. Направляясь к подъезду, позволила маме:

– Привет. Я уже около дома. Да, представляешь, даже нигде не стояла. Нет, сейчас поеду на встречу. Нет, мама. На деловую встречу. Вернусь – расскажу. Если будет, что рассказывать. Целую. Пока-пока.

Почесать Мурча за ухом. Скинуть туфли. Насыпать коту корма, поменять воду. Открыть окно в кухне и балкон в комнате. Раздеться.

Теперь в душ. Высушить феном волосы, уложить. Наложить макияж. Слава богу, на это у нее уходило немного времени – косметику Татьяна недолюбливала и старалась пользоваться ею как можно меньше. Процесс «намакияжевания» она называла «нарисовать основные черты лица».

На минуту застыла перед гардеробом. Хмыкнув, достала чистую глаженую футболку с умильно улыбающимся чертом и надписью «God is busy. Can I help you?». Натянула любимые, до неприличия вылинявшие «Левайсы», и посмотрела на часы.

До встречи час. Пора. Накинув легкую куртку, глянула в зеркало. Конечно, узнай Аня, что она в таком виде отправилась на встречу с потенциальным работодателем, у нее приключился бы инфаркт.

С другой стороны – вот и посмотрим, действительно ли она так нужна издательству, как уверял вкрадчивый директор, поглядим, насколько шокирует его внешний вид себе-

седницы.

Несмотря на то, что основные волны спешащих на работу горожан уже должны были схлынуть, на Первомайской вдоль платформы стояла молчаливая людская стена. Таня пристроилась возле колонны, и вставила в уши «капельки» наушников, отгораживаясь от внешнего мира.

Подошел поезд. Хлынула внутрь напряженное московское месиво, растекаясь по вагону, поспешно плюхаясь на немногие свободные места.

Таня зашла одной из последних, встала, прислонившись к дверям напротив тех, которые открывались на остановках. На ее ветке не было платформ справа, так что, это место было одним из самых спокойных в вагоне. Полуприкрыв глаза, она прибавила громкость, и перестала воспринимать вагон метро.

Рвал сердце Александр Васильев, отстраненно, за гранью отчаянья, бросая в пространство слова Маяковского:

"Выбегу, тело в улицу брошу я.

Дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссекась.

Не надо этого, дорогая, хорошая,

Дай простимся сейчас.

Все равно любовь моя – тяжелая гиря ведь —

Висит на тебе, куда ни бежала б.

Дай в последнем крике выречь

Горечь обиженных жалоб."

– Следующая остановка «Площадь Революции».

Выйти, взбежать по ступенькам перехода на «Театральную». Удачно – как раз подошел поезд в сторону «Тверской». Снова переход, теперь с «Тверской» на «Пушкинскую», остается последний отрезок пути – до остановки «Китай-город». Таня вспомнила что раньше станция называлась «Площадь Ногина». Еще одно мимолетное воспоминание далекого детства, без спросу всплывшее в памяти.

Татьяна несколько раз бывала в «Эстерхази» и от кафе у нее осталось ощущение приглушенного золотистого цвета, дорогого дерева, бесшумных предупредительных официантов и очень высоких цен. Впрочем, сейчас это значения не имело – приглашали на деловую встречу ее, вот, пусть приглашающая сторона и раскошеливается.

Воспоминание не обмануло – в кафе стояла аккуратная *стерильная* тишина, возле стеклянной витрины с пирожными и десертами негромко переговаривалась пожилая пара. Таня оглядела зал. Большая часть столиков свободна, завтракает лишь несколько мужчин и женщин офисного вида.

Из-за столика у окна поднялся человек в синем костюме, поднял руку, привлекая к себе внимание.

Татьяна подошла, и, не успела она открыть рот, как мужчина сказал:

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна. Я Игорь Соловьев. Рад встрече. Присаживайтесь, пожалуйста. Будете что-нибудь заказывать?

Поздоровавшись, Татьяна села за столик. Тут же возник официант с меню. Не открывая его, Татьяна сделала заказ – салат «Цезарь», чашку кофе капучино, стакан апельсинового сока.

И посмотрела на Соловьева, стараясь составить впечатление о человеке. Перед ней сидел характерный представитель вида «топ-менеджер компании средней руки». Неестественно гладенький, чистенький, и абсолютно безликий. Татьяне он напомнил розового пластикового пупса или восковое яблоко – такое же блестящее и неживое.

Единственным и индивидуальным штрихом, пожалуй, был дорого потрепанный мягкий портфель, который Соловьев поставил себе на колени, доставая визитницу.

Протягивая Татьяне визитку, он сказал:

– Искренне надеюсь, что наша встреча пройдет удачно и мы будем долго и плодотворно сотрудничать.

Татьяна взяла кремово-белый прямоугольник, обратив внимание на безупречный маникюр Соловьева. Последний штришок к портрету добавился, она сформировала свое мнение об этом человеке.

– Я тоже на это надеюсь, но, для начала, должна понимать, о каком именно сотрудничестве идет речь. Насколько я знаю, у вас нет изданий, которым я была бы нужна настолько, чтобы со мной встретился руководитель вашего уровня. Итак?

– Вы скромничаете, скромничаете, Татьяна! – расплылся в улыбке «человек с маникюром», как обозначила его для

себя Татьяна. — Однако, вот ваш заказ. Салат у них всегда очень свежий, так что, давайте поступим так — вы ешьте, а я пока расскажу о нашем издательском доме и его планах. Хорошо?

Разумеется, хорошо. Тем более, что салат действительно оказался исключительно хорош, а свежавыжатый апельсиновый сок приятно щекотал язык.

Соловьев засыпал ее округлым и политкорректными фразами о миссии издательского дома, корпоративных ценностях, необходимости современного менеджмента, требованиях времени и лидирующем положении на рынке.

Татьяна слушала и отчетливо понимала — слова наманикюренного ничего не значат. Они лишь дымовая завеса, отвлекающий маневр.

Она постаралась сосредоточиться, перестать воспринимать отдельные слова, не заикливаться на звуках, издаваемых человеком напротив. Ей это удалось, и вскоре она стала ощущать его как цельный образ. Этому приему ее научила еще в студенческие годы мама. Она советовала — если что-то в словах собеседника начинает смущать, перестань слушать звуки, постарайся следить за его губами, движением рук, выражением глаз, мимикой. Причем делать это нужно, держа собеседника как бы немножко не в фокусе. Тогда удастся поймать образ человека и его эмоции целиком, понять суть помыслов.

Именно это сейчас и проделывала Татьяна, задумчиво на-

калывая на вилку листики салата и кусочки куриного филе.

Почти сразу она убедилась в том, что директор по развитию отчего-то нервничает. А еще – что никакое сотрудничество он ей предлагать не собирается, оттого и плетет словесные кружева, пытаясь выкрутить на настоящую тему беседы. И все больше нервничает, поскольку Татьяна ведет себя не так, как он рассчитывал. Поняв это, она с искренним удовольствием принялась и дальше «раскачивать» собеседника. То есть – не реагировать никак, не задавать уточняющих вопросов, не выказывать заинтересованности.

Наконец, ключевое слово прозвучало – Вяземский.

– Разумеется, свою роль в нашей заинтересованности сыграло ваше блестящее интервью с господином Вяземским, – умело подпустив восхищения в голос, сказал Соловьев. – Так что, мы, безусловно, заинтересованы в сотрудничестве с журналистом такого класса.

– Я польщена, – коротко ответила Таня, и замолчала, неторопливо потягивая апельсиновый сок.

Как она и рассчитывала, дальнейшие вопросы крутились вокруг Вяземского. Таня отвечала умышленно односложно, гадая, что именно нужно от нее этому пластмассовому человечку.

Достав из кармана пиджака какой-то предмет, Соловьев принялся ловко крутить его в руке. Тонкий овал размером с большую старинную монету приковал внимание девушки. Таня поняла, что не может оторвать от него глаз. Соловьев

необыкновенно ловко вращал его между пальцев, затем резко закрутил, заставив вращаться на столе подобно волчку.

Тане показалось, что от диска-монеты исходит неясный гул.

Мир сузился до размеров стола, затем, до размеров вращающегося черного диска. Откуда-то из неведомой дали доносился необыкновенно приятный голос ее хорошего друга Игоря Соловьева. Он спрашивал, рассказывал ли ей Вяземский что-нибудь о дымном или туманном зеркале. Упоминал ли «лицо обсидиана».

Внезапно она почувствовала ледяной укол чуть ниже ключичной впадины. Кольцо отрезвляющей стужи сжало шею. Казалось цепочка и кулон, подаренные Вяземским, вобрали в себя весь холод суровых северных зим, всю свежесть морозного утра в лесу. У Тани было ощущение, что только что ей кто-то жестко, но дружески растер лицо снегом.

Хотелось надеяться, что выражение лица ее не выдало, и удастся заставить говорить Соловьева дальше.

Она ответила сонным голосом:

– Нет, вы знаете, Ян Александрович ничего не говорил.

– Упоминал ли Вяземский о черных камнях?

Она пожала плечами:

– Нет. Первый раз слышу.

Все это становилось забавным.

– Хорошо-хорошо, Татьяна, – в голосе Соловьева явственно слышалась брезгливость. – О последней части нашего раз-

говора вам помнить не стоит. Все упоминания о черных камнях, туманном зеркале и лице обсидиана вы забудете.

И тут ее чертенята, ее личные гремлины, мелкие засранцы, благодаря которым она и заслужила славу непредсказуемой стервы, несдержанной на язык белой вороны и кучу других характеристик, очнулись ото сна.

Мило улыбнувшись, она спросила:

– А почему, Игорь? Это же так интересно. Это имеет отношение к нашему будущему взаимовыгодному сотрудничеству?

Ах, она все же обожала своих чертенят.

Соловьев смешался и заблеял. Лихорадочно спрятав черный диск, он понес ахинею о современных методах проведения собеседований, о «конфликтном собеседовании» и проверке на «степень концентрации». Таня вежливо кивала, а затем с улыбкой спросила:

– И, как, я прошла собеседование?

– Да-да! Конечно! Конечно же!

Улыбка Тани стала еще более радостной и дружелюбной:

– Тогда расскажите мне все же, что за сотрудничество вы предлагаете? Штатное или внештатное? В каком именно издании? Какая должность? Какой оклад?

Соловьев погибал. Горел как швед под Полтавой.

– Да-да... понимаете, я проводил именно предварительную встречу, в ходе которой мы должны были понять, что вы разделяете наши корпоративные ценности...

– И как – разделяю? – теперь она была смертельно серьёзна.

– Безусловно. Конечно же! Позвоните мне послезавтра, пожалуйста, я объясню, как к нам проехать. В отделе кадров вам объяснят. Да-да. Все объяснят! А сейчас, простите, мне надо бежать. Очень важная встреча! Был рад познакомиться!

Последние слова он выпалил, уже вставая из-за стола и стремительно удаляясь к выходу.

Татьяна вздохнула.

Вот, так всегда. На самом интересном месте.

Да еще и за завтрак платить.

* * *

Напротив кафе пристроился неприметный темный седан, пассажиров которого Татьяна бы точно узнала. Увидев, как вылетает из дверей Соловьев, на ходу вытаскивая айфон, и ошалело оглядываясь по сторонам, норвежец достал свою потёртую Нокию, нажал на кнопку вызова:

– Ян Александрович, встреча состоялась. Да. Объект отреагировал штатно. Так точно. Ведем дальше, фиксируем контакты.

После встречи с Татьяной человек с маникюром развил бурную деятельность. Он встретился с представителями нескольких рекламных агентств, затем поехал в офис свое-

го издательства и около трех часов совещался с издателями журналов дивизиона «Хобби», о чем Олафу, представившемуся сотрудником известного телеканала, любезно сообщила секретарша Соловьева.

И все это время с лица директора по развитию не сходило встревоженно-рассеянное выражение.

Он очень старался этого не показывать, но Олаф и Владимир были опытными физиономистами, и безошибочно определили, что объект нервничает, и с каждой минутой все сильнее.

Каждый час они связывались с Вяземским и коротко докладывали о поведении Соловьева. Регистировался каждый шаг, но никаких встреч, выходящих за рамки повседневной рутины, не происходило. Видимо, он отчитался тем, кто посылал его на встречу с Татьяной по мобильному, и прямого контакта не планировалось.

Конечно, Вяземскому очень хотелось подольше поводить гладенького директора, но время поджимало. Он буквально кожей чувствовал, как все туже натягивается тетива событий, вовлекая всё новых людей. Что-то назревало, готовилось, собиралось вот-вот прорваться. Но что? Он не знал. Каждый новый день неизвестности грозил опасностью. В том числе, – признался он самому себе, ему не давало покоя то, что он вовлек в очень опасные события Татьяну причем, разыграл ее «в темную», использовал, как живца. Независимая, колючая и удивительно обаятельная девушка вывела его

из обычного состояния холодной сосредоточенности, ухитрилась, сама того не зная, нащупать крохотную трещину в той ледяной броне, которую он нарастил после смерти Анны.

Он отблагодарил ее, назначив наживкой. Нечего сказать, достойный поступок.

Дело близилось к вечеру, а новостей о Соловьеве не поступало.

Когда скандинав позвонил в следующий раз, Вяземский, выслушав все то же «ничего нового», спросил:

– Олаф, а вы сами бы стали связываться с Соловьевым на месте его шефов?

– Лично я – нет, Ян Александрович.

– Вот и я не стал бы. Теперь давать думать. Можно его просто оставить в покое, а можно попробовать нагло поколоть и посмотреть, кто и как отреагирует.

В динамике воцарилось сдержанное молчание. Вяземский первым нарушил его, сказав с досадой:

– Да знаю я, Олаф, знаю, что вы предпочитаете не ускорять развитие ситуации. Но сейчас, я чувствую, на счету каждый день. Так что, нанесите, пожалуйста, визит господину директору.

Как и положено преуспевающему менеджеру, Игорь Соловьев жил на Кутузовском проспекте. Квартира досталась ему благодаря стараниям папы, который и после выхода на пенсию сохранил самые теплые отношения с сотрудниками

мэрии, ведавшими распределением жилого фонда.

Обычно Игорь вежливо кивал охраннику, пропускавшему его машину на территорию дома, отделенную от менее престижных строений оградой из прямоугольных стальных прутьев, перекидывался, пока ждал лифт, парой слов с консьержем – отставным полковником МВД Владленом Константиновичем, после чего поднимался к себе в квартиру, где ужинал обезжиренным творогом и стаканом однопроцентного питьевого йогурта.

Сегодня он даже не повернул голову в сторону охранника и промчался мимо консьержа, не отреагировав на бодрое – Добрый вечер, Игорь Эдуардович, как день прошел?

Отвратительно день прошел. И непонятно, какие это будет иметь последствия, – думал Соловьев, поднимаясь в лифте на десятый этаж.

Когда его попросили переговорить с какой-то третьеразрядной пишущей дамочкой, и немного *подтолкнуть* ее, с помощью одного из черных камней, он согласился, не раздумывая, дело было привычным. Кто же мог знать, что девица окажется под защитой! Его никто даже не предупредил! И теперь то, что начиналось, несколько лет назад, как модная оккультная забава, могло закончиться для него большими неприятностями. Он уже давно понял, что люди, с которыми его познакомили, вовсе не безобидные шарлатаны, а обладают реальным влиянием на события, имеют *власть*. Но как далеко простирается эта власть начал догадываться

лишь недавно, и от этих догадок у него захватывало дух. С ним согласились поделиться. Не даром, конечно, но цена была удивительно невысока. Во всяком случае, так казалось в то время. Но сегодня, доложив о разговоре, и выслушав холодное, – Ладно. Мы примем меры, – он занервничал.

Следуя указаниям, пришлось оставить в офисе черный плоский камень, с которым он обычно не расставался. Это можно было расценивать как знак явной немилости. Конечно, Игорь пытался, как советовали психологи компании, изменить отношение к ситуации и выработать позитивную программу действий, но получалось плохо. Совсем, честно говоря, не получалось.

Поэтому в квартиру Соловьев вошел донельзя расстроенным. Захлопнул дверь, и лишь тогда обратил внимание, что в комнате, которую он считал кабинетом, горит свет. Судя по неяркому желтоватому свечению на узорчатом цветном стекле – настольная лампа.

Соловьев сглотнул и попытался неслышно отжать собачку верхнего замка. Он по миллиметру сдвигал непослушный железный стержень, стараясь не обращать внимания на текущую по щеке струйку холодного пота, чувствуя, как все легче подается защелка, и уже начинал надеяться на то, что сумеет выскользнуть, когда из комнаты раздался спокойный голос:

– Игорь Эдуардович, да не стойте же вы в дверях, проходите.

Соловьев взвизгнул, и уже не скрываясь рванул защелку,

одновременно, другой рукой дергая ручку входной двери.

Открылся освещенный прямоугольник коридора, но в этот момент его вежливо похлопали по плечу и другой, более молодой, голос, произнес:

– Зачем же вы так. Заходите, не стесняйтесь.

Как оказался в коридоре невысокий белоголовый человек, Игорь понять не мог. Окончательно его сломила противостественная вежливость этого человека, и он, покорно закрыв входную дверь, поплелся в кабинет.

За его столом сидел второй взломщик. Хотя, зачем-то подумал Соловьев, какие они взломщики? Никаких следов. И как они через охрану просочились?

Человек за столом с интересом изучал богатую коллекцию гей-порно, которую Игорь собирал не один год.

Оторвав взгляд от глянцевого журнала с обнаженным красавцем на обложке, он сказал:

– Игорь Эдуардович, у вас на редкость разносторонние увлечения! Давайте побеседуем об этом.

* * *

Вяземский приехал через тридцать пять минут. Оставив машину за два дома от нужного, прошелся мимо огороженной территории, ничего подозрительного не заметил, и направился к проходной. Мазнул рукой перед лицом открывшего рот охранника, и тот моментально забыл о существо-

вании непрошеного гостя. Такая же история повторилась и в подъезде. Бдительный Владлен Константинович лишь нахмурил брови и потом несколько раз тер виски, стараясь избавиться от легкой головной боли и ощущения, что он что-то упустил.

Владимир ждал шефа в прихожей. Войдя, Вяземский кивнул в сторону коридора и спросил:

– Соседи, пульт охраны?

– Конечно, Ян Александрович. По полной программе.

– Хорошо. Где хозяин дома?

В этот момент из глубины коридора, где виднелись две белые, расположенные рядом, двери, раздались звуки спускаемой воды и тихий стон.

Вяземский укоризненно посмотрел на Владимира и вышедшего из комнаты Олафа:

– Что вы ему показали?

Оперативники переглянулись. Сейчас они напоминали нашкодивших школьников.

– Да ничего особенного, правда, Ян Александрович.

– Тогда что с этим? – кивнул Вяземский в сторону дверей, из-за которых продолжали доноситься стоны и звуки безудержной рвоты.

– Простите, Ян Александрович. Вы приказали подготовить клиента, мы и подготовили.

– А в качестве мер убеждения показывали Границу, так?

– Ну, только немного, – потупился Владимир.

– Ясно. Ей-богу, ну вы как дети!

Оперативники смотрели преданно и несколько виновато.

– Хорошо. Что там с этим...?

– Перепугался. Блевать изволит, – со вздохом доложил Владимир. И кажется, медвежья болезнь с ним приключилась.

– Значит так. Я жду его в той комнате. – показал Вяземский на кабинет Соловьева. – Вынимайте сортирного страдальца, и чтобы через десять минут он был готов к употреблению.

С этими словами он скрылся за дверью.

Из коридора донесся стук, слабые протестующие вопли, и через пять минут перед ним предстал сильно помятый, мертвенно бледный, но вменяемый Игорь Эдуардович Соловьев. Сейчас он мало напоминал того гладкого преуспевающего человека, которого утром видела в кафе Татьяна.

– Здравствуйте, господин Соловьев, – равнодушно сказал Вяземский. – Сейчас я буду задавать вам вопросы. Вы будете отвечать. Тогда все закончится хорошо, вы ляжете спать, и завтра проснетесь свежим, бодрым и без малейших воспоминаний об этой неприятной встрече. Это понятно?

Соловьев нервно кивнул.

– Вам надо описывать второй вариант? – на всякий случай спросил Вяземский, поигрывая ножом для разрезания бумаг, взятым из малахитового, советских времен, прибора.

– Не надо, – каркнул Соловьев, страдальчески морщась. –

Что вам нужно, спрашивайте.

– Давайте начнем с простого. Кто поручил вам встретиться с Татьяной Бересневой.

– Я не знаю его имени, – потупился Соловьев, переминаясь с ноги на ногу, как школьник перед столом завуча.

– Вы присаживайтесь, в ногах правды нет, – показал Вяземский ножом на кресло, возле стола.

Олаф моментально выкатил его на середину комнаты и, слегка нажав на плечо, усадил Игоря Эдуардовича.

– Хорошо, я вам верю, – ничуть не расстроился Страж. – Просто расскажите мне о нем. Как он выглядит, как вы познакомились, чем вас так привлекла госпожа Береснева. С помощью чего вы должны были получить у нее информацию.

– Они мне дали одну вещь. Не сейчас, раньше. Знаете, замечательно помогает при переговорах, – сбивчиво зачастил Соловьев, – Шаман называл их чёрные...

Страшно захрипев, Соловьев выгнулся в кресле. По комнате пронесся порыв ледяного, пахнущего несвежим мясом, воздуха, замигала лампочка в настольной лампе. Зрачки несчастного закатились, из черной дыры рта рвался непрерывный утробный стон. Вяземский крикнул:

– Олаф, держите же его!

И сам прыгнул через стол. Олаф с Владимиром уже пытались усадить пленника обратно, но тот с нечеловеческой силой отбросил беловолосого. Пролетев через всю комнату, Владимир врезался в стену.

С губ Соловьева срывались неразборчивые слова, состоявшие, казалось, из одних согласных.

Раздался ужасающий треск и на белой рубашке выгнувшегося дугой человека, показалось темное пятно.

Снова треск и утробный вой. Невидимой силой Соловьева подкинуло над креслом и его грудная клетка, разорвав кожу и рубашку, разошлась, обнажая внутренности. Торчали из истерзанной плоти белоснежные дуги ребер. Фонтанами брызнула кровь, тело Соловьева упало в кресло, наступила тишина.

Завозился в углу Владимир. Олаф брезгливо оттирал лицо и руки от брызг крови.

Вяземский присел на стол и, поигрывая ножом, задумчиво посмотрел на мертвеца.

– Ну, что ж. Узнали мы, конечно, удручающе мало, но хотя бы стало понятно, что против нас играют очень серьезные противники.

– Олаф, завтра же проработайте все ключевые смысловые фрагменты, упомянутые Соловьевым.

– А сейчас, господа, давайте покинем это неудобное место. Мертвый Игорь Соловьев до утра просидел в кресле, глядя в потолок.

Непонятное собеседование, которое никаким собеседованием не было, оставило у Тани неприятный осадок, от которого она не могла избавиться целый день. На следующее

утро, правда, стало полегче, но все равно – в голове роились вопросы. Она чувствовала, как ее привычный, одинокий, но уютный мирок, накрывает едва ощутимая, пока, но день ото дня уплотняющаяся дымка неизвестности и неопределенности.

Сначала невероятное интервью с Вяземским, странный его подарок, потом дикий, не укладывающийся ни в какие рамки разговор в кафе...

Таня всегда отличалась на редкость здравым рассудком и иногда сама себя даже жалела, считая слишком приземленной, но ничего не могла с собой поделать – любое упоминание о колдунах, магах и прочей эзотерике и Древнем Знании она считала уместным только на страницах романов в мягких обложках.

Однако события последних дней просто не укладывались в ее стройную картину мироздания.

После разговора с Соловьевым, ее не оставляло впечатление, что вот сейчас должен позвонить и Вяземский. Но, наступил вечер, а звонка не было. Засыпая, она вздохнула, и провалилась в тяжелый, полный смутных, будто затянутых клубами черного дыма, видений.

Проснулась совершенно разбитой, в голове плавал все тот же черный дым.

Затрезвонил коммуникатор на столе:

– Алло, Татьяна Владимировна, это из бухгалтерии «Москвы и Подмосковья» беспокоят. Вы можете сегодня

подъехать, документы подписать?

– Да, минутку... Дайте сообразить, – Таня потерла тыльной стороной кисти глаза. Голова никак не хотела соображать. Она попыталась вспомнить, что планировала на сегодня. Так... на день, вроде бы, ничего, вечером хотела сходить, позаниматься в фитнес-клуб, а сейчас у нас? Взглянула на часы – десять с копейками.

– Во второй половине дня, часа в четыре, нормально будет?

– Да, конечно, – и собеседница повесила трубку.

Опасные вопросы

Нажав кнопку отбоя, Таня задумчиво пробурчала, – Ну, и что теперь делать? – и отправилась приводить себя в работоспособное состояние.

Конечно же, чем заняться нашлось. Зарычал на столе телефон, Олег пишет – «Проверь почту».

Прислал на доработку верстку.

Дописать пару строк сюда, сократить здесь, вот тут ему нужен еще один блок на 500 знаков, сейчас найдем...

Легкий прохладный ветерок, долетающий через открытую балконную дверь, колышет шторы, переговариваются о ценах на хлеб и мясо бабушки, присевшие на скамейку, расположившуюся точно между Таниным домом и соседней одноподъездной башней, солнце золотит полупрозрачную апрельскую зелень. Хорошо. Очень хорошо ей работалось, пока не явился Мурч, заявив, что настало время ритуала спичечесания.

Таня «вынырнула» из текста и глянула на часы.

Ойкнув, подорвалась из-за стола, побежала на кухню, щелкать выключателем чайника – времени оставалось только, заглотить бутерброд.

Торопливо напечатала сопроводительное письмо, отправила ответ с обработанной статьей, выключила ноутбук.

Через пятнадцать минут, подхватив рюкзак с одеждой для

тренировок, она вылетела из подъезда и зашагала к метро «Первомайская».

Припекало, и она, скинув куртку, перекинула ее через плечо. Тихий квартал, ограниченный с одной стороны Нижней Первомайской улицей и опушкой Измайловского парка с другой, жил сонной дневной жизнью. Возилась на детской площадке малышня под присмотром двух, лениво потягивавших тонкие сигареты, мамаш, курсировали между магазином на углу и поликлиникой пенсионеры, да стучал с упорством отбойного молотка по своей установке юный барабанщик из первого подъезда.

По дороге решила дозвониться до Кости Нифонтова.

Костей он, конечно де, был для своих, то есть, друзей и некоторых коллег. Для всех остальных – капитан Нифонтов. Оперуполномоченный Центрального ОВД.

Когда она только начинала работать над колонкой «Тайны города», то искренне надеялась, что удастся превратить ее в эстетское эссе, повествующее о временах славных и давних, о почтенных привидениях и прочих милых происшествиях, служащих для приятного времяпрепровождения бабушек и ностальгирующих по прошлому томных юношей.

Редактор хотел мяса, крови и мертвых москвичей. Что привело к закономерному результату – Тане хотелось вести колонку и дальше, редактор жаждал трупов, нужна была информация.

Итог – Татьяна Береснева постепенно перезнакомилась со

всем Центральным ОВД, заимела несколько хороших приятелей в ОВД Измайлово и многих других организациях, которые должны обеспечивать мирный сон граждан.

Последние несколько недель редактор хотел новых и новых подробностей о серии страшных убийств с расчленением, произошедших в разных районах города. Дела почему-то все не объединяли, но часть эпизодов увел к себе как раз капитан Нифонтов.

– Слушаю,

Странно. Голос был не Костин, хотя звонила она на сотовый.

– Простите, капитана Нифонтова можно услышать?

– Танечка, привет. Это Паша Нижегородцев.

Татьяна искренне обрадовалась. Паша, едва ли не единственный из убойного отдела не старался с грацией носорога назначить ей романтическое свидание, плавно переходящее в романтический завтрак в постели. Счастливо женатый, отец двух прелестных до нереальности девчонок, он относился к ней как к непутевой, хотя и не по годам умной, младшей сестре.

– Паша, куда твои изверги дели Нифонтова?

– А вот не знаю, Танюш. Костя в расстроенных чувствах, даже телефон, вон, забыл. Дела у него отобрали.

– Да ты что? Какие?

– А вот умертвия с расчлененкой, о которых ты нас с Костей расспрашивала, и забрали. Причем, странно забрали.

Даже соображения его выслушивать не стали, хотя, Костя, вроде, что-то нарыл. Ткнули, понимаешь, носом в землю, указав капитану его место.

– Вот это номер, – расстроено пробормотала Таня, – так и где он сейчас?

– Да дома, где ему быть.

– Хорошо, Паш. Я ему на домашний звякну.

– До скорого, Танюш. И скажи Косте, что мобила его у меня.

Снова отбой. Новый номер – на этот раз домашний Нифонтова.

Метро уже рядом. Таня стояла, дожидаясь зеленого сигнала светофора, постукивая носком кроссовки по асфальту.

– Нифонтов – спокойный, несколько сонный голос.

– Костя. И даже трезвый, с удивлением констатировала Таня. – Паша просил передать, что твоя мобилка у него. А ты, значит, решил отдохнуть.

– Я, Танюш, решил осмыслить, – задумчиво произнес Нифонтов.

– Это, случайно, не того ли дела с расчлененкой касается?

– Угу. Именно. А потому, я скушал сто пятьдесят коньяка и погрузился в раздумья. И, знаешь, я тут много разного надумал. Приезжай, чтоль, а? Адрес помнишь?

Вот это было здорово. Готовый поделиться свежатинкой капитан убойного отдела.

Таня прикинула, что у нее со временем.

– Костя, я только вечером, совсем вечером, смогу быть.
– Ну и ладно. Я все равно никуда не собирался.
И Нифонтов положил трубку.

* * *

В метро закрутила, завертела суета переполненной Арбатско-Покровской линии, выплеснула на Боровицкой, понесла к переходу.

В редакции Таня первым делом зашла к Олегу и уточнила, все ли нормально с материалом, который она правила.

Уже отходя от его стола, вернулась и наклонилась к уху редактора:

– Олечка, а тебя никто обо мне не спрашивал?

– Тань, ты о чем? – непонимающе спросил Олег, не отрываясь от монитора.

– О том! Меня кто-нибудь необычный спрашивал? После интервью этого, с Вяземским.

– А. Понял. Не, никто. А вот Вяземским, кстати, интересовались.

– И кто, интересно? – любопытствовала Таня.

– Да из какого-то фонда. Я уже и не помню, честно говоря. Не то эти, возрожденцы, обнаружившие у себя дворянские корни, не то любители российско-эквадорской дружбы.

– Что именно спрашивали, помнишь? – коршуном накинута Татьяна.

– Слушай, ты чего такая заполошенная?

– Да так... Сама не пойму. Так помнишь, или нет?

– Да ничего особенного. Все ли вопросы и ответы попали в интервью, можно ли посмотреть исходники... Ума не приложу, зачем это им могло понадобиться.

– Спасибо, Олеж. Я побегу.

Чмокнув моментально разомлевшего Олега в щечку, Таня покинула комнату редакции.

В бухгалтерии оформление заняло не более десяти минут, милейшая Валентина Степановна, бессменный финансовый бог издательства, заранее подготовила все документы, и Тане осталось только вписать «цифры прописью» и расписаться в двух экземплярах договора.

Затем – снова в метро, потом фитнес-центр, «ногу! Ногу выше! Корпус не заваливаем!», и горячие струи, бьющие по сладко ноющему после тренировки, телу.

Она уже представляла, как приедет домой и заберется под одеяло со свежкупленным романом Де Линта. В этот момент и заиграл бодрую мелодию коммуникатор. Любимой подруге обязательно понадобилось именно сегодня передать для Таниной мамы привезенный из Индии чай. Будь на то ее воля, Татьяна просто заглянула бы в лавочку возле выхода из метро «Охотный ряд», да купила там точно такой же чай, но, ведь, тогда Аня обидится. Да еще и маме ее нажалуется на бессердечную дочь.

– Аня, только давай быстрее. Я после тренировки, устала

как собака.

Разумеется, Аня опоздала. Татьяна уже начинала чувствовать себя по-идиотски, ловя ошущывающие взгляды из проносящихся мимо автомобилей. Да уж... стоит у тротуара в свете фонарей девица в обтягивающих джинсах, голосовать – не голосует...

Наконец, нарушая все возможные правила, притормозил рядом с ней автомобиль Ани. В ответ на язвительное замечание, что, мол, она упорно продолжает не видеть никакого смысла в передвижении по городу на автомобиле, подруга лишь посмотрела на нее обиженными укоризненными глазами, и вручила бесценный пакетик с чаем из самой Индии.

Естественно, передачей пакетика дело не закончилось, у Ани были потрясающие новости об их общей знакомой, неожиданно удачно сходявшей замуж за работавшего в Москве француза. Честно говоря, похождения женщины французского менеджера Таню несколько не интересовали, но Анька говорила с такой увлеченностью, что грех было бы ее перебивать.

Разговор удалось свернуть только через двадцать минут, и она бегом влетела в метро, надеясь, что Нифонтов не убьет ее за такое опоздание.

* * *

Таня снова утопила кнопку звонка. Пронзительный, душу

вынимающий трезвон поднял бы и «в готовальню», как выражался Паша Нижегородцев, пьяного, а вот Нифонтов не реагировал.

– Сто пятьдесят, значит, – процедила сквозь зубы Таня, и глянула на часы. Однако, 22:48, а ей еще до дому добираться. А ночное метро, это для одинокой симпатичной женщины, всегда приключение, но не всегда приятное.

Она отпустила кнопку, подождала немного, и изменила тактику. Теперь звонок, в такт коротким нажатиям, исполнял нехитрую мелодию «та-та – тааа-тааа-тааа»!

Никакого результата.

Однако, как это она не сообразила сразу? Она снова достала коммуникатор и набрала домашний номер Кости. Приложив ухо к холодному дерматиону двери, послушала, как заливается телефон.

И дверной звонок, и телефонный звучали одинаково – так, как звучат звонки в пустой квартире, хозяева которой ушли. Не вышли ненадолго, а именно ушли.

Но, Костя однозначно сказал, что выходить никуда не собирается.

Она помедлила у двери. Позвонить на мобильный?

А смысл? Он все еще у Нижегородцева, а раз Пашка с ней не связался, значит и Нифонтов не объявлялся.

Увы, Татьяна очень хорошо знала одну из Костиных слабостей, а потому, махнув рукой, пробормотала: – Удачного вам кобелирования, товарищ капитан! – и побежала вниз по

лестнице.

Таня была не совсем права. Капитан Нифонтов все это время находился в квартире, но подойти к двери не мог.

Поскольку был окончательно и бесповоротно мертв, и лежал на диване, устремив неподвижный взгляд в требующий покраски потолок.

Рот Кости Нифонтова застыл в немом крике, поскольку ему еще живому вскрыли грудную клетку и вырвали сердце.

Существо, проделавшее эту операцию, внешне напоминало человека – низенького, с широким плоским лицом, уродливо широкоплечего.

Сейчас обнаженный убийца неподвижно сидел, поджав ноги, на стуле, стоящем рядом с диваном.

Он не моргал, не дышал, не думал.

Жертва принесена, значит Повелитель будет доволен. Удачно получилось соединить это с устранением слишком любопытного человечка, сунувшего нос дальше, чем это разрешалось.

Такова цена любопытства. Человек оказался хорошей жертвой. Сильной и смелой. Спеленатый заклинаниями и Умением существа, он не мог кричать, не мог двигаться, но в глазах его не плескался ужас, когда обсидиановый нож опустился, рассекая мышцы и дробя кости.

Существо, некогда бывшее человеком, прислушалось.

Тот, кто звонил в дверь, ушел. Снаружи никого не было.

Аккуратно, чтобы не наступить в кровавую лужу, собравшуюся на полу, убийца слез со стула, и принялся неторопливо одеваться в черный костюм, предусмотрительно снятый перед началом ритуала.

** * **

В результате, на своей ветке метро Таня оказалась только в половине двенадцатого. Подъезжая к «Измайловской» вспомнила, что сухого корма у Мурча осталось – только зуб поточить. Это означало ранний подъем и бег к магазинчику у метро. Причем, пока она будет натягивать кроссовки и запирает дверь, в спину ей будут нестись гневные кошачьи вопли.

Взбегая по ступеням, она застегнула куртку и сунула руки в карманы. Апрель, конечно, решил показать, что он тоже может быть теплым и ласковым, но ночи все еще отдавали холодком, который хорошо чувствовался на окраинах, особенно, поблизости от лесопарков.

Дождавшись зеленого сигнала светофора, Таня перешла на противоположную сторону Первомайской, и быстрым шагом двинулась в сторону дома, оставляя за спиной освещенный пяточок возле метро.

Привычно срезала дорогу, свернув во дворы, и вышла на Нижнюю Первомайскую уже около перекрестка, на котором недавно установили, наконец, светофор, сейчас, правда, бес-

толково мигавший желтым светом., Поэтому, посмотрев по сторонам, Таня трусцой пересекла перекресток наискосок. На середине дороги кольнуло в затылке. Снова ощущение недоброго прицельного взгляда. Таня ускорила шаг, в два прыжка оказалась на тротуаре и обернулась. Нет, никого.

Пробурчав под нос: – Дура, новопассит пей, – она пошла вдоль закрытого уже продуктового магазина, и свернула во дворы, к своему дому.

Двор соседнего с Татьяниным дома заканчивался узкой асфальтовой дорожкой, проходящей через «территорию тьмы» – неосвещенный прямоугольник гаражей-«ракушек». Стальные коробки выстроились в подобие незамкнутого каре, оставляя свободными два выезда с территории и центральную площадку, на которой разворачивались и куда выгонялись для осмотра машины.

Никакого освещения предусмотрено, конечно же, не было и сейчас, когда погасло большинство окон окрестных домов, из ночной темноты неясно выступали лишь стенки гаражей, стоявших возле дорожки.

С другой стороны тянулся пустырь, частично тоже занятый «ракушками», а дальше, за ним, светилось одинокое окно районной поликлиники.

Таня частенько возвращалась домой за полночь, но всегда старалась, в таких случаях, подходить к дому с другой стороны – через двор и детскую площадку, но сейчас там все было перекопано, и пробираться через строительные траншеи,

рискуя сломать себе ногу, совершенно не хотелось.

Таня чуть не побежала, но взяла себя в руки и пошла обычным шагом.

С той стороны, где находился ее гараж, что-то звякнуло, раздалась приглушенная ругань. Снова звяканье, что-то тяжелое падает на размокшую землю.

Да это же от ее гаража звуки доносятся!

Татьяна сглотнула. Она не была героической идиоткой и не собиралась бежать в одиночку расшвыривать угонщиков. Да и, черт побери, зачем кому-то может понадобиться ее старенький «Гольф», да еще запертый в стальной коробке!

А может это бомжи или местные пьяницы?

Таня нашарила в сумочке длинный английский ключ, сжала его, пропустив между пальцев и уперев залитую пластиком головку в ладонь, как учил хороший друг Слава. Сделала пару шагов к гаражам.

В горле пересохло, она откашлялась и закричала:

– А ну пошли вон! Сейчас милицию позову!

С огромным облегчением услышала топот ног и увидела, как от ее гаража в сторону улицы побежала темная фигура. Выдохнув, зашагала через утрамбованную площадку к своей «ракушке», посмотреть не успели ли сбить замки.

Едва она дошла до середины площадки, как в лицо ей ударил порыв ледяного, тяжелого, пахнущего какой-то мерзостью, ветра. Пространство вокруг затянуло плотной белой дымкой, в которой замелькали гибкие тени.

Видимость сузилась до пределов площадки между гаражами и Таня с ужасом поняла, что не может понять даже, в какой стороне находится ее дом. Прохлада весенней ночи сменилась промозглым холодом, и Таня увидела, что дыхание облачками пара вырывается из рта.

Шею ожгло, кулон, подаренный Вяземским, налился тяжестью и, чтобы не упасть, девушка резко наклонилась вперед.

Это ее и спасло. Обрезок чугунной трубы просвистел там, где только что находилась голова.

Гнущая к земле тяжесть тут же пропала, цепочка налилась приятным теплом, и Татьяна прыгнула в сторону, уходя от нового взмаха оборванца с испитым, отекившим так, что походил на детского пупса, лицом. Не издав ни звука, хулиган снова пошел вперед.

А с другой стороны уже появлялись новые фигуры.

Таня не дала развиваться уколу тревоги в полноценную панику, уклонилась от очередного неловкого взмаха и изо всех сил пнула нападавшего в коленную чашечку.

Она явственно услышала хруст кости, но чёртов алкаш даже не пошатнулся. Правда удалось сбить его удар, и труба всего лишь скользнула по рукаву Таниной куртки, разрывая материю.

Заорав от злости, она выбросила руку вперед, и широкий скошенный, наподобие стамески, конец ключа разорвал кожу нечистого опухшего лица.

Нападавший даже не отшатнулся, и Таня поняла, что ее будут убивать. Новый отчаянный прыжок, фигуры позади уже совсем рядом, и страшный, выбивающий воздух из легких удар поперек спины.

Ее бросило всем телом на стенку ближайшего гаража. Никак не получалось вдохнуть, она со всхлипами пыталась затолкать в себя хоть немного воздуха, шарила пальцами по железной стене, пытаясь встать, и со страшным спокойствием понимала, что это конец.

Самым жутким было молчание. За те недолгие секунды, что прошли с начала схватки, никто из нападавших не открыл рта.

Удалось развернуться.

Она увидела, что на нее наступает бомжеватого вида верзила с пустыми глазами. В руке он сжимал что-то тонкое и острое.

— Это называется заточка, — зачем-то вспомнила она, и выставила вперед руку с зажатым ключом.

Верзила даже не сбавил шага. Он начал отводить назад руку с заточкой, походка стала ныряющей, корпусом он делал обманные движения, лицо сохраняло туповато-сонное выражение.

Из ниоткуда появилась еще одна темная фигура. Новый участник событий нанес убийце с заточкой короткий страшный удар в горло, и верзила молча упал на колени, потом ткнулся лицом в землю.

– Подскочив к Тане, человек взял ее за подбородок, приподнял лицо:

– Цела? – и сам себе ответил:

– Цела.

Татьяна не могла приди в себя – спасителем оказался Вяземский!

Между тем, он действовал с холодной эффективной жестокостью. Казалось, там, где он находился, белая, пахнувшая сырым несвежим мясом дымка отступает.

На Вяземского набросился оборванец с трубой. Все так же молча, не обращая внимания на кровь из разодранной щеки заливавшую рубашку.

Вяземский пропустил мимо себя размашистый удар, сделав шаг, оказался сбоку от противника, и нанес ему удар за ухо. Не давая телу упасть, схватил за подбородок и затылок, резко дернул назад. От короткого хруста Таня поморщилась, ее замутило.

В свободный от дымки круг вышел человек. Таня узнала Олафа.

Вяземский глянул на него, Олаф кивнул:

– Да. Все.

– Олаф, займитесь, пожалуйста, уборкой.

Скандинав снова скрылся в дымке, а Вяземский подошел к бессильно осевшей на землю Тане, присел перед ней на корточки:

– Татьяна Владимировна, идти сможете?

Она хотела ответить, хотела сказать, что пусть он убирается к черту, что это он виноват, что ее чуть не убили, но почувствовала, как начинает ее бить неудержимая дрожь ужаса и, свернувшись калачиком, упала на землю.

Вяземский легко поднял ее на руки и крикнул в туман:

– Владимир! Заберите сумку Татьяны Владимировны, найдите ключи, бегом вперед.

И с Татьяной на руках зашагал к подъезду.

Татьяна дрожала, а, когда Вяземский внес ее в квартиру, ее уже неудержимо трясло. Перед глазами все мелькало лицо человека с трубой – абсолютно тупые, ничего не выражающие глаза, густые тягучие капли крови, стекающие по разорванной щеке, механические движения деревянной куклы.

Ломило спину, воздух проходил в легкие со свистом, каждый вдох отдавался под лопатками тяжелой болью.

Владимир сноровисто стащил с нее кроссовки, и они с Вяземским осторожно положили ее на кровать. Мурч попытался зашипеть на незнакомцем из-под кровати, но на него шикнули, и кот исчез.

– Вы... как? – попыталась спросить Таня, но Вяземский оборвал ее:

– Молчите, Татьяна Владимировна, попробуйте-ка на живот перевернуться и поднимите футболку.

Лечь на живот она смогла, а вот когда попыталась дотянуться до подола футболки, застонала и бессильно уронила руки.

– Так. Тогда я сам. – Вяземский ловко задрал футболку, прохладными пальцами прошелся по спине.

– Тут болит? А тут? А ну, вдохните. Да глубже!

Боль была адская, но вдохнуть удалось.

– Так, судя по всему, переломов нет. Но ушибли вас здорово.

– Ушибли?! – Татьяна от возмущения села, и заорала от боли в спине. Но не остановилась. Ее понесло.

– Да меня убивали! Прямо там! У моего га-ара-ра...

Она не могла выговорить больше ни слова. Снова скрутило волной липкого ужаса, пришло осознание того, что, не наклонись она, подчиняясь волшебному кулону, лежать бы ей сейчас с проломленным черепом. И это был бы конец. Смерть. Она, молодая, умная, рассчитывавшая дожить до глубокой старости и внуков, Татьяна Береснева, навсегда перестала бы существовать.

– Татьяна, слышите меня, – присел перед кроватью, на которую снова повалилась девушка, Вяземский.

Таня тихо выла, всхлипывая, в остановившихся глазах застыло отчаянье и ужас.

Глубоко вздохнув, Вяземский пробормотал:

– Проклятье. Никогда не умел с женщинами обращаться.

Затем исчез из поля зрения, захлопали двери кухонных шкафов, затем холодильника, раздалось недовольное:

– Да кто же коньяк то в холодильник прячет!

Он появился с початой бутылкой коньяка и стаканом,

обычно стоявшим у Тани на столе, рядом с кувшином воды.

– Женский алкоголизм, между прочим, неизлечим, – потряс он перед ней бутылкой. – Но сейчас ничего другого предложить не могу. И щедро плеснул в стакан.

Сунул под нос:

– Пейте. Давайте-давайте.

Таня замотала головой, и Вяземский внезапно рывкнул:

– Пейте, черт подери!

Испуганно пискнув, она схватила стакан и осушила до дна.

Упав в пустой желудок, ледяной ком взорвался там шаром холодного огня.

Вяземский отобрал стакан, наполнил его до половины, снова протянул:

– Пейте.

– Н-не могу.

– Сможете. Не заставляйте силком вливать.

Оказалось – действительно, может. После чего комната поплыла в теплом золотистом сиянии, голова закружилась, но не противно, а как-то успокаивающее, и сделалось смешно.

Вытянув руку, она наставила на Вяземского палец и заплетающимся языком сказала:

– В-вы – следили! Специально следили! И на выставку – специально! Больше не верю!

Вяземский поморщился:

– Поверьте, Татьяна Владимировна, все несколько не так, как вы представляете.

Таня не унималась:

– Интервью-ю! Бесе-е-дка! Спасибо, значит, большое-е!!

Ее несло, она чувствовала, что сейчас наговорит гадостей этому спокойному сильному мужчине, который только что вытаскивал ее из страшного тумана, где ее безжалостно убивали, но остановиться не могла. Было ужасно обидно, что все эти дни, оказывается, находился рядом, но молчал, таился, наблюдал за ней, как рыбак за поплавком.

– Нажи-ивку сделал! – разражаясь злыми слезами выкрикнула она.

Вяземский сделал быстрый шаг вперед и легонько толкнул ее основанием ладони в лоб.

Мягко осев, Татьяна заснула.

Не глядя, Вяземский передал бутылку подошедшему из коридора Владимиру:

– Поставь на место и, пожалуйста, покорми кота. Несчастное животное так перепугалось, что носу не кажет.

– Как же, не кажет, – хмыкнул Владимир, – Это несчастное животное когтило меня в коридоре почище бенгальского тигра.

– Ну, тогда, тем более покорми – улыбнулся шеф, – значит, заслужил награду за храбрость. А потом давай отсюда убираться. До утра пусть Олаф подежурит, но я не думаю, что еще что-то произойдет.

Владимир удалился на кухню, а Вяземский, стараясь не потревожить Татьяну, уложил ее поудобнее и укрыл, лежавшим на кресле, теплым пледом.

После чего они с Владимиром ушли, тихо захлопнув дверь.

* * *

Вяземский долго не мог заснуть.

Лежал, закинув руки за голову, уставившись в потолок. Не хотелось закрывать глаза.

Он боялся повторения. Снова, как и тогда, плыли перед глазами клочья белого плотного тумана, отбирающего жизни.

Неужели, снова?

К горным лыжам Анну пристрастил Ян. До знакомства с ним смуглое «дитя тропиков» считалась одной из лучших серфенгисток-любительниц Мексики, неплохо играла в теннис и пробовала свои силы в любительских гонках на выживание.

Когда Ян спрашивал, как она находит на все это время, Анна лишь хохотала, и говорила, что вокруг слишком много интересного, чтобы спать, вот и весь секрет.

Снег же она видела всего несколько раз, и относилась к нему с глубоким подозрением. К тому же боялась холода.

Но однажды она ввалилась к нему в дом, волоча горные лыжи, и во всеуслышание объявила, чтобы Ян обучил ее пользоваться этим ужасающим приспособлением.

Ян и выскочивший на шум Олаф задушено хохотали, глядя на воинственно сверкающую глазами девушку, пока та не обозвала их северными варварами, и не рассмеялась вместе с ними.

Анна была прекрасной спортсменкой, тонко чувствовавшей баланс собственного тела, к тому же, помогло увлечение серфингом. Уже через пару недель, проведенных вместе с Яном на склонах горнолыжных курортов, она освоила трассы для начинающих, и ей стало скучно.

Она жадно требовала новых впечатлений, полной грудью вдыхала свежий горный воздух и радовалась как ребенок тому, что он пахнет арбузом.

Ян же расплывался в идиотической счастливой улыбке влюбленного по уши юнца, и не мог отвести взгляд от этого небольшого белозубого сгустка неукротимой энергии и жизнелиюбия.

Поехать в Колорадо, на знаменитый горнолыжный курорт Вэйл захотела именно она.

Анна всегда моментально загоралась новыми идеями и тут же принималась претворять их в реальность.

В четверг она просто вошла к Яну в кабинет и положила перед ним два билета: – Милый, мы летим в Колорадо.

И они полетели.

Сильно оттолкнувшись, Анна устремилась вниз по склону. Ян посмотрел ей вслед, наслаждаясь грациозными, выверенными движениями девушки, и устремился следом.

Поскольку все его внимание было сосредоточено на трассе и фигуре Анны, набравшей хорошую скорость, то он не сразу заметил язык неестественно плотного белого тумана, устремившийся им наперерез.

Сначала он принял его за лавину, но тут же сообразил, что никакая лавина не может идти поперек склона.

На том отрезке трассы, куда устремился непонятный туман, находились только они с Анной. Еще несколько секунд, и они въедут в него на полном ходу!

— Анна, падай! Падай! — заорал он со всей мочи, видя, что девушка пытается сбросить скорость и объехать жуткий белый язык, уже слизнувший большую часть склона под ними.

Он так и не узнал, услышала ли она его.

Белая пелена накрыла изящную фигурку в красном комбинезоне, донесся короткий вскрик, и все стихло.

Еще сильнее оттолкнувшись палками, Ян влетел в облако тумана.

Тут же засигналил оберег, висевший на серебряной цепочке на шее, ободряюще сдавил запястье браслет, полученный сразу после церемонии Посвящения.

Ян как можно резче затормозил, и открыл уже рот, чтобы позвать Анну, когда нечто невидимое сдавило горло, и он

получил страшный удар под дых. Путаясь в лыжах, он отлетел, и проехал несколько метров по глубокому снегу. Извернувшись, одним движением стряхнул лыжи с ног, тут же провалился в снег почти по колено.

Уловил движение сбоку и инстинктивно вскинул руку с браслетом. Удар пришелся в висок, все вокруг закрутилось, и он рухнул в снег.

Из тумана раздались непонятные слова, но, судя по интонации, кого-то звали. Звали настойчиво, слова звучали приказом. Ян ощутил на себе чье-то холодное смрадное дыхание и попытался разлепить веки.

Никого. Лишь тают последние клочья тумана. К нему спешат спасатели.

Страшно болели ребра, лицо заливала кровь из рассеченной брови, заплывал глаз.

Ян попробовал вздохнуть, морщась поднялся и заковылял вперед, туда, где в последний раз видел Анну.

Дальнейшее он помнил плохо.

Его пытались силой увести со склона, он плакал, ругался, отбивался, и его оставили в покое, после того, как он согласился, чтобы ему забинтовали голову.

Проваливаясь в снег по пояс, он бродил по склону и звал Анну.

Ее нашли куда ниже по склону.

Похоже девушку со страшной силой швырнуло на сотню метров вперед. С огромной скоростью она врезалась в ствол

старой ели, росшей внизу и в стороне от трассы.

Спасатель, нашедший тело, не хотел пускать Яна, раскинув руки, бормотал что-то о том, что лучше не смотреть, что потом ему все объяснят, и что девушка не мучилась.

Услышав это, Ян ударил беднягу и прошел мимо скорчившегося на снегу сипящего человека туда, где среди зелени неестественно алел комбинезон Анны.

Он долго смотрел в изуродованное ставшее вдруг очень белым, лицо. Покачнулся, но устоял.

И пошел обратно, по дороге подняв на ноги все еще не пришедшего в себя спасателя.

Изменения

– Скотина ты, Мурч. Натуральная скотина! – выговаривала Татьяна коту, заваривая кофе.

Мурч протестующе вопил, рассказывая, как он героически сражался прошлой ночью. Хозяйка не верила, кот расстраивался.

Сделав первый глоток кофе, Таня прислушалась к ощущениям. С удивлением обнаружила, что спина побаливает, но не так сильно, как она опасалась, голова на редкость ясная, и ни малейших следов похмелья.

Это было вдвойне удивительно, поскольку Таня почти не пила спиртного еще и потому, что мучилась страшными похмельями после двух-трех рюмок водки. Вспомнив, как вчера ночью Вяземский вливал в нее коньяк, она передернулась и пробормотала:

– Нет, ну это же надо... Не иначе, что-то подсыпал.

Несколько минут она вполне серьезно рассматривала возможность того, что коварный бизнесмен подсыпал или вколол ей какой-то наркотик-антидепрессант, вот она сейчас и скачет стрекозой, а как только действие кончится, снова свалится в тоске и ужасе.

Но потом, поняв, что события ночи она помнит прекрасно, и при воспоминании об убийцах с мертвыми глазами ей все так же страшно, решила, что все дело в ее здоровой пси-

хике.

– Да, здоровья как у ломовой лошади. Только сама с собой разговариваешь за милую душу, – посетовала Татьяна, глядя в окно. И сама себе ответила:

– А с кем еще? Мурч на то и Мурч, чтобы мурчать и все. Говорить с кем-нибудь о событиях вчерашней ночи не стоило, это Татьяна решила сразу. Рассказывать маме нельзя – она, конечно, женщина крепкая и уравновешенная, но от такой новости придет в боевое состояние и неизвестно, чем это кончится для ее сердца. Аня впадет в транс и будет ежеминутно названивать, предлагая обращаться в милицию, ФСБ и ЦРУ разом.

Милиция же просто не поверит. Оставался, конечно, Слава – одноклассник, послуживший где-то во десантных войсках, и, в итоге, ставший частным детективом, но к нему надо было идти с чем-то конкретным. Мужик он был очень хороший и, как подозревала Таня, до сих пор в нее немножко влюбленный, но что у нее имелось, кроме рассказа о колдовском тумане и попытке убить ее с помощью бомжей, которые продолжали двигаться со сломанными ногами?

И уверена ли она в том, что сломала тому типу с трубой ногу? Опыта реальных драк у нее нет, а тогда, в темноте да с перепугу почудиться могло все, что угодно.

Оставался, конечно, загадочный спаситель прекрасных дам – бизнесмен и потомок княжеского рода Ян Александрович Вяземский, но вот о нем Татьяна почему-то говорить

Славе не хотела.

В любом случае, прежде чем кому-то рассказывать, надо было разобраться самой – а что, собственно говоря, произошло?

В том, что на нее напали обыкновенные хулиганы, желавшие отобрать сумочку, она не верила. Слишком уж много нестыковок в поведении. Ее хотели убить – причем так, чтобы это походило как раз на ограбление. Зачем? Что такого она знала?

Следовало искать что-то необычное в своей жизни. И копаться в глубоком прошлом нужды не возникало – все началось со встречи в кафе, с непонятного собеседования.

А выяснял у нее «директор с маникюром» что? Правильно – все, что связано с Вяземским. Упоминал какие-то странные шаманские названия – «дымящееся зеркало», черные камни...

Таня решила просмотреть все свои материалы, связанные с Вяземским и села за стол. Открыла ноутбук и, не отвлекаясь на проверку почты и мессенджеры, стала просматривать файлы интервью, но ничего нового не нашла.

Откинувшись на спинку кресла, забарабанила пальцами по столешнице.

Помогло – подняв указательный палец в многозначительном жесте, произнесла:

– О! – и открыла папку с фотографиями.

Как она могла забыть – у нее же остались снимки с вы-

ставки!

Дойдя до тех, что она сделала, подсматривая за беседой Вяземского с латиноамериканцем, остановилась. Да, пожалуй, это может быть то самое загадочное и непонятное. она вспомнила странное ощущение, которое испытала, глядя на собеседников – будто вокруг них сгустились тени и сформировался кокон тишины.

Стоило поподробнее узнать об этом доне Мануэле, но как?

Ленка! Журналистка, которую она видела в тот вечер. Если кто и знал всех персонажей московских тусовок, так это она.

Пытаться застать Лену в редакции до трех, а то и четырех часов дня можно было и не пытаться, поэтому Таня взяла коммуникатор и позвонила знакомой на мобильник.

Так и есть, сонный голос:

– Слушаю.

– Лен, это Береснева. Ты сегодня у себя в редакции будешь?

– Ну... да, – после длинной паузы ответила та.

– Отлично. Я к тебе заскочу на несколько минут, хорошо?

– Танюш, что-то срочное? А то у меня дедлайн.

Дедлайн, конечно, для каждого журналиста – время святое, на то она и линия смерти, после которой можно уже не дергаться и не сдавать материалы, а готовиться к крупным неприятностям, вплоть до увольнения, но Татьяне тоже

ждать было не с руки.

– Я ненадолго. Спросить хочу об одном человеке.

– Это о ком?

– Ты знаешь такого Мануэля Лесто?

Снова молчание в трубке. Наконец, Лена ответила:

– Нет. Вроде не знаю. А должна?

– Не уверена, но, помнишь, недавно открывалась небольшая выставка – индейские вещи всякие? В особняке проходит, где-то в центре.

– Ну, да. Была я там.

– Я там тоже была, но тебя увидела, когда ты уже уезжала. Вот там этого Мануэля я и видела. Я его сфотографировала и хотела тебе показать. Может, вспомнишь.

– Ладно, тогда приезжай. Только не позже пяти, хорошо?

– Хорошо, Лен, конечно.

– И не раньше! – грозно сказала Лена, и прервала разговор.

Нужно было как-то убить время до четырех часов, когда следовало выходить из дома.

С тоской она обвела взглядом комнату и вздохнула:

– Где-то у меня жил пылесос. Изобразим домохозяйку.

К четырем часам квартиру можно было смело выстав-
лять на конкурс «Уютное жилище», а вот сама Таня уже
никуда ехать не хотела. А хотела она воткнуть в телеви-
зор флешку с давно скачанными фильмами Вима Вендерса,
включить, скажем "Отель «Миллион долларов» и сидеть в

обнимку с Мурчем, прекрасно зная, что в финале опять захлопает носом.

Однако, без пятнадцати пять Татьяна Береснева прошла вверх по Малой Дмитровке, свернула в арку и подошла к дому, стоявшему в глубине двора. Охранники прекрасно ее знали, но все равно деловито попросили паспорт и записали данные в старорежимную тетрадь.

Попадая в редакцию журнала, где работала Лена, Татьяна всегда поражалась, как здесь можно что-нибудь делать? Светло-серые помещения, в тон стенам ковровин на полу, светло-серые столы модели «офисная тоска» и постоянное людское мельтешение... При этом столы никак не отделялись друг от друга, поэтому говорить о каком-то личном пространстве не приходилось.

Однажды Таня спросила, почему не поставят хотя бы перегородки, и услышала, что руководство таким образом воспитывает в сотрудниках коллективизм.

Правда, Ленка, всегда бывшая сугубой индивидуалисткой, выбила себе место в углу у стены, развернула стол к входу, и хотя бы отчасти, создала для себя видимость отгороженности от остальных. Сейчас она что-то лихорадочно набивала на клавиатуре своего ноутбука, одновременно разговаривая по телефону, зажав трубку между плечом и подбородком.

Увидев Таню, глазами показала на стул, стоявший сбоку от стола.

Дождаясь, пока хозяйка стола закончит разговор, Таня достала из своей сумочки флешку, на которую скопировала фотографии Мануэля Лесто рядом с Вяземским. Поводила ею перед глазами Лены, ткнула пальцем в ноутбук, мол, я подключу?

Та перестала печатать и отъехала от стола, продолжая возмущаться в трубку:

– Что значит, не согласовано? Я текст вам когда отправляла? Нет, девушка, это вы не понимаете. Это ваш клиент и это вам должно быть выгодно, чтобы информация о нем была точной и достоверной.

Таня вставила тонкий прямоугольник флешки в компьютер и стала ждать, когда Лена закончит отчитывать собеседника.

Наконец, она положила трубку:

– Заколебали. Наберут идиоток по объявлению, а потом устраивают истерики – отчего это про них плохо написали. Здравствуй.

Выпалив се это, единым духом остроносенькая высокая блондинка потянулась к Тане и клюнула губами воздух возле щеки.

Те, кто не знал Лену, принимали ее за архитипическую тупую блондинку из анекдотов, чем та с великолепным цинизмом пользовалась как в работе, так и в личной жизни. Таня даже иногда завидовала этой способности своей знакомой, но с оттенком недоумения и легкой брезгливости. Впрочем,

она отдавала должное умению Лены добывать материал и потрясающей осведомленности во всем, что касалось светской жизни. Поэтому подругами они так и не стали, но сохраняли ровные доброжелательные отношения.

Таня считала, что это уже дорогого стоит.

– Ну, что там у тебя за таинственный мачо? – спросила Лена, открывая папку с фотографиями.

И сразу же сказала:

– Так, вот этого я знаю, – навела она стрелочку «мышки» на лицо Лесто.

– Слу-ушай, а это что за красавец?

И она всмотрелась в лицо Вяземского.

– Ян Александрович Вяземский. Бизнесмен, – коротко, не вдаваясь в детали, объяснила Таня.

– А с чего ты им заинтересовалась, а, подруга? Кстати, а как ты попала то на эту презентацию? Там тусовка была закрытая, как Форт Нокс. – остро глянула Лена.

– Сама пока не знаю. Честно. – надо было придумывать какую-то историю, иначе Ленка не отстанет. Таня проклинала себя за глупость – знала же, что это акула, которая вцепится и будет выпытывать все, из чего можно сделать материал.

– Я с этим Вяземским делала интервью. Он меня и пригласил. – Таня отчаянно старалась не покраснеть.

– Оп-па! Ну, ты даешь! – восхищенно всплеснула руками Лена. – Тогда я тебе скажу – плюнь на этого латиноса и окучивай беленького!

– Да ну тебя! Я серьезно – знаешь об этом Лесто что-нибудь?

– В общем, потом расскажешь, как и что у тебя с твоим бизнесменом!

Таня с отчаяньем поняла, что теперь Вяземский навеки будет «ее бизнесменом» и переубедить Лену будет невозможно. Счастье еще, что у этой акулы сохранились в отношении Тани остатки порядочности – трепать языком и печатать заметки о «романе загадочного бизнесмена и русской журналистки», не спросив у Тани, она не будет.

– Так. Что тебе про него сказать? – задумчиво изогнула нарисованную бровь Лена, – официально работает в посольстве какой-то банановой республики. Деньги вроде есть, но особо ими не сорит. Постоянно крутится вокруг наших музейщиков, археологов и всяческих эзотериков.

– Эзотериков?

– Ну, да. Всяких экстрасенсов, искателей Гипербореи и прочих. Ты чего, сейчас в тусовке это дико модно!

– Я думала, модно искать дворянские корни.

– Ты что! Это для дебилов из девяностых! – рассмеялась Лена, – а сейчас весь гламур ищет смысл жизни, кровь Древних, и наследие Гипербореи.

– А этот, – Таня кивнула на монитор, где Лесто стоял приоткрыв рот, – тоже Гиперборею ищет? Он же, вроде, из Латинской Америки. Ему-то что?

– Ой, да не знаю я. Зато достоверно известно, что он боль-

шой любитель баб-с. Но безобидный. То есть, все чинно-благородно. Цветочки, камешки, рестораны, курорты, это по полной программе. Не высший класс, конечно, – сморщила она носик, – но для девочек, недавно приехавших из Саратова, вполне сгодится.

– Откуда знаешь? – спросила Татьяна. На такие вопросы Лена не обижалась, считая их вполне естественными.

– Нет, меня он не клеил, – понимающе улыбнулась блондинка. – Но общие знакомые есть.

Таня задумчиво почесала бровь. Да уж, нечего сказать, богатые сведения.

Хотя... Хотя... подумать было над чем. И у кого спросить, тоже.

– Лен, а распечатай мне пару снимков на фотопринтере, а?

Лена с новым интересом взглянула на рыженькую собеседницу:

– Ты, никак, копать что-то решила? Подруга, чую, не твой профиль это.

– Да нет, – отмахнулась Таня. – Не копать. Мне не для материала.

– Ну, смотри. Если что, знаешь, к кому идти.

– К тебе. Обещаю – к тебе! – Таня подняла руку, словно принося присягу.

Лена отправила снимки на печать и сказала:

– Так. Где принтер – знаешь. Заберешь по дороге. А сей-

час, все, прости – начинаю подгорать. И, помахав ладошкой в знак прощания, снова уткнулась в ноутбук.

Проходя через длинную комнату, Таня забрала из принтера снимки, уложила их в сумку и вышла на улицу.

Снова достала смартфон:

– Славик? Алло. Да, я. Слу-ушай, у меня к тебе дело на миллион. Ага. Еду.

* * *

Учителя были непоколебимо уверены, что Славу Загорулько ждет колония. Когда он после восьмого класса покинул стены родной школы, вздохнули с облегчением все, включая пятиклашек Таниного класса.

Когда она переходила в девятый класс, в коридоре школы ей встретился бравый курсант училища ВДВ, в котором она с удивлением узнала Славку.

Затем он надолго пропал, и снова она его увидела года три назад. Искренне обрадовавшийся Славик пригласил ее на день рождения – ему исполнялся тридцать один год. Таня вздохнула, предчувствуя суровую мужскую пьянку, но школьный знакомый настолько искренне заглядывал ей в глаза, что она согласилась.

В итоге она познакомилась с невероятно интересной разношерстной компанией из двух молчаливых молодых людей, в которых она заподозрила сотрудников спецслужб, странно-

ватого парня, весь вечер увлеченно рассказывавшего о раскопках в Поволжье, и пары молодоженов, глядевших друг на друга влюбленными глазами. Пили на удивление немного, под хорошую плотную закуску, молодые «спецслужбисты» травили умеренно пошлые и ужасно смешные анекдоты, чуть захмелевший археолог рассказывал Тане о странных находках в курганах, затем запели молодожены.

Муж играл на гитаре, жена, у которой оказался приятный низкий голос, запела «По дороге сна», и все затихли.

Как всегда молчаливый Слава дождался, когда песня закончится, и ускользнул на балкон курить. Таня вышла следом:

– Ты надолго вернулся?

– Надеюсь, навсегда, Танюш.

– погоди, ты же офицер, мне говорили, тебя наградили, звание дали внеочередное, – удивилась Татьяна.

– Дали. Наградили. И инвалидность тоже.

Таня ойкнула. Слава казался таким сильным, надежным, таким... нормальным, что слово «инвалидность» никак с ним не вязалась.

– Да ничего страшного, Тань. Но к строевой я более не годен, а штабная грызня – не для меня. Так что, я и армия прекрасно просуществуем друг без друга.

В тот вечер они долго еще стояли на балконе и говорили. Обменялись телефонами, и регулярно созванивались.

Таня была ему искренне благодарна за настоящую дружбу,

особенно в период своего тяжелого и некрасивого развода. И за дружбу, и за то, что не воспользовался возможностью попасть к ней в постель, когда однажды на нее навалилась черная тоска, и было все равно, где, когда и с кем.

Вместо этого он просидел с ней до утра на кухне, потягивая красное вино. С рассветом Татьяна наплакалась вдосталь, и он отвел ее спать.

Друзья помогли ему оформить лицензию частного детектива, и дела у отставного офицера пошли на удивление неплохо.

Несколько раз Слава подкидывал ей интересную информацию о загадках современной Москвы, и о связи этих тайн с далеким прошлым города. Таня пробовала выспрашивать, как это может интересовать частного сыщика, но Славик лишь отшучивался, говоря, что заказы встречаются самые экзотические.

Зажужжал смартфон. Бодрый голос Славы:

– Береснева, я на Пятницкой В обычном месте. Давай устроим холостяцкий ужин, а потом я тебя подкину до дома.
– Еду.

Проехав пару остановок, Таня вышла из «Новокузнецкой» и направилась вниз по Пятницкой. Облюбованное Славой место пользовалось успехом – цены невысокие, интерьерчик опрятный, официанты вежливые, что ещё надо? Да еще и шведский стол есть.

Набросав на тарелку салатов и взяв стакан апельсинового

сока, Таня поднялась на второй этаж.

Слава поднял руку и она, лавируя между столиками, направилась к другу.

После обмена приветствиями Слава перешел к делу:

– И что тебе понадобилось? Кстати, где мой миллион?

– Слав, ты можешь мне дать слово, что все, о чем я тебе расскажу, останется между нами?

Детектив посерьезнел:

– Тань, обидеть хочешь?

– Не-а. Не хочу, – с набитым ртом ответила Таня, – но спросить должна.

– Честное слово.

И Татьяна безоговорочно поверила. Она рассказала Славе все – от интервью с Вяземским до ночных событий.

Слава слушал, не перебивая, лишь сделал пару заметок в своем блокноте, с которым, кажется, никогда не расставался.

Наконец за столом установилось молчание. Нарушил его Слава:

– Тань. Я тебе верю. Теперь говори, что ты хочешь от меня?

Глотнув сока, она полезла в сумку за фотографиями. Постучала по снимку:

– Вот, видишь? Это некий Мануэль Лесто. Ты можешь о нем что-нибудь узнать? Моя знакомая сказала только, что он работает в каком-то посольстве и крутится вокруг наших эзотериков и прочих искателей Гипербореи.

– Искателей, говоришь? Эзотериков, значит? – казалось, Славу это одновременно позабавило и заинтересовало.

– Ага. И о Вяземском тоже. – Таня выложила на стол лист, на котором распечатала всю информацию, которую знала о Вяземском сама.

– Тань, а ты уверена, что не стоит просто обратиться в милицию? Я тебя к хорошему оперу отведу, – заглянул ей в глаза Слава.

– И что этот опер сделает? С чем мы к нему придем то? Нет, Слав. Я сама пока не понимаю. Станный он, но его я не боюсь. А могу ли доверять – не знаю.

– Слушай, подруга, похоже, ты к нему неровно дышишь?! – изумился сыщик.

– Славка! Ты pomoжешь или нет! – Татьяна почувствовала, что у нее горят щеки.

– Помогу, – коротко ответил Слава, и, промокнув губы, бросил на поднос салфетку. – А теперь поехали по домам. Утро, оно вечера мудренее.

Допив сок, Таня встала. И в самом деле, нужно было выспаться. На следующий день она запланировала поездку в поместье Вяземского. Пора встретиться со своим спасителем и задать ему несколько вопросов.

Она очень не любила чувствовать себя дурой.

Таня успела забыть, что достаточно пары по-настоящему теплых весенних дней, чтобы кардинально изменить придорожный пейзаж.

Казалось, она едет по совершенно незнакомым местам — то, что в прошлый раз казалось серым и унылым, сегодня совершенно преобразилось. Даже прокопченные кособокие домишки придорожных деревень весело поблескивали стеклами свежевывмытых окон.

Дорожка, на которой произошла первая встреча Татьяны с Вяземским, теперь напоминала ей тоннель с зелеными стенами, подсвеченными изнутри теплым янтарным светом весеннего солнца.

Остановив свой автомобильчик перед воротами, Таня несколько раз глубоко вдохнула и длинно, с усилием, выдохнула, стараясь успокоиться.

Прекрасно зная неприятную особенность своего характера — умение «завести» себя, настроить на худший вариант развития событий, она каждый раз пыталась перед неприятной встречей прийти в состояние равновесия, но хватало «установки на позитив» ненадолго, в результате она лишь еще больше начинала нервничать.

Она вышла, не заглушая двигатель, и направилась к прямоугольному ящику переговорного устройства, висевшему

слева от въездных ворот.

Закусив губу, вдавила большую красную кнопку, подержала пару секунд, отпустила.

– Представьте, пожалуйста, и назовите причину визита, – проскрежетал гулкий металлический голос из решетчатого динамика, напоминающего забрало шлема Дарта Вейдера.

– Татьяна Береснева. К Яну Александровичу Вяземскому. А если его нет, – не давая голосу из динамика опомниться, продолжила Таня, – то передайте это Олафу. Или Владимиру. Который джип Яна Александровича водит.

– Ожидайте, – отрезал динамик и умолк.

Таня машинально глянула на часы и принялась ждать, нетерпеливо постукивая носком белой кроссовки по бетону подъездной площадки.

Невидимый собеседник не обманул, ровно через минуту створки ворот поползли в стороны, открывая проезд, а из динамика послышалось:

– Проезжайте, Татьяна Владимировна. Вас встретят перед домом.

Паркуя машину, Татьяна чувствовала, как у нее трясутся руки. На верхней площадке лестницы, там, где в прошлый раз стоял Вяземский, ее ждал Владимир.

Таня взбежала по ступеням и, коротко поздоровавшись с молодым человеком, спросила:

– Ян Александрович здесь?

– Да, проходите, пожалуйста, – дружелюбно улыбнулся Владимир, делая приглашающий жест.

Быстрым шагом она направилась ко входу, Владимир шел чуть сзади.

Остановившись в вестибюле, Татьяна резко развернулась к своему провожатому:

– Ну, куда идти?

– Ян Александрович ждет вас у себя в кабинете. Пойдемте. Кстати, как себя чувствуете?

Все же улыбка у него была на редкость добродушная, и Таня на секунду почувствовала прилив симпатии. Впрочем, моментально себя одернула, напомнив, что ему, наверняка, за это хорошо платят.

Проводив гостью до дверей кабинета, Владимир вежливо постучал, выждал несколько мгновений, и открыл дверь.

Вяземский сидел за рабочим столом, погрузившись в чтение бумаг.

Оторвавшись от них, он встал и, обогнув стол, направился к Татьяне:

– Здравствуйте, здравствуйте, Татьяна Владимировна. Искренне рад вас видеть. Что вас привело ко мне?

Таня опешила.

Он еще изображает, что ничего не произошло! Он еще смеет играть в радушного хозяина!

Стараясь говорить как можно более сухо и холодно, она произнесла:

– Господин Вяземский, будьте добры, объясните, что, собственно говоря, происходит?

– Простите, сударыня, – голос Вяземского стал на несколько тонов более официальным, – но я не совсем понимаю, что вы имеете в виду? Насколько я помню, в последнюю нашу встречу я, и мои сотрудники помогли вам отбиться от нападения хулиганов. Если честно, я думал, что вы приехали поблагодарить меня.

Таню понесло.

– Я?! Поблагодарить? Вы что, считаете меня идиоткой? Привыкли с парадными блондинками с одной извилиной общаться?!

– Татьяна Владимировна, позвольте! – попытался повысить голос хозяин кабинета, но Таня рубанула воздух ладонью:

– Не позволю! Я что, не понимаю, что это вы во всем виноваты?! Это после встречи с вами на меня напали! Вы меня потому и на выставку эту чертову взяли! Вы меня как наживку использовали!

– Да зачем мне это понадобилось то?! – наконец, вклинившись, воскликнул Вяземский.

– Это вы мне скажите – зачем?! Что я вам такого сделала?

– Что именно – это?

– Да все это! Приглашение, нападение!

– Что, и нападение тоже я устроил? – Вяземский казался искренне ошарашенным. – Интересно, это-то зачем?

– Откуда я знаю?! Может, решили изобразить отважного спасителя и... и... изнасиловать! – выпалила Таня.

Ну, знаете ли! – Вяземский побледнел и заговорил язвительно-спокойным тоном. – Вам не кажется, что это излишне сложная комбинация, чтобы овладеть вашим нежным девичьим телом сомнительной невинности?!

Татьяна задохнулась. Она стояла перед Вяземским сжимаемая и разжимая кулаки, и чувствовала, как жарким багрянцем наливается лицо. Наконец она выдохнула:

– Хам! Трус и хам!

Неожиданно Вяземский устало обмяк, плечи его опустились, он отвернулся от Татьяны и безнадежно махнул рукой: – Да думайте вы что хотите.

Она так и осталась стоять с открытым ртом, готовая выпалить очередную гневную тираду. Вместо этого она сунула руки в карманы и, ссутулившись, сказала с горечью:

– Дурак вы, Ян... Александрович.

Вяземский ответил, не оборачиваясь:

– Не то слово, не то слово...

Таня испытала странное ощущение – казалось, от ее дальнейших слов зависит вся ее дальнейшая судьба. Это было сладкое и страшное чувство. Она могла сухо извиниться и уйти. Ее жизнь осталась бы все такой же спокойной, упорядоченной, с небольшим, но довольно стабильным заработком, одинокими грустными выходными и редкими недолгими романами, заканчивавшимися в загородных домах отды-

ха или гостиницах для свиданий.

Что произойдет в другом случае, она не имела ни малейшего понятия. И потому, потупившись и шмыгая носом, чтобы сдержать непрошенные слезы, сказала:

– Знаете, как обидно чувствовать себя куклой? Не надо так. Давайте начнем сначала.

Она не ожидала, что он развернется так быстро, и что в глазах его будет столько надежды. Это выражение детской, мальчишеской надежды, готовности все признать и все простить, заставило ее смутиться еще больше и чтобы скрыть это, она неловко выставила руку и попросила:

– И еще. Не зовите меня по имени отчеству, пожалуйста. Терпеть не могу.

Вяземский шагнул к ней, протягивая руку:

– Хорошо. Тогда – Ян.

Она робко пожала ему руку и попросила:

– А пойдемте, погуляем по парку. Там так здорово. И вы мне все же расскажете, что происходит. Правда, мне надо это знать. Поймите, мне страшно.

Ей показалось, что она физически почувствовала волну облегчения, прокатившуюся по кабинету.

– Конечно, Татьяна Вла... Татьяна.

– Можно просто Таня, – засмеялась она.

Они неторопливо гуляли по дорожкам парка. Ян молчал, шел, потупив голову, сцепив руки за спиной, носками туфель откидывая с потрескавшихся плит прошлогоднюю листву.

Наконец, остановившись, глянул на спутницу:

– Татьяна, понимаете ли, перед тем, как я начну говорить, вы должны мне пообещать, что все, сказанное мною здесь и сейчас, здесь и останется.

– Хорошо, обещаю, – пожала она плечами. – Но вам не кажется, что все это начинает напоминать мелодраму?

– Нет. Не кажется. – голос Вяземского стал строгим. – Я верю вашему обещанию, вы кажетесь честным и серьезным человеком.

– Хм, честным, возможно. А вот серьезным – Таня зажмурилась, подставив лицо солнцу.

– Ничего – придется, станете и серьезной. Так вот, начнем с того, что у вас прекрасные друзья. Не далее, как сегодня утром, я уже почувствовал деликатное, но весьма настойчивое любопытство вашего друга Станислава Загорулько.

Таня поперхнулась и закашлялась.

– Ну что вы удивляетесь. Станислав, безусловно, профессионал очень высокого класса, но и мои сотрудники не зря зарплату получают. Думаю, скоро он вам сообщит, что ваши опасения в отношении меня беспочвенны.

А вот то, что вы попросили его заняться еще и господином Лесто – неосмотрительно. Это крайне скользкий тип, с очень широкими связями, и какими могут быть последствия подобного интереса – сказать не берусь.

– Ян, кто вы такой? – прямо спросила Таня, останавливаясь посреди дорожки.

Вяземский, слегка сощурившись от солнца, посмотрел на нее и ответил:

– В нашей стране отчего-то считается зазорным сотрудничать с государственными спецслужбами. Хотя, в той же Британии многие представители знатных родов гордятся тем, что их предки оказывали разного рода услуги тайной Службе Ее Величества. Сомерсет Моэм, кстати, совершенно не считал это зазорным.

– Вы хотите сказать...?

– Да. Я должен извиниться за то, что подверг вас опасности, но поймите и меня – я только успел прибыть на место, и тут же на меня натывается милая сексуальная и неглупая журналистка. Что я должен подумать?

С такой точки зрения Таня об этих событиях не думала.

И все равно обида оставалась.

– Ну и проверили бы меня. Или как там это называется.

– Поймите, Таня, все не так просто. И потом, ну, проверил бы я вас? И что? Если вас использовали «втемную», то это ничего бы не дало, а поднимать все ваши связи, проверять связи каждого вашего знакомого в каждой редакции, с которой вы сотрудничаете... – Ян развел руками. – Простите, но это заняло бы немало времени. Рациональнее понаблюдать за вами, не привлекая лишнего внимания.

– Значит, все же, наживка, – с грустной улыбкой сказала Таня.

– Увы, да. Я могу только еще раз извиниться, но оправ-

дываться не стану. Я не мог действовать иначе – слишком велик риск.

– Хорошо, оставим это. Ян, значит все это, – Таня обвела рукой усадьбу и парк, – только часть, как это говорят, легенды? И ваше прошлое тоже?

Вяземский рассмеялся:

– Нет, что вы! Все самое что ни на есть настоящее. Я действительно Ян Александрович Вяземский, я действительно владелец компании, у меня действительно есть бизнес в России.

– А как же сотрудничество и прочее? И что это за такое сотрудничество, что вы ходите по всяким странным выставкам, а потом дам, с которыми вы там были, гипнотизируют какими-то черными каменными блямбами и убивают с помощью оборванцев, которые не орут, когда им щеки распарывают?

Беседуя, они дошли до беседки, и сейчас стояли в ее тени. Таня медленно поднялась по ступенькам и села на холодную каменную скамью. Вяземский вошел следом, встал в центре, о чем-то задумался. Затем осторожно сказал:

– Таня, вы верите в духов, колдунов, экстрасенсов и прочие подобные вещи?

Наверное, если бы он сейчас встал на скамью и исполнил оперную арию или начал добывать из воздуха разноцветные шарики, она удивилась меньше.

– Простите?

– Таня, я могу повторить вопрос, но он от этого не изменится. Я абсолютно серьезен. Только, прежде чем отвечать, вспомните все, что с вами произошло в последние дни.

Таня уже открыла рот, чтобы сказать все, что думает по этому поводу, но так и замерла.

Перед глазами пронеслись картины – вот Соловьев достает из кармана черный диск и ей хочется рассказать ему все, что он хочет, а вот она видит, как ключ разрывает кожу оборванца, пытающегося ее убить, а человек никак не реагирует.

И она ничего не сказала. Только помотала головой.

– Вот именно, – почувствовал ее настроение Вяземский. – Не спешите отрицать то, с чем никогда не сталкивались. Так вот – как я уже говорил, мы помогаем определенным службам страны, которую я, возможно из сентиментальности, продолжаю считать своей Родиной. Если более конкретно – сотрудничаю с управлением, которое отвечает за исследование явлений, обычно называемых паранормальными. Я не слишком опасаясь рассказывать вам все это – скорее всего, если вы решите предать это гласности, вам просто не поверят. И потом, вы дали мне слово.

Тане казалось, что свет весеннего дня померк. Ей стало зябко, и она передернула плечами.

Вяземский заметил это и протянул ей руку:

– Пойдемте на солнце. Прекрасно понимаю ваше состояние. Кажется, что мир вокруг не то медленно рушится, не то течет.

Она молча кивнула, удивляясь, насколько точно он описал ее ощущение.

Между тем Вяземский продолжал:

– Подобные исследования проводят, насколько я знаю, спецслужбы всех серьезных стран. Они пристально следят за действиями не только крупных религиозных организаций, но и за новоявленными пророками, всяческими сектами, а также шаманами, экстрасенсами, словом, всеми, кто, так или иначе, заявляет о своей причастности к Неведомому. Но куда более пристально они следят за теми, кто о такой своей причастности не объявляет. Причин тому несколько. Самая очевидная – подобная среда является идеальной для воспитания религиозных фанатиков, формирования приверженцев тоталитаризма и так далее. Степень угрозы можете оценить сами.

Таня снова молча кивнула.

– Но есть и другие причины. Например, периодически среди всей этой мутной массы попадаются настоящие бриллианты – к примеру, довольно сильные проскописты или биолокаторщики. За ними необходимо наблюдать, поскольку нельзя, чтобы они попали в недружественное окружение. Кроме того, иногда мы сталкиваемся с совершенно потрясающими разработками в области психологии или исследования горизонтов сознания. И, наконец, лично я не исключаю появления новых учений, которые смогут перевернуть мир, дать ему новый толчок к развитию. Разве это не увлекатель-

но?

Мир все еще продолжал плыть, но Таня понемногу нащупывала в нем островки знакомой реальности и старательно цеплялась за них, заново выстраивая картину.

Ни минуты не колеблясь, она выпалила:

– Я хочу вам помочь. Скажите, как.

– Татьяна, о чем вы говорите? Каюсь, я вас в это дело впутал, но сейчас то...

– Ян, вы все еще продолжаете считать меня душой, или просто хотите избавиться. Я уже влипла. Неужели вы думаете, что теперь от меня просто так отстанут? Так чем быстрее мы с вами поймем, что происходит, тем лучше.

– Ну, что же, – почесал переносицу Ян, – похоже, вы правы. Ладно, давайте пойдем и, как и в прошлый раз, отобедаем. И я расскажу, чем вы можете быть полезны.

* * *

Возвращаясь уже под вечер в город, Татьяна чувствовала, как внутри у нее сплетается тугой клубок противоречивых чувств. Радость, предвкушение новых интересных событий, страх, тревога, неуверенность, бодрость...

Больше всего хотелось, чтобы не кончалась ровная асфальтовая полоса, по которой катила ее машина.

Решив, что нет смысла стараться удержать то, что все равно рано или поздно закончится, она откинулась на спинку

сиденья, поудобнее перехватила руль и прибавила громкость радиоприемника.

Через несколько минут Таня громко, не очень мелодично, зато с большим чувством подпевала солистке «Мельницы»:

*– Но никогда мой брат-чародей,
Ты не найдешь себе королеву,
А я не найду себе короля!*

Дорога была уже знакома, так что, от души напевшись, Таня переключила приемник на более спокойную волну, где передавали, в основном, инструментальную музыку, и стала вспоминать разговор с Вяземским.

Как и в прошлый раз, они обедали в небольшой столовой, и Ян Александрович, нет, просто, Ян, он сам так попросил его называть, ухаживал сам.

Она попыталась задавать вопросы, но хозяин дома вскинул руку:

– Так! За обедом никаких разговоров о колдунах и нечисти! Ешьте.

И сам принялся уплетать суп-пюре из шампиньонов.

Закончив обед, перешли в кабинет Вяземского, и он попросил принести им кофе.

Потягивая густую темную жидкость, начал свой рассказ:

– Давайте поступим так – я сейчас расскажу вам то, о чем имею право говорить с непосвященными, затем вы зададите мне свои вопросы. Смогу ответить – отвечу. Не смогу – увы,

«без комментариев».

Итак, начнем с того, что я уже упоминал в беседе – фактически все спецслужбы мира, по тем или иным причинам, отслеживают явления, которые обычные граждане считают несерьезной чертовщиной, или в которые просто не верят. Между тем, подобные отделы и управления существуют, иногда информация о них даже просачивается, с разрешения руководства, в прессу. Достаточно вспомнить, к примеру, штатовскую «Зону-51».

Вяземский сделал глоток кофе и взял из вазочки маленькое, обсыпанное сахаром, печенье. Откусил, деликатно захрустел. Прожевав, продолжил:

– Существовало нечто подобное и у нас. Но, в силу разных причин, о которых я, правда, только читал, направление это пришло в совершеннейший упадок, особенно в лихие девяностые. Поэтому, не так давно, ко мне обратились представители российских служб, и предложили сотрудничество в этой области.

– А почему именно к вам, Ян?

– Таня, отчасти, «но коммент». Скажу только, что в прошлом моей семьи, да и в моем тоже, достаточно событий, которые позволяют мне считать себя, если и не экспертом, то человеком, отлично разбирающемся в этой теме. Сразу предупрежу ваш следующий вопрос – я согласился потому, что мой род всегда служил Отчизне, как бы пафосно это не прозвучало. Я не вижу причин, по которым мог бы поступить

иначе.

– Кроме того, – он улыбнулся, и лицо его стало совершенно мальчишеским, – я авантюрист и люблю все новое и неизведанное.

– Кажется, в этом мы с вами сходимся, – хмыкнула Таня.

– Да я уже успел это заметить!

– Хорошо, тогда расскажите мне, какого черта со мной происходило в последние дни, и что за зомби на меня напали!

Вяземский аккуратно поставил чашку с кофейной гущей на поднос, задумчиво промокнул губы салфеткой. Было похоже, что он подбирает слова для ответа.

– Всего я вам не скажу. И даже не потому, что не имею права. Просто не знаю. Очень похоже на то, что вас приняли не то за моего курьера, через которого я передал какую-то важную информацию, и решили ее из вас обязательно выбить, не то за моего помощника, который раньше не попадал в поле зрения.

– Но убивать то зачем?!

– Скорее всего, когда не удалось заполучить от вас информацию во время разговора в кафе, кто-то решил, что проще будет вас убрать, замаскировав это под хулиганское нападение. Заодно, это отвлекло бы и мои силы от расследования.

– Что за расследование, вы мне, конечно же, не скажете?

– Не скажу, – улыбнулся Вяземский.

– Ян, но я же не дура. Вы встретились с Лесто. Именно

там вы и показали меня окружающим. Как это у вас называется – «засветили»? Узнать, что Лесто крутится вокруг наших эзотериков – дело совершенно плевое. Складываем два и два, и...? Так чем я могу вам помочь?

Ян остро глянул на собеседницу и одобрительно кивнул.

– Что ж. Вы явно не прекратите собирать информацию. Ради вас уже частные детективы стараются!

Таня против воли коротко хихикнула, но тут же взяла себя в руки.

Вяземский скрестил руки на груди, взгляд его стал задумчив. Он что-то решал для себя, выстраивал в уме некую комбинацию. Наконец сказал:

– Вы ведете в газете колонку о городских тайнах, так? Помню, еще говорили, что интересуетесь деятельностью Якова Брюса. Значит, связи в среде знатоков Москвы, историков, этнографов имеются. Правильно?

– Не могу сказать, что такие уж обширные, но знакомые есть. И историки, и этнографы, – вздохнула Таня, вспоминая галантного Петю Резчика, пытавшегося уговорить ее ехать с ним в Сочи. Стоять на ногах в тот момент Петя мог исключительно вертикально. Стоило ему податься назад или вперед, и он начинал извиваться, словно садовый шланг под напором воды. Приходилось хватать его за отвороты кожаной куртки и снова выравнивать. Прелесть ситуации была в том, что напоила Петю до такого состояния она. А что делать! Нужно было выкачать из него байки о призрачном мусорщи-

ке, якобы обитавшем в старых канализационных трубах под Замоскворечьем. К этнографам Петю отнести можно было с большой натяжкой, но слухов и баек о Москве знал великое множество, чем и пользовался, входя в доверие к клиентам. Правда, потом клиенты его обычно именовались «потерпевшими».

– Отлично. Тогда слушайте дальше.

– А можно я диктофон включу?

– Нет, Таня, это не интервью, так что, полагайтесь на память. Вы уже сами поняли, что дон Мануэль Лесто вызывает мой живейший интерес. Им самим уже занимаются, но меня привлек один момент, который вы сами и назвали – это его контакты с отечественными любителями эзотерики и прочими, как вы сказали «гиперборейцами». Этот человек ничего не делает просто так, поэтому, у него есть какая-то цель. Какая – тоже задача не ваша. Вас же я попрошу заняться тем, что поможет и вам самой – если что-то получится, материал будет сенсационный. Да и интерес в этом направлении с вашей стороны будет куда более естественным, чем с моей.

– Так что за интерес то? – решила ускорить размышления Вяземского Татьяна.

– Да, простите. Я немного увлекся. Чтобы стало понятнее, о чем речь, я должен сказать пару слов о самом Мануэле Лесто. Я знал его еще там – в Эквадоре, и он всегда вращался в кругах различных мистиков, почитателей Кастанеды, спонсировал каких-то непонятных колдунов, возрожда-

ющих «традиции далеких предков», и так далее. При этом сам он человек самого, что ни на есть практического склада ума, обладает весьма приличным состоянием и давно уже состоит на дипломатической службе.

Все бы ничего, но однажды господином Лесто заинтересовалась налоговая служба Аргентины. Всерьез заинтересовалась, но, вот ведь незадача, главные фигуранты внезапно скончались, следовательно, занимавшийся основной линией расследования сошел с ума, а документы на этого достойного человека пропали из охраняемого сейфа. Связать это с самым доном Мануэлем не удалось, но, как говорится в классическом анекдоте, «осадочек остался».

Таня почесала ногтем бровь и спросила:

– И чем придется интересоваться мне?

– А как раз тем, о чем вы уже узнали. Его интересом к московским мистикам. Но я не прошу вас ходить и выспрашивать знакомых Лесто. Нет. Мне нужны ваши способности в увязывании обрывков информации.

Дело в том, что Лесто с младых ногтей увлекается мифологией и магией тольтеков и тех, кого многие считают их преемниками на пути Темного Знания – ацтеков.

Раз Лесто здесь и собирает информацию, значит, чувствует что-то полезное для себя. Я хочу понять – что. Ищите все, что как-то может объединять ритуалы тольтеков, ацтеков, и интерес Лесто к российской истории. Пусть даже это покажется вам совершенно бредовым.

Таня старательно записала в свою тетрадь – «тольтеки, ацтеки, ритуалы. Славяне – какие ритуалы были у них. Московеды? Кого спросить?».

Вяземский дождался, когда она закончит писать, и попросил:

– А теперь, пожалуйста, расскажите, как можно более подробно, о чем вас пытался выспросить Соловьев.

Рассказывать пришлось три раза. Каждый раз Вяземский задавал новые уточняющие вопросы. Особенно его интересовало все, что связано с «дымящимся зеркалом» и «черными камнями». В конце концов Таня заявила, что больше не в состоянии выносить такое насилие над своим мозгом, поскольку вспоминать попросту нечего.

Вяземский вышел провожать ее на крыльцо. Подтянутый, очень прямой, он снова показался ей человеком другой эпохи – куда более опасной и благородной, пришельцем из тех времен, когда слово «честь» еще не вызывало презрительную усмешку.

И пусть говорят, что таких времен не было – при виде Вяземского Татьяна хотела верить – были. Обязательно были.

Она уже сбегала по ступеням, когда Вяземский окликнул: – Татьяна! Таня, подождите.

Она обернулась и чуть не столкнулась с ним – оказывается, он был уже совсем рядом. На раскрытой ладони протягивал ей свернутый кольцом кожаный ремешок.

– Возьмите, пожалуйста.

– Ян, у вас входит в привычку дарить мне на прощание подарки, – улыбнулась она.

– Разве это плохая привычка? – его ответная улыбка казалась чуть смущенной.

– И вы снова попросите носить, не снимая?

– Да. Попрошу. Желательно, на левой руке. Давайте-ка я сам завяжу.

Оказалось, это браслет, наподобие тех, которыми любили украшать себя хиппи. В отечественном сленге они получили известность, как «фенечки».

Но этот отличался от никчемушных поделок арбатских бездельников, как кухонный нож от боевого клинка.

Через широкую кожаную полосу были пропущены несколько тонких ремешков, на которых крепились маленькие костяные фигурки.

Таня присмотрелась – белый волк с оскаленной пастью, медведь, грозно поднявший лапу, хищная птица, раскинувшая крылья – не то сокол, не то орел.

– Кто это? – серьезно спросила она, показывая на птицу.

– Сокол, – коротко ответил Вяземский.

Татьяна вытянула руку, любясь подарком. Браслет смотрелся стильно и даже грозно. Он плотно охватывал запястье, и Тане неожиданно захотелось сжать ее в кулак, почувствовать в руке тяжесть рукояти боевого меча.

– Это тоже оберег, да? – посмотрела она на Яна.

– Да. Но не только. Считайте это еще и системой охра-

ны. И средством аварийной связи. Если вам будет что-то действительно серьезно угрожать, сорвите одну из фигурок и постарайтесь сломать. Например, раздавите каблуком. Но только, если угроза будет действительно смертельной. Это очень, – тут он сделал паузу, – мощное средство. В обычных условиях с этим оберегом управляются иначе, но вам я сейчас об этом рассказывать не буду.

– Спасибо, – коротко, но от всей души поблагодарила она Вяземского.

Сплетения

Уехала Таня только в начале восьмого, когда апрельский вечер решительно вступил в свои права, и парк затянуло зябкими сумерками.

Трясаясь по колдобинам грунтовки, она поймала себя на мысли, заставившей ее досадливо зашипеть: – Ай-й, прекрати.

Ей очень не хотелось уезжать. А хотелось сидеть в беседке рядом с Яном и смотреть, как вечерние тени размывают очертания деревьев, вдыхать запах весенней ночи, мерзнуть в своей тонкой городской куртке, а потом отогреться в той маленькой столовой, где они обедали, и смотреть, как Ян, поглядывая на дверь, ложкой поедает варенье.

Сейчас эти мысли снова вернулись.

Решительно выпрямившись, она нажала кнопку переключения радиостанций на автомобильном приемнике. Удовлетворенно сказала: – О, то, что нужно!

И бодро заголосила вместе с солистом «Наива»:

*– Я часто вижу страх
В смотрящих на меня глаза-ах!*

Если бы Татьяна или Вяземский знали о трагической участи капитана Нифонтова, если бы Ян попросил ее заняться

поисками чуть раньше, если бы он несколько раньше узнал о «расчлененке», которую уже забрало в свое производство и строжайше засекретило ФСБ...

Сколько их, этих вечных «если бы»?

Многих событий бы не произошло, многие люди остались бы живы, но все случилось так, как случилось.

Татьяна уехала домой, а Вяземский вызвал к себе Олафа, и, налив ему большую кружку крепкого черного чая, предложил присесть в одно из кресел, стоявших возле столика у окна.

Сам сел напротив, задумчиво уставился в непроглядную темень.

– Ян Александрович, что вас беспокоит? – прихлебывая чай, спросил Олаф.

Вяземский помолчал, поглаживая пальцами подбородок.

– Понимаете, Олаф, я никак не могу связать воедино кучу разрозненных фактов. Я чувствую шевеление вокруг, понимаю, что готовится что-то серьезное, возможно, даже один из Прорывов, но как только я пытаюсь сконцентрироваться и собрать картину, детали тут же разлетаются.

– Вы думаете, *они* действительно могут готовить Прорыв? Последний раз это случилось... сколько? Сорок или пятьдесят лет назад. Насколько я помню, австралийцы после этого заверяли нас, что Граница запечатана настолько надежно, насколько это вообще возможно.

Вяземский указательным пальцем потер свою искривлен-

ную переносицу:

– Печати! Вы не хуже моего знаете, насколько они условны. Да, австралийское отделение поработало замечательно и теперь там тишь да гладь. Но вопрос надо ставить иначе – чей именно Прорыв может готовиться? И почему именно здесь? И какое ко всему этому отношению, черт побери, может иметь аргентинский мошенник Лесто?

– Не пойму. Пока не пойму, Ян Александрович, – признался Олаф.

– Вот и я пока не понимаю.

Бесшумно поставив чашку на столик, Олиф снова откинулся в кресле.

– Скажите, а вы действительно думаете, что эта журналистка может раскопать что-нибудь стоящее?

– Откровенно говоря, нет. Но – сами знаете, иногда случаются самые невероятные вещи. К тому же, для нее куда безопаснее сидеть в архивах и беседовать с благообразными старичками-учеными, нежели рыскать по городу в поисках информации о Лесто. Откровенно говоря, я еще не знаю, как аукнется ее просьба, с которой она обратилась к Станиславу Загорулько.

– Думаете, этот будет рыть всерьез?

– Мало того, он уже роет. Вот скажите, вы верите в совпадения?

– Если честно, не очень, – сдержанно улыбнулся Олаф.

– Вот и я не очень. А то, что капитан Загорулько служил

в группе, обеспечивающий силовое прикрытие экспедиций «Спецотдела», и вовсе наводит меня на тяжкие размышления. Кстати, это стопроцентно достоверная информация?

– Абсолютно. Поверьте, я перепроверял по нескольким источникам – уточнил Олаф. – Сегодня с утра данные подтвердили. А потому, снова встает вопрос, который я вам задавал сегодня утром, когда отследил активность этого детектива – случайна ли ваша встреча с Бересневой.

Вяземский встал, прошелся по кабинету, остановился перед собеседником.

Покрутил головой, разгоняя напряжение после трудного дня. Ответил:

– А вы знаете, думаю, случайно. Либо ее используют настолько втемную, что она это как вмешательство даже не воспринимает. Понимаете, не будь это так, она не стала бы обращаться к Загорулько настолько открыто. Да и сам этот отставной капитан не полез бы так прямолинейно меня проверять.

– Похоже на то, – кивнул, поднимаясь, Олаф, – Какие распоряжения будут на завтра?

– Завтра мы с вами будем совершать визиты. Мне очень интересно, что же, все-таки, черт побери, происходит в этом славном городе.

В это же время в одном из особняков, расположившихся в самом центре Москвы, состоялась беседа, содержание которой очень заинтересовало бы Яна Вяземского и Олафа.

В комнате, тускло освещенной масляными светильниками, находились двое.

В невысоком ухоженном мужчине ярко выраженного латиноамериканского типа Татьяна без труда узнала бы Мануэля Лесто. Сейчас дон Мануэль взволнованно расхаживал перед вторым участником разговора, который слушал торопливую речь дипломата, вольготно раскинувшись в мягком кожаном кресле.

Разговор шел на языке, не поняли бы даже сегодняшние потомки ацтеков. Звуки этого языка некогда грозно разносились с вершин ступенчатых пирамид, обильно орошенных человеческой кровью, повергая в ужас окрестные племена.

– Поймите вы, – горячо убеждал Лесто, – нельзя действовать настолько неосмотрительно! Мы действуем практически на свой страх и риск! Мы в чужой стране с чужой культурой, помнящей о совсем других богах! Попробуйте объяснить это нашему почтенному гостю!

– Гостю? – холодно спросил сидевший. Его широкое круглое лицо с толстыми мясистыми губами и тяжелыми веками напоминало маску древнего божества. Веки лица-маски

дрогнули, и Лесто, споткнувшись на полушаге, остановился. Взгляд черных, горящих жестоким внутренним светом, глаз, пригвоздил его к месту.

– Гостю? – переспросил широколицый. – Вы забываетесь, Лесто. И забываете, что тот, кого вы назвали гостем, является вашим повелителем. И если Говорящему с Тецкатлипока нужны для смертного существования жизни этих белых дикарей, то он их получит столько, сколько требуется. Это понятно?

Лесто вытер белоснежным платком посеревшие трясущиеся губы:

– Великий Ицкоатль, поверьте, я нисколько не сомневаюсь в мудрости Говорящего. Вы знаете, что во всем здешнем мире у него нет более преданного слуги.

– Конечно, знаю, – высокомерно ответил Ицкоатль. – Ты же прекрасно понимаешь, что твое жалкое существование зависит от того, насколько ты будешь полезен Говорящему с Тецкатлипока.

Произнося эти слова, Ицкоатль встал. Несмотря на небольшой рост, он нависал над Лесто, подавляя собеседника холодным презрительным величием.

– А потому, – продолжал он, – более не беспокой меня подобными мелочами.

– Хорошо, о Великий, – склонив голову, ответил Лесто. – Но я хотел бы знать, что делать с женщиной, которой так неосторожно открылся наш слуга. И как поступить с воином,

которого прислали сюда наши враги?

На секунду Ицкоатль задумался. При упоминании воина по его лицу скользнула тихой змеёй недобрая улыбка.

– Лишнего внимания привлекать не стоит. Поэтому, в отношении воина пока ничего не предпринимай. Сейчас мы должны отвлекать его, подбрасывать ложные следы, подобно тому, как ящерица отбрасывает свой хвост, уходя от врагов. Для этого как раз можно использовать женщину. Попробуй убить ее, но так, чтобы это выглядело, как несчастный случай. Даже если она останется жива, то своими воплями отвлечет нашего преследователя. А нам нужно всего несколько дней. Тецкатлипока уже готов показать Говорящему место, подходящее для ритуала.

Ицкоатль покинул комнату. Губы Лесто снова затряслись, он с облегчением промокнул платком лицо. Больше всего он боялся, что это порождение неведомых адских сил припомнит ему, что Соловьева вербовал именно он. Но, судя по всему, на этот раз обошлось.

Лесто не обольщался в отношении себя: он оставался тем же, кем и был ранее – полуграмотным авантюристом, умеющим проскользнуть в нужные двери, благодаря обходительности и грубоватой природной хитрости.

Когда, несколько лет назад, к нему обратилась за помощью его тогдашняя любовница – сочная тридцатипятилетняя дамочка, помешанная на магии ацтеков, он и предполагать не мог, что все закончится тем, что он будет стоять по-

среди кабинета в ненавистой Москве и утирать со лба холодный пот.

Сначала его попросили помочь выкрасть ритуальный обсидиановый нож, хранившийся у одного из миллионеров-затворников, чьи коллекции никто никогда не видит.

Сумму назвали такую, что Лесто ни секунды не колебался. Нет, конечно же, он не полез на охраняемую виллу сам. Но договорился с нужными людьми и умело организовал весь процесс.

Его отблагодарили.

Спустя несколько дней любовница подарила ему гладкий черный камень, похожий на крохотное зеркальце.

И его дела пошли в гору. Черный диск работал безотказно, открывая нужные двери, помогая добиться расположения таких людей, о внимании которых он раньше и не мечтал. А, главное – даря Власть.

Когда Виктория, так звали его пассив, попросила найти здоровенького ребенка, которого не хватятся, он даже не стал интересоваться, зачем это нужно.

Просто сделал так, что ничего не подозревающий малыш оказался посреди джунглей, где возвышались развалины древнего храма.

Сам ритуал он запомнил плохо – слишком силен был ужас от увиденного.

Но затем появившийся откуда-то из непроглядной тьмы Ицкоатль возложил руку ему на лоб и показал, что может

получить верный слуга.

А потом – ЧТО случается с тем, кто отказывается.
Лесто очень старался быть преданным слугой.

* * *

Татьяна думала что, вернувшись домой не сможет заснуть и уже прикидывала, чем заняться, чтобы умотать себя так, чтобы упасть и забыться до утра.

Можно было посмотреть материалы по «расчлененке», также все еще висел долг – ненаписанный материал о Якове Брюсе. Якобы, он по приказу Петра I составлял карту «сильных мест» Москвы и Подмосковья. Сейчас многие считали, что под «местами силы» следует понимать зоны геомагнитной активности. Как бы то ни было, а материала о самом Брюсе Таня набрала уже немало, и колонка вырисовывалась вполне занятная.

Копаться в расчлененке не хотелось совсем, но редактор вцепился, что твой терьер, и требовал кровавых подробностей.

Кстати, а как там Нифонтов? – и Таня набрала номер капитана. До этого она без всякой надежды стучалась ему в мессенджер, но сообщение так и болталось непрочитанным. Новомодные способы связи Нифонтов терпеть не мог.

– Абонент не отвечает или временно недоступен, – сообщила ей автоматическая барышня.

Звонить в отделение с дороги не хотелось, поэтому она снова кинула коммуникатор на сиденье и сосредоточилась на дороге, решив позвонить капитану на работу уже из дома.

Вот и будет чем заняться, чтобы прогнать бессонницу.

Однако, навешивая на гараж замки, Таня поняла, что глаза у нее слипаются, и она готова уснуть прямо здесь – рядом с железной коробкой, положив рюкзак под голову.

Кое-как она дотащила себя до подъезда, постанывая, поднялась на второй этаж и ввалилась в квартиру.

Лишь на следующее утро она осознала, что ни разу не обернулась, высматривая возле гаражей подозрительные тени, не испытала даже мимолетного дуновения страха, идя к подъезду. Это она-то! Которая после каждого неприятного столкновения с руганью в очереди нервно оглядывалась.

Улыбнувшись, сжала в кулаке серебряный листок, словно пожимая руку верного друга.

Неотвратимо надвигались майские праздники, обещавшие в этом году быть на редкость теплыми. Во всяком случае, в этом была непоколебимо уверена Танина мама, уже несколько лет безвылазно жившая на даче в Зеленоградской.

Выйдя на пенсию, она заявила, что больше ни секунды не намерена дышать загазованным воздухом, сдала свою двухкомнатную квартиру возле метро «Алексеевская», и уехала в старый бревенчатый дом на лесной поляне.

Сейчас все были довольны – Светлана Игоревна с наслаждением год за годом «облагораживала участок» и, и обу-

страивала дом, а Татьяна жила в собственной квартире, что решало множество проблем.

Увы, квартира эта досталась ей от отца, ушедшего из жизни несправедливо рано и неожиданно.

Первое время она даже не могла заснуть без снотворного, настолько все в квартире напоминало о папе.

Со временем боль утихла, после развода Таня окончательно перебралась в Измайлово и теперь ни на что не променяла бы свое скромное жилище.

Каждую весну широкий подоконник занимал пластиковый ящик с рассадой, которую Таня на майские праздники отвозила маме.

Из года в год она пыталась выяснить у нее, зачем растить рассаду на подоконнике у непутевой дочери, если можно прекрасно вырастить и прямо на месте – в экологически чистом доме. Светлана Игоревна лишь махала рукой и говорила, что таким образом она хоть как-то дисциплинирует чадо-разгильдяйку.

Наскоро убравшись в квартире, Таня засела за статью.

Рассказ об удивительной жизни колдуна Брюса лег на бумагу неожиданно легко, закончила она его фразой: «Что случилось с Брюсовой картой достоверно не знает никто. Многие считают, что она существует и поныне, в каких-нибудь секретных кремлевских хранилищах, другие – что карта бесследно затерялась во время одной из войн. Но точно можно сказать одно – загадки Москвы и сегодня продолжают будо-

ражить наши умы, и, возможно, сегодня на старинную карту можно было бы нанести новые „места силы“.

Поставила точку и задумалась. Интересно, а есть ли сегодня такие карты Москвы и Подмосковья? Порывшись в памяти, не припомнила ничего, кроме откровенно любительских фальшивок, и записала в тетради – «поискать карты московской чертовщины».

Незаметно пролетел день.

Перечитав колонку, Таня отправила ее в редакцию и с удовольствием закрыла крышку ноутбука. Посмотрела на часы – можно, конечно, выехать сейчас, в ночь, но это означало сборы с бухты-барахты, напряженное всматривание в непроглядную темень дороги, и прочую нервотрепку. Да еще и мама будет волноваться...

Нет, лучше выехать с утра.

И она поставила будильник на шесть.

* * *

Таня порадовалась, что предусмотрительно положила телефон подальше от кровати. Иначе, точно бы его вырубил.

И точно оказалась бы 30-го апреля посреди раскаленной, уже в три часа дня наглухо вставшей, Ярославки.

Теперь же пришлось выбираться из постели, брести, пытаться разлепить глаза, к столу, отключать жизнерадостно трезвонящую «чертову коробочку». Не давая себе упасть обрат-

но в постель, открыла балкон и вдохнула полную грудь холодного бодрящего, еще пахнущего свежей весенней зеленью, воздуха.

Вымолвив: – Ы-ы-ы-rrrrr, она, поежившись, побежала на кухню – щелкать чайником, в ванную – умываться, затем последовала традиционная предпраздничная Большая Кормежка Мурча. Коту оставлялись две миски полных еды и две плошки с водой.

А потом надо было вывести «Гольф» из гаража, подогнать его к подъезду, загрузить длинный, норовивший причудливо изогнуться и перевернуться, пластиковый ящик с рассадой...

В результате к Кольцевой она вырулила только в семь утра. На мосту уже вырастал автомобильный хвост их жаждающих попасть в Балашиху, но, слава богу, съезд на Кольцо был свободен.

Дождавшись, когда мимо пронесется вереница рычащих грузовиков, она влилась в пока что не слишком плотный поток и покатила в правом ряду.

Ей повезло. Даже бесконечную змею съезда на Ярославское шоссе и вечную пробку перед Королёвым удалось миновать вполне благополучно а дальше машины стали сворачивать в сторону дачных поселков и перед Пушкино она неожиданно обнаружила, что в пределах видимости маячит лишь пара автомобилей, да изредка просвистывают дальнобойщики в сторону Москвы.

Татьяна ехала неторопливо, наслаждаясь возможностью отвлечься от суматохи последних дней, чувствуя, как покидает ее напряжение и его место занимает радостное предчувствие праздника, полного яркого слепящего солнечного света, белизны стволов старых берез, растущих вокруг дома и маминого причитания:

– Да что же ты делаешь! Ну, ты же всю рассаду погубишь!

А вечером они усядутся на террасе, и будут пить необыкновенно вкусный чай и трепаться «за жизнь». Такой чай получался только на даче – Светлана Игоревна специально набирала воду из родника, к которому перебирались по шаткому мостику из бревен, перекинутых через год от года мелеющий ручей.

Вода из этого, заключенного в древнюю коричневую трубу родника была действительно божественно вкусна. А чай! Для того, чтобы побаловать себя лишней чашечкой, Таня набирала полные канистры, потом долго стоявшие под обеденным столом.

Она настолько замечталась, что не сразу опознала зудение поставленного на вибрацию смартфона. Чёрт! Снова забыла достать из сумки!

– Алло! Алло! – она даже не посмотрела, кто звонит.

– Тан... Ты слы... – в динамике трещали помехи, потом воцарялась глухая тишина, через стену которой неуверенно прорывался настойчивый голос.

Она узнала характерный басок Славы Загорулько и ра-

лял. А тут...

Маленький синий Фольксваген «Гольф» стоял в крайней левой полосе, на участке, отведенном для разворота. Место это Таня очень не любила, но иного пути, чтобы попасть на отходящую от Ярославского шоссе дорогу к станции «Зеленоградская» не существовало.

Нужно было пропустить встречный транспорт, увидев «окно» быстро развернуться и по диагонали пересечь все полосы, вставая в крайнюю правую.

Увидев, что навстречу никто не едет, Татьяна приготовилась переключить скорость, когда из-за поворота вылетела огромная фура.

Пришлось снова выжидать.

Внезапно, машину сотряс сильнейший мягкий удар. Кажется, по «Гольфу» с размаха врезали великанской пуховой подушкой.

Машина выпрыгнула на встречную полосу прямо под колеса грузовика.

На Таню снизошло противоестественное спокойствие.

Она видела каждую деталь – отблески солнца на надранной радиаторной решетке, нестерпимо сияющие буквы Scania, трещины в асфальте, мусор в стыках бетонных плит на площадке перед магазином, брызги краски на вывеске «Хозтовары»...

Очень спокойно она выжала сцепление, врубила передачу и до отказа утопила педаль газа. Протестуя воя, синий ав-

томобильчик снова прыгнул, и на какие-то миллиметры разминулась с истерично воющим грузовиком.

Передними колесами «Гольф» уже заехал на площадку перед хозяйственным магазином, еще чуть-чуть и он покинет шоссе!

По крайней правой полосе накатывал еще один грузовик. Раньше его не было видно за «Сканией», он держался чуть позади, а сейчас нагнал.

Цапнув с пассажирского сиденья рюкзак, Таня дернула ручку двери и вывалилась из машины.

Больно ударилась плечом и коленом. Закрыв от ужаса глаза, покатила по пыльному бетону, ожидая, что сейчас ее накроет собственным автомобилем.

Удар, скрежет!

Удаляющийся рев двигателей, тишина.

Ни одной машины на шоссе.

Защебетали в придорожных кустах пичуги.

Таня подняла голову, открыла глаза.

В дверях хозяйственного магазина стояла сметанно-белая продавщица. Она смешно открывала и закрывала рот, и все пыталась поднять руку, что-то показать.

Таня окинула долгим взглядом груды металла, и визгливо захохотала. Безумно смешным казались зеленые ростки помидорной рассады, торчавшие из искореженной массы железа, несколько секунд назад бывшей ее любимым «Гольфиком».

Грузовик смял и разодрал всю заднюю часть автомобиля, превратив ее в месиво. Водительское сиденье сорвало с места и бросило на руль.

Не выпрыгни она – сейчас бы висела, пришпиленная к рулю, – подумала Таня, и это тоже показалось ей безумно смешным.

Оказалось, она все еще сжимает в кулаке лямку рюкзака.

Пошарив в нем, нашла коммуникатор и набрала номер мамы. Захлебываясь от смеха, с трудом проговорила:

– Мам. Да, я. Мам, а я тебе рассадку не привезу-у!

* * *

Гаишники прибыли на удивление оперативно. Выбравшийся из белого «Форда» с синей полосой увесистый сержант, с достоинством несший перед собой сытое упругое пузо, коротко спросил Таню о причине аварии, и передал описания грузовиков по радио.

Потом о чем-то долго расспрашивал Таню снова, она старалась отвечать, но приходилось концентрироваться даже для того, чтобы просто понять, что обращаются к ней.

Приехала «Скорая», оказывается, ее вызвала продавщица из «Хозтоваров». Таня сидела в густо пахнущем спиртом и какими-то медикаментами нутре, и не чувствовала, как мажут ее ссадины, как накладывают повязку на стесанное почти до кости колено. Потом врач сунул ей под нос вату, Таня

вдохнула и в голове у нее взорвалась бомба. Она резко отпрянула, врач придержал ее, удовлетворенно приговаривая:

– Ну-ну, вот и отлично. Теперь приходим в себя и начинаем соображать.

Нашатырь помог, Таня действительно сумела включиться в происходящее.

Оказалось, снаружи уже собрался народ. С плачем попыталась повиснуть на шее дочери Светлана Игоревна, чуть позади озабоченно всматривался в Таню их сосед по даче – отставной полковник Василий Степанович, которого мама моментально мобилизовала, чтобы добраться до места аварии. «Пятерка» Василия Степановича приткнулась на обочине, сразу же за автомобилями ГИБДД.

Зашипев от боли, Таня уперлась рукой маме в грудь и мягко отстранила ее. Светлана Игоревна тут же принялась ощупывать лицо дочери, тревожно заглядывая ей в глаза и за чем-то все время спрашивая:

– Ты не ушиблась, ты не ушиблась, деточка?

Таня почувствовала, как пузырится внутри смех и поняла, что мама сделала самую замечательную вещь на свете – окончательно вернула ее в реальность. Она сама жива, мама рядом и, как всегда, переживает за нее, как за пятилетнюю, солнце все еще светит, значит, все в порядке.

Здоровой рукой она прижала маму к себе:

– Нет, мама. Я не ушиблась. Я просто чуть не утробилась. Светлана Игоревна разревелась.

Дальнейшие события Таня помнила слабо – вместе с облегчением пришла огромная усталость. Василий Степанович отвел ее к своей «Пятерке», открыл заднюю дверь и усадил на сиденье,

– Дверь не закрывай, просто посиди. Или приляг. Я сам там разберусь.

И разобрался! Пару раз сквозь забытие Таня слышала его зычный голос, перекрывавший недовольное бормотание гаишников.

В итоге сержант, оформлявший аварию, подошел к ней с какими-то бумагами, попросил подписать.

Тут же возник отставной полковник, коршуном навис над плечом толстяка-милиционера, глянул на бумаги, и кивнул Тане:

– Все нормально. Подписывай.

Расписавшись, Татьяна вышла из машины. Вздыхая, хромая и постанывая, побродила вокруг останков «Гольфа». Василий Степанович ходил рядом, с другой стороны, все время заглядывая в лицо дочери, шла Светлана Игоревна.

В конце концов, Таня не выдержала:

– Да живая я! И не рехнулась! Колено болит, плечо болит! А крыша не поехала!

Колено, действительно, болело зверски.

Таня остановилась у смятого заднего бампера.

Да какой уж там бампер! Всю заднюю часть автомобиля вывернуло и даже частично оторвало, удар многотонного

грузовика, несшегося на полном ходу, был страшен.

И все равно Таня напряженно всматривалась в изодранный металл, словно надеялась обнаружить следы того первого толчка, что выбросил ее на встречную полосу.

Сосед-полковник встал рядом, проследил за Таниным взглядом, хотел что-то спросить, но вместо этого обратился к Таниной маме:

– Светлана Игоревна, а посмотри у меня в машине мобилку, принеси, будь другом.

Как только она отошла, спросил девушку:

– Ты что высматриваешь то? И как тебя, вообще, угораздило?

– Ох, Василь Степаныч, не спрашивайте. Сама не пойму. Вот как пойму – так скажу, верите? – задумчиво, не отрывая взгляд от погибшей машины, сказала она.

Теперь заболело еще и плечо. Поморщившись, Таня попробовала поднять руку и со свистом выдохнула воздух сквозь сжатые зубы, острое шило проткнуло руку от плеча до грудины.

Подоспевшая мама тревожно спросила:

– Что? Что такое?

И, не дожидаясь ответа дочери, обратилась уже к соседу:

– Вот что, Степаныч, вези ты ее в Москву, в «травму». Пусть снимки сделают.

Таня попробовала протестовать, но разве можно сопротивляться двум бодрым пенсионерам, почувствовавшим

свою полезность?

– А с ней что? Не оставлять же. Оформлять там что-нибудь – попыталась она вывернуться, но Василий Степанович решительно обнял ее за здоровое плечо и повел к машине:

– В утиль ее. Все. Померла, так померла. Я сам все устрою, прослежу, чтобы ее и отволокли куда надо, и с учета сняли.

Если Полковник, как звали Василия Семеновича между собой обитатели дачного поселка, что-то говорил, то все знали – так и будет.

А к Татьяне и особенно ее маме, он испытывал чувства, похоже, далеко выходящие за рамки добрососедских. Впрочем, держал себя истым джентльменом, и, как подмечала Таня, Светлана Игоревна тоже начинала отвечать бравому отставнику взаимностью.

В другое время Таня бы рассыпалась в словах благодарности, уверяла, что все сделает сама, но сегодня только молча кивнула, и, усевшись в машину полковника, устало закрыла глаза.

Навалилась тяжелая дремота.

Она слышала, как Василий Степанович звонит куда-то по телефону, что-то резко говорит командным тоном, потом она окончательно провалилась в сон и очнулась только когда «пятерка» затормозила перед больничного вида строением.

– Пойдем, девонька, – тронул ее за руку Василий Степанович.

Потом ее осматривали люди в белых халатах и с воинской

выправкой, ей сделали рентгеновский снимок, ей светили в глаза, ей поменяли повязку на ноге и еще раз обработали ушибленное плечо, ей...

Василий Степанович добрым но грозным ангелом возвышался за спинами докторов, отчего они подтягивались и делались внимательны и любезны.

Таня мимолетно подумала, кем же был милейший Степаныч во время службы, но мысль тут же ушла.

Выяснилось, что переломов и внутренних травм нет, есть только капитально ободранное колено, которое болеть будет долго, но, в конце концов, заживет, да сильнейший ушиб плеча, тоже неприятный, но здоровью не угрожающий.

Один из докторов на прощание выписал ей какие-то таблетки, наказав обязательно выпить перед сном, и с напутствием:

– Не волнуйтесь, но выпейте обязательно. Штука хорошая. Их в свое время людям, которых с «Норд-Оста» вывели, давали. Поверьте, вам это потребуется.

Таня поверила – потребуется, хотя пить непонятные снадобья очень не хотелось.

Неожиданно она очень остро поняла, чего именно ей хочется – чтобы рядом оказался Вяземский. Не нужно даже, чтобы он что-нибудь делал, просто был рядом, и она об этом знала. За руку могла бы поддержать.

Таня всхлипнула и, прогнав ненужные мысли, попросила Василия Степановича:

– Отвезите меня домой, пожалуйста. Я сейчас, наверное, приеду, и до утра просплю.

* * *

Она действительно думала, что отключится, едва сядет на кровать. Думала так, устраиваясь поудобнее, чтобы не тревожить плечо, где наливался феноменальных размеров синяк, думала, что заснет, пристраивая больное колено, мечтала об этом, закрывая глаза...

Яркий свет, удар, даже не удар, мягкий, но невероятной силы, толчок, «Гольф» летит вперед и, сотрясаясь, приземляется перед грузовиком. Надвигается решетка радиатора...

И снова...

И снова...

Раз за разом она прокручивала в памяти те секунды, когда жизнь ее подошла к тончайшей грани, где кончается известная нам территория бытия и начинается что-то, чего бояться все, без исключения, люди. К грани, за которой ты получаешь окончательный Ответ, но откуда уже не можешь вернуться, чтобы рассказать другим.

До боли сжав ладони, она заставляла себя прокручивать картинку снова и снова, не трясясь, сдерживая свое тело, которое хотело забиться в неконтролируемых судорогах, и всматривалась внутренним зрением в уже несуществующее зеркало заднего вида.

По секундам она проживала мгновения удара и все больше убеждалась – в зеркале заднего вида не было видно ничего, кроме пустого шоссе и голубого неба.

Осознав это, Таня успокоилась.

Постанывая, встала с кровати, и пошла на кухню, заваривать чай.

Она думала, что теперь-то точно испугается так, что не сможет даже подойти ко входной двери, но вместо этого наступило абсолютное спокойствие.

Все произошедшее настолько не укладывалось в рамки реальности, что не было смысла прибегать к каким-нибудь стандартным мерам – звонить в милицию, поднимать на ноги друзей, бежать или прятаться.

Если она осталась в живых – значит, сможет позаботиться о себе и дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.